

Т. А. Флоренская
ДИАЛОГ В ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ
НАУКА О ДУШЕ

Оглавление

Введение в диалог	2
<u>1. ЧЕЛОВЕК В ЧЕЛОВЕКЕ</u>	4
Дом души и храм духа	4
Подростки открывают духовное "Я"	6
Психология внутреннего мира	10
Экстраординарная самость	14
Я против "Я"	16
<u>2. СОЮЗ СВЯЩЕННЫЙ</u>	18
Символы супружеского союза	18
Мудрость любви.....	19
Идеал и идеализация	21
Любовь или влечение?.....	22
Не сошлись характерами	26
Власть женщины в семье.....	29
Диалогический вопросник межличностных отношений супругов ⁵	34
Продолжение рода	35
Венчание	38
<u>3. ПЕДАГОГИКА ДОВЕРИЯ.....</u>	41
Внутренний мир ребенка	41
Разумен ли эгоизм?.....	44
Мера наказания	47
Праздник непослушания	49
Послушание доверия	51
От урока к симпозиуму	52
Иллюзия "научного мировоззрения"	55
<u>4. ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА</u>	56
Вопросы к практическому психологу	56
О научном статусе практической психологии	59
М. М. Бахтин о проблеме текста как предмета в гуманитарных науках ⁸	62
Интерпретация текста в психологии консультирования.....	63
П.А. Флоренский о символической природе человека и его деятельности	64
<u>5. ПСИХОЛОГИЯ КАТАРСИСА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ.....</u>	67
Оживотворение души.....	67
Теоретические проблемы психологии катарсиса	68
Осуждение и жертва	71
Катарсис греческой трагедии.....	72
Очищающая жертва как основа культа	75
<u>6. ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКУ</u>	77
Встреча с совестью	77
Я тебя слушаю... (О молодежном телефоне доверия).....	82
Принципы работы консультанта.....	88
Слово в диалоге.....	89
Диалог человека с природой	92
Заключение	96
Приложение	97
Краткое содержание факультативного курса "Диалог и духовное становление личности" для студентов психологических факультетов университетов и педагогических институтов	
Тема 1. Психология, ориентированная на духовное становление личности.....	97
Тема 2. Диалог как духовно развивающее общение	97
Тема 3. Диалогичность отношений и духовное развитие личности в семье	98

Введение в диалог

Четырехлетний мальчик Данилка из Петрозаводска придумал такую сказку. "Росло дерево с волшебным дуплом. Там было чудо в дупле - муравьи. Влетела Сова в то дупло и одних муравьев съела, а других распугала. И стала Сова жить в том дупле. И вдруг она услышала: стучит кто-то. Выглянула из дупла - никого нет. Все равно кто-то стучит. Выглянула за березку - никого нет. А это стучало ее сердце. Потому что Сова была злая, а сердце у нее было доброе. Оно стучало и говорило: "Отпусти муравьев, отпусти муравьев!".

В каждом из нас живет "сокровенный сердца человек": то, о чем сказал Апостол Петр, открыто четырехлетнему ребенку. Но достучаться до сознания взрослого человека порой бывает очень трудно.

Тревожно жить Сове в чужом дупле. И не найти ей покоя, пока не послушается она голоса своей совести.

* * *

За помощью к психологу обращаются люди, у которых на душе тяжело: их мучают тревога, отсутствие цели и смысла жизни, душевная боль и тоска... Психолог не демиург: он не может изменить душу человека по своему разумению, не нарушив заповедь Гиппократа: "Не навреди!" Но он может помочь пробуждению живительных духовных сил, скрытых в глубине души. Суть диалогического консультирования в том, что человек не объект исследования, постановки диагноза и воздействия, а субъект живого общения, "сверхзадачей" которого является духовное пробуждение личности.

Прошли те времена, когда "глубинному" психологу требовалось много времени и усилий для того, чтобы "раскрепостить" вытесненные из сознания пациента постыдные влечения. Сегодня это "раскрещение" достигло массовых масштабов: из каналов массовой информации хлещут потоки нечистот. Но душевное здоровье человека и общества явно не улучшается. Во избежание массового удушья, очевидно, нужна экология не только окружающей среды, но и души человека. Джинн, вырвавшийся из бутылки, агрессивен; одержав верх, он делает человека одержимым. Вытесняется, предается и распинается "сокровенный сердца человек". Чтобы душа ожила, необходимо покаяние.

Практическая психология - это предмет не только для психолога-специалиста, в широком смысле слова это психологическая практика жизни. Каждый становится психологом в меру зрелости и осознанности своего душевного опыта.

Работа психолога-консультанта также зависит от качества и содержания его личного опыта. Это особенно дает себя знать в вопросах духовной жизни личности. Не имея духовного опыта и не признавая его реальности, консультант, в лучшем случае, пройдет мимо существа проблемы. Если же он убежден в "относительности" нравственных норм, усилия его будут направлены на то, чтобы расшатать нравственные устои посетителя и избавить его от "комплекса вины". Авторитет психологии поможет в этой "психокоррекции". Если консультант исповедует господство секса в психической жизни, он посоветует тревожному пациенту для снятия напряжения завести любовные связи; он не сочтет для себя зазорным вступить в интимные отношения с приятной ему клиенткой. Мода на плюрализм открывает в психологической практике широкие врата для вседозволенности.

Нравственная позиция психолога - область его свободного выбора и личной ответственности. Но эта ситуация означает, что к "психологической помощи" следует относиться с осторожностью, чтобы "не повредиться".

Предлагаемый в книге диалогический подход к психологическому консультированию основан на общечеловеческих духовно-нравственных ориентирах, испытанных многовековым опытом человечества и подтверждающихся опытом душевной жизни каждого человека, у которого жива совесть ("... Потому что Сова была злая, а сердце у нее было доброе").

Открывая книгу, обычно хочется узнать об авторе: кто он, почему написал ее, чем он хочет с тобой поделиться. Если книга - справочник или словарь, можно обойтись и без этого. Но о писателе, философе, ученом хочется знать; и не обязательно биографические подробности или даже особенности его характера, хотя и они могут быть интересны. Прежде всего хочется понять нечто

существенное, от чего зависит смысл написанного этим человеком. Поэтому я и начну с некоторых штрихов своей личной и научной биографии.

В психологию меня привели поиски выхода из мятущегося состояния души. Я чувствовала, что так не должно быть, что во мне что-то неладно и наука психология должна мне помочь. Но лекции и семинары по психологии в МГУ не касались моих душевных проблем: условные рефлексы, ощущения, восприятия, память, внимание, чувства - все это в отдельных главах, между которыми я не могла найти внутренней связи. "Психология" в переводе с греческого - "наука о душе". Но та психология, которую мы проходили, была явно наукой без души. Она старательно равнялась на естествознание, в котором видела образец научности, превращая человека в механическую систему. Самой убедительной фразой для Ученого совета было: "психологический механизм такой-то..."

Не лучше обстояло дело и с педагогикой. В человеке, учили нас, 95% психики является результатом воспитания. Из этого следовало, что личность формируется по заданной программе, являясь продуктом среды и воспитательных воздействий.

Университетские занятия психологией, физиологией, политэкономией, марксистской философией и другими науками, включая "научный атеизм", отнимали много времени и буквально "забивали голову". Так что я уже начинала забывать о своем первоначальном стремлении найти в психологии ответы на мучившие меня проблемы и обрести с ее помощью мир души. Много времени отнимали и "общественные нагрузки". Одним словом, сугуба заедала. Наступали летние каникулы, и я оказалась перед выбором: поехать мне с агитбригадой читать популярные лекции или заняться, наконец, чтением серьезной литературы для просвещения собственной души. И снится мне сон.

Я в переполненном метро. Люди суетятся, куда-то спешат, и я с ними спешу, не зная куда. Толпа вносит меня в вагон поезда. Двери закрываются, поезд трогается, и я вижу в окне огромную надпись: "Поезд следует до станции "ЧЕПУХА". Глубоко возмущившись, я на полном ходу рывком открываю дверь и выскакиваю из вагона. Вокруг тихо, спокойно. Передо мной источник чистой прохладной воды. Оборачиваюсь и вижу за собой бесконечную очередь...

Слово "чепуха" застряло в памяти после лекции по психологии "установки": если перед ним написать латинское Id, оно воспринимается как латинское "ренинса". Инерция установки подменяет реальность воспринимаемого, и вместо обыкновенной "чепухи" представляется благозвучная "ренинса". Не так ли и мы бессмысленную суету своей жизни называем красивыми словами "общественная работа", "просветительская деятельность", "самоотверженный бескорыстный труд" и т.д.? Во сне мне удалось вырваться из этой бессмысленной суеты массового движения и обрести источник тишины и мира. Оказалось, что он нужен не только мне, но очень многим.

С агитбригадой я не поехала и лето провела с пользой для души.

Много позднее, став уже "остепенившимся" научным сотрудником, я на практике поняла всю непригодность той "школьной" психологии для решения душевных проблем человека. За это время в науке произошел серьезный сдвиг: ранее запретные тесты, вопросы "буржуазных" авторов теперь вошли в моду и на них появился массовый спрос.

Но вопросы и тесты рассчитаны на человека среднего уровня. Если же обследуемый выходит за рамки "среднестатистического", он может получить парадоксальный диагноз. Обычно не бывает, чтобы человек никогда не лгал, не подводил людей, не опаздывал, не добивался успеха за счет других и т.д. Если же он это утверждает о себе, значит, он лжив. Но мне безразлично, каков этот человек с точки зрения среднестатистических мерок. Самое интересное то, что в человеке особенно, неповторимо. Кроме того, сами диагнозы - "тревожный", "интроверт", "шизоид", "невротик" и тому подобное - мало что говорят по существу. Самое существенное в человеке не то, каков он от природы или вследствие условий своего развития; ведь эти исходные данные - всего лишь материал, к которому он может так или иначе относиться и которым он может пользоваться в зависимости от понимания цели и смысла своей жизни. А последнее как раз и остается за скобками "личностных" тестов: они оказываются окологностными. Так что эти достижения научной психологии мало что дают науке о душе. Хотя знать о своем психическом материале бывает полезно, но это не самое главное.

Долгое время изучая и анализируя зарубежные теории "глубинной" психологии - психоанализа, аналитической психологии К.Г. Юнга, психосинтеза, гуманистической психологии, я не

стала сторонницей ни одной из них. Фрейдовский психоанализ был мне скучен своей откровенной бездуховностью и беспросветной погруженностью в вытесненные сексуальные проблемы.

В наше время вытесняется самое главное, святая святых души человека - голос совести.

Работая психологом-консультантом, я не раз убеждалась в этом. Подростки по телефону доверия, не смущаясь, могли много говорить о своих сексуальных проблемах, но лишь в исключительных случаях сами поднимали духовные и нравственные проблемы. Эти проблемы нередко попутно обнаруживались в ходе беседы и оказывались наиболее серьезными и "глубинными".

Консультируя разводящихся супругов, я могла убедиться в том, что их сексуальные проблемы зачастую являются производными от трудностей межличных и снимаются при их разрешении. Наиболее значительными с этой точки зрения были случаи, когда за помощью обращался человек в состоянии душевной тоски, неудовлетворенности жизнью, тревоги, внутреннего смятения; и за всем этим не было сексуальных проблем. Душевые трудности снимались при разрешении проблем нравственного и духовного характера.

Признание в человеке духовной жизни - явной или скрытой, "вытесненной" в область несознаваемого, - принципиально меняет десятилетиями укоренившиеся представления в психологии.

ЧЕЛОВЕК В ЧЕЛОВЕКЕ

Дом души и храм духа

Представление о доме как отображении тела человека было обычным в древности, да и в наше время тело называют "домом души". Архитекторы издавна принимали тело человека за образец дома и храма. Так, архитектор Витрувий сказал, что прекрасное здание должно быть "подобно хорошо сложенному человеку". А Микеланджело считал, что "части архитектурного целого находятся в таком же соотношении, как части человеческого тела, и тот, кто не знал и не знает строения человеческого тела в анатомическом смысле, не может этого понять". Это хорошо видно в архитектуре православных храмов, напоминающих могучих богатырей, стройных воинов, нарядных царевен и величавых цариц.

Кто же этот архитектор, создавший тело человека как непревзойденный образец для строителей? Некоторые ученые утверждают, что это - материя, природа, естественный отбор. Но из этого следует, что у природы, материи и естественного отбора был определенный проект, замысел, цель. Наука же утверждает, что они могут быть лишь у живого и разумного существа, но никак не у хаоса неживой материи, из которой якобы все произошло путем случайных комбинаций. Красота и гармония мира, законы природы, чудо плодородия земли и воспроизведения жизни животных и человека... Откуда это все? Этот вопрос постоянно задают дети. Но взрослые образованные люди перестают задумываться над этим, довольствуясь усвоенными понятиями естествознания и достижениями научного прогресса.

Человечество знает много прекрасных и полезных изобретений. Но если присмотреться к ним внимательно, можно увидеть, что все они так или иначе отображают строение и назначение органов тела человека. А все тело человека является прообразом дома. Об этом рассказал в своем труде "Органопроект" Павел Александрович Флоренский, выдающийся мыслитель и образованнейший ученый XX века. Он был священником и богословом. Чем глубже ученый познает мир, тем сильнее он проникается чувством изумления и благоговения перед красотой и совершенством его, перед непостижимой тайной жизни, мудростью и гармонией законов природы. Он видит ограниченность и мизерность познанного в сравнении с непознанным, таинственным. Поэтому многие выдающиеся ученые верили и верят в Творца всего сущего - Бога - и с благоговением смотрят на человека как на вершину Божественного творения.

Тело человека - самый совершенный из всех живых организмов. Ни одно создание рук человеческих не может сравниться с ним. Все изобретения в истории науки - лишь слепки, подражания органам человеческого тела. Они только продолжают их работу.

Представим себе фигуру человека с вытянутыми в стороны руками и поднятыми вверх ладонями. Что соответствует ей в мире техники? Конечно же, весы. Руки заменяют нам чашки весов, когда мы сравниваем, какой из двух грузов тяжелее.

Матерью всех изобретенных орудий является рука: гладящий утюг, шлифовальный станок, схватывающие устройства и другие машины продолжают работу руки и воспроизводят ее.

Изобретатель фотоаппарата сравнивал свое изобретение с глазом, а изобретатели линз и других оптических приборов сознательно воспроизвели строение частей глаза.

Подобием уха является рояль. Чтобы ухо слышало, оно должно воспроизводить звуки, поэтому в нем есть молоточек, наковальня и стремя. Барабанная перепонка уха соответствует клавишам, кортиеи дуги - струнам, костные резонаторы - резонаторным доскам и полостям.

Электрические провода и электроприборы воспроизводят нервную систему, по волоскам которой проходят нервные возбуждения, вызывающие сокращения мышц тела.

Кости служат прототипом железных и железобетонных сооружений. Они обладают чудесной крепостью благодаря своему строению, которое подобно механически совершенной системе упругих столбов и стропил.

Тепловая регуляция тела воспроизведена в строении термостата подобно тому, как инкубатор являет собой подражание курице-наседке.

И наконец, тело человека служит прообразом дома. Подобно тому как тело согласованно объединяет все его органы, так и дом, обслуживая человека, служит всемищающим орудий, созданных им. Так, водопровод соответствует кровеносной системе, электрические провода электроприборов - нервной системе, печь - легким, дымовая труба - горлу и т.д.

Войдя в дом, мы спрашиваем: "Есть ли тут живая душа?" Душой дома является его хозяйка. Пустой дом холоден, неуютен: он разрушается и умирает. Так умирает и тело человека, когда его оставляет жизнь, душа.

Тело мы видим, ощущаем, чувствуем; душа же невидима. Некоторые говорят поэтому, что души нет. Говорят это и многие психологи. Люди, призванные изучать психику, т.е. душу, отрицают само ее существование. Но точно также невидимы и наша память, внимание, воля, чувства - все проявления нашей психики - души. Однако никому не приходит в голову отрицать их существование.

Для серьезного ученого видимость явления вовсе не обязательный признак его существования. Мы видим и слышим далеко не все, что, несомненно, существует: так, у нашего глаза ограничена способность зрительного восприятия, он видит лишь в определенном диапазоне длин волн; то же относится к слуховому восприятию. Поэтому говорить: "Души нет, потому что ее не видно" - все равно что уподобиться слепому и глухому, отрицающему существование мира. Столь же несостоятелен аргумент невидимости при отрицании бытия Бога.

О людях мы говорим: "душевный человек", "добрая душа", "чистая душа". И все понимают, о чем идет речь. Мы чувствуем состояние своей души: "душа не на месте", "душа ушла в пятки", "душа горит" и т.д.

Кроме слова "душа" есть еще слово "дух". Интуитивно мы понимаем, что хотя они и связаны друг с другом, но между ними существует различие.

В переводе с греческого "психи" означает и "душа", и "дыхание", а дыхание - основа жизни тела. Слово "душа" означает также "бабочка"; на эллинских надгробиях душа изображается крылатой бабочкой. В греческом искусстве часто встречается такой сюжет: Амур, бог любви, ловит Психею-бабочку с горящим факелом в руках. Миф об Амуре и Психее в образах-символах раскрывает таинственную связь души и духа.

Душа стремится к духу, жаждет встречи с ним и лишь в слиянии с духом находит полноту и радость жизни. Когда дух покидает душу, она томится, страдает и всеми силами, преодолевая трудности и препятствия, устремляется к нему.

Психею разлучил с Амуром грех любопытства: наученная злыми сестрами, она решилась подглядеть за своим невидимым супругом и больно ранила его. Амур улетел от Психеи.

Такова же участь и любопытного исследователя тайн человеческого духа, ускользающего от него.

Для психолога миф об Амуре и Психее имеет особый смысл: ведь "психи" - один из двух корней слова "психология". Душа, персонифицированная в образе Психеи, не может жить без любви. Но

истинная любовь духовна. Она невидима для внешнего взора. Превращение ее в объект исследования, анализа ранит любовь, и, подобно Амуру, она улетает от психолога, стремящегося уловить ее в научные схемы, понятия и определения. Определить - значит положить предел, а дух беспределен и неуловим.

Душа стремится к духу. Когда они встречаются, наступает полнота любви, творческого вдохновения, внутреннего мира - это мир души и духа.

Говоря "душевный человек", мы подразумеваем такие его качества, как доброта, чуткость, тактичность, предупредительность и другие проявления, связанные с восприимчивостью, чувствительностью и сердечностью. Когда же речь идет о силе духа, об одухотворенности человека, мы чувствуем, что это нечто более таинственное и высокое, чем душевность. В это понятие включаются и мудрость, и воля, и высокие бескорыстные проявления любви. Душевность ассоциируется скорее с проявлениями женственности, пластиности, а духовность - с активностью, мужественностью. Подобно тому как жена хранит семейный очаг, уют и тепло дома, душа оживотворяет тело. Но она должна подчиняться духу, чтобы был мир в доме. Душа оживотворяет, дух управляет, тело подчиняется и служит им.

Кто был в Санкт-Петербурге, помнит четыре скульптуры Клодта: они изображают всадника, постепенно обуздывающего дикого коня. Конь обычно символизирует человеческую природу, тело человека. Четвертый всадник, спокойно ведущий уже покоренного коня, - символ одухотворенного человека, подчинившего тело духу, обуздавшего его. Вся композиция говорит о том, какого мужества, силы воли, решимости стоит победа духа над плотью. Но лишь победив свою природу, унаследованную от животного мира, человек становится ее мудрым хозяином, обретает то царственное достоинство, к которому он призван.

Представим себе, что бразды правления взяла непослушная, своевольная душа. Дух не может подчиняться ей - он ее оставляет, и она становится рабом тела, служит его необузданным желаниям и похотям. Тогда человек превращается в раба своего тела и теряет достоинство. Душа его мечется и тоскует, тело оскверняется и впадает в немощь от неправильного образа жизни¹.

Порядок в "доме души" и чистота в нем наступают лишь благодаря господству духа. Тогда тело человека становится прообразом храма. В храмах всех времен и религий выделяются три части: двор, святилище и самое святое: "святая святых". В христианских храмах это притвор, храм и алтарь. Такое строение соответствует трехчастности строения человека: тело, душа и дух.

О духовном достоинстве человека, о мире в его душе и в доме его, о семье, о психологии, которая помогает человеку обрести этот мир, и пойдет наша беседа.

Подростки открывают духовное "Я"

И дома, и в школе мы, взрослые, постоянно взываем к совести ребенка. Но знаем ли мы, какое содержание стоит за этим словом у детей? Может быть, для них это - пустой звук? И понимаем ли мы сами, что такое "совесть"?

Мы со студенткой Мариной Макеевой (теперь уже профессиональным психологом) решили узнать, как понимают подростки слово "совесть". Попросили их написать объяснения этого слова, а потом - сочинения, где рассказывались бы случаи из жизни вымышленных героев или своей собственной, связанные с совестью. Пообещали, что не будем оценивать их работу отметками и не станем рассказывать о ней учителям.

Нашу просьбу подростки приняли охотно, с интересом, и мы получили много искренних и содержательных ответов. В них отчетливо видны возрастные особенности подростков - младших и старших.

Для младших подростков - четвероклассников и пятиклассников - характерны подробные описания обыденных житейских ситуаций, особенно тема "о старушке". "Я вчера ехала в автобусе, было много народа. В автобус вошла пожилая женщина лет шестидесяти. У окошка сидел ученик. Женщина подошла к нему и поставила тяжелые сумки около него. Он посмотрел на сумки удивленно и отвернулся к окну. Так проехали несколько остановок. Потом женщина с ребенком уступила место

старушка, она села и тяжело вздохнула. Мне очень стыдно было за этого мальчика. А он сидел у окна и напевал тихонько песенку". В таком же эмоциональном и нравоучительном тоне подростки четвертых-пятых классов описывают ситуацию "разбитое стекло", "стертая отметка", "неуважение к учителю".

В рассказах этих детей отражены моральные нормы поведения школьника, усвоенные с первого класса. Их нарушение грозит наказанием и неодобрением взрослых. Но значимы они не только поэтому: ведь дети пишут не о страхе наказания, а о сочувствии, сострадании, любви к человеку.

"Например, мимо тебя прошел мальчик или девочка, у них какая-нибудь болезнь: они косые или у них длинные уши или шея. И мы, проходя мимо них, говорим: "Вон идет косая", или: "Вон идет гусь", или: "Вон идет ушаственный". Но когда мы хорошенько всмотримся в их лица, то в сердце появляется жалость к этим ребятам, и мы хотим подойти к ним и сказать: "Прости меня". Вот что такое совесть".

Здесь есть очень важное психологическое обобщение: когда мы проходим "мимо" человека, мы ведем себя не по совести, жестоко судим о нем, как о чужом, постороннем. "Но когда мы хорошенько всмотримся в их лица...", тогда, проявив внимание к этому человеку, начинаем чувствовать жалость и раскаяние в своей прежней жестокости: это и есть голос совести. Такое переживание сочувствия другому, своей сопричастности ему М.М. Пришвин назвал "родственным вниманием". Оно проявляется не только по отношению к человеку, но ко всему существу, с которым мы связаны узами родства. Так, совесть, основанная на родственном внимании, проявляется в отношении к животным. Вот один из рассказов на эту тему.

"Однажды я пошла гулять. Когда я зашла за дом, то увидела мальчика. Я подошла к нему и увидела, что он привязывает к крылу голубя нитку. Я спросила: "Зачем ты это делаешь?" Он сказал: "Тебя не спросил!" Тогда я его оттолкнула, взяла голубя и отвязала нитку. Потом его отпустила, но он не взлетел. Я позвала своего брата и рассказала все, что было. Мы этого голубя отнесли домой, стали лечить. Когда он вылечился, мы его отпустили, и он улетел. Теперь он к нам прилетает на карнизы, а иногда стучит в окно и хочет что-то сказать".

Родственное внимание наделяет чувством совести не только человека, но и животных: "Моя собака Малышка очень маленькая, но злая. Однажды мальчики поймали на улице котенка и начали его в грязи валять. Малышка, увидев это, подбежала и укусила одного из них. Мальчишка заплакал и убежал. За первым убежал и второй. А я взяла котенка на руки и отнесла домой. Малышка не любит кошек, но она увидела, что он маленький, и сама стала спать на подоконнике, а котенка я положила в Малышкину постель. Сейчас котенок уже большой, и они дружат с Малышкой. Но Малышка так же зла к кошкам".

Сопереживание связано с родством, единством всего живого - из этого единства и рождается совесть. Об этом говорит наш внутренний опыт: мы испытываем угрызения совести, когда ставим себя на место того, перед кем провинились. "Мне было бы худо на его месте", - как бы говорю я, и действительно чувствуя себя плохо, как будто этот человек не "другой", а я сам. Это глубокое чувство общности, сопричастности другому живет в каждом нормальном человеке.

В самом слове "совесть" на эту общность и сопричастность указывает приставка "СО" (она и в таких словах, как "сообщ-ность", "сочувствие", "сотрудничество", говорящих об общности, единстве людей). Корень этого слова - "весь" (от "ведать", "знать") - указывает на то, что совесть дает нам знать о правильности или неправильности поступка, слова или мысли именно с точки зрения общности, единства людей, природы и всего сущего.

Если в ответах младших подростков преобладает эмоциональная сторона понятия совести, то у подростков старших классов чаще звучит сознательная оценка своих поступков.

Объясняя понятие "совесть", младшие подростки пишут, что это "чувство, грызущее душу за плохой поступок"; "совесть - это любовь. Когда сделаешь что-то плохое, то и тебе от этого будет не очень-то хорошо, тебя замучает совесть". Здесь есть и осознание переживаний совести. Оно возникает сначала в связи с душевным разладом, трудностью (подобно тому, как мы обычно начинаем анализировать ход своих действий, когда происходит сбой, нарушение правильного хода дела). По-видимому, этим объясняется то, что дети обычно связывают совесть с отрицательными переживаниями - "муками совести".

Осознание же совести как вести о правильности поступка хорошего, доброго, очевидно, приходит с опытом, когда человек приобретает навык слышать "голос совести" и руководствоваться

им в своем поведении: одобряет этот голос или осуждает задуманный или уже совершенный поступок. У младших подростков поведение еще в большой степени определяется моральными требованиями и оценками взрослых.

Новые оттенки в понимании совести появляются у подростков-шестиклассников и семиклассников: "Совесть - это чувство, которое не зависит от твоих желаний. Если твой поступок прошел для всех незаметно, то для тебя самого этот поступок остается, ты начинаешь размышлять над тем, что ты совершил, потом тебя эта мысль начинает преследовать, и ты чувствуешь, что если не исправишь свой поступок, то ты упадешь в собственных твоих глазах".

Появляется ориентация своего поведения уже не на внешнюю оценку, как у младших подростков, но на самооценку. В этом возрасте мы не встретили уже ни одного ответа, связывающего совесть с моральными требованиями взрослых. "В человеке просыпается совесть, когда он сделал то, что ему самому не очень хотелось бы сделать. Совесть - это что-то круглое, пушистое, но, когда человек поступает плохо, на ней появляются колючки, и она царапается ими в душе человека". Такие описания переживаний совести говорят о глубоко личном, индивидуальном, собственном опыте подростка.

В этом возрасте учителя и родители занимают уже далеко не первое место в душевной жизни: их вытесняют отношения с товарищами. "Один мой приятель разбил одной девочке очки. После этого его целый вечер мучила совесть. Лежит какой-то камень на сердце - и все тут. Не знаю, где набрал он столько мужества, но все-таки он позвонил ей этим же вечером и попросил прощения. После этого у него как гора с плеч свалилась". (Не исключено, что "один мой приятель" - это и есть сам автор повествования: очень уж убедительно он описывает мучения совести.) А вот другой рассказ. "Однажды одному в общем-то хорошему человеку взбрело в голову поймать на улице беспризорную кошку и привязать к ее хвосту груду консервных банок, чтоб гремело. "Авось, ничего не будет", - подумал он и принялся за дело. Он увидел на улице первую попавшуюся кошку. Поймав ее, он привязал банки к хвосту и выпустил кошку. Кошка загремела по улице, а "герой" отправился за ней домой. Но тут он увидел такое, что заставило его покраснеть. Его лучший друг отвязал от кошки банки. Это была его кошка. Наш "герой" сидел дома. Его звали гулять, но он отказывался. Его мучила совесть".

Не попадись этому (в общем-то хорошему) человеку его лучший друг, может быть, пришлось бы долго мучиться кошке, а не совести. Увещевания взрослых уже не могут заставить покраснеть этого подростка, а вот друг... Что скажет, что подумает о нем? Это стыд, а не совесть: способность посмотреть на себя глазами другого, особенно любимого человека и оценить свой поступок с его точки зрения. Конечно, подростку легче встать на точку зрения друга, чем посмотреть на себя глазами проходящих мимо старушки или милиционера (тут возникли бы уже другие чувства: озорство, бравада, страх, но не стыд и совесть). Стыд и совесть подростки еще не умеют различать; и действительно, эти чувства родственные: каждое из них основано на способности встать на место другого, почувствовать себя на его месте, представить и понять, что тот может подумать. Но стыд - перед другим за себя, совесть же основана на сострадании другому из-за себя, виновника его страдания. Совесть - более глубокое и зрелое переживание, побуждающее к осознанию нравственного нарушения.

"Совесть - когда в человеке пробуждается понимание, когда он сам с собой обсуждает свои поступки. Если они плохие, то он должен исправлять". Старшие подростки связывают совесть с убеждениями: "Совесть - это личное внутреннее мнение и суждение". "Совесть - чувство, не позволяющее сделать что-то противное твоим убеждениям". Эти убеждения могут расходиться с мнением большинства, и подросток, для которого так значима солидарность с товарищами и сверстниками, способен даже, руководствуясь совестью, преодолеть давление их подростковой "морали". Вот как изменяется ситуация "в общественном транспорте": "В автобус входит пожилой человек, и мальчик должен уступить место. Но он находится в компании сверстников, и над ним могут пошутить из-за этого. Но все-таки, переборов себя, мальчик уступает место на глазах у друзей. Он колеблется, но потом чувство совести взяло верх над боязнью быть осмеянным".

В душе старшего подростка идет борьба между совестью и подростковым "негативизмом" - стремлением доказать свою свободу и независимость от морали взрослых. Вот как это звучит в их ответах: "Совесть - это такое понятие, которое мы не проходили. И вообще, это понятие вполне растяжимое. Если требуется индивидуальное мнение, то его дать не могу, потому что человек без

общества - ничто. А вообще, в разных ситуациях человек может проявить свою совесть, а может побояться это сделать. Постоянной совести нет ни у кого. Поэтому совесть - понятие относительное". Любопытно рассуждение одного юного философствующего "релятивиста": "Что такое совесть - никто не знает (кроме меня). Я знаю. Могу поделиться. Это - то, чего в достатке нет ни у кого. Я так думаю. Совесть - это когда стыдно за свои плохие поступки (за слишком хорошие иногда тоже). Чистую совесть я в своей жизни не наблюдал ни у кого. Многие пытаются скрыть свою совесть. Им совестно за свою совесть. По-моему, совесть - нужная вещь. Было бы ее побольше у людей, особенно в нашем классе. Конечно, не надо слишком много совести. А то будет слишком совестно". И игриво-ироническая подпись: "К-ский и моя совесть".

Этому подростку явно "совестно за свою совесть" (а точнее - стыдно), оттого все так противоречиво и зыбко в его словах. Какая сторона этого противоречия победит, окажись он в ситуации нравственного выбора? Хочется верить, что эта наносная бравада пройдет со временем.

Но, к сожалению, этот подростковый негативизм у многих людей сохраняется на всю жизнь. Мы можем узнать его и в философских системах, и в психологических теориях, которые утверждают, что совесть мешает раскрепощению психической энергии; что касается "массового" искусства, то оно утратило не только совесть, но и элементарный стыд... Это - бедствие в нашем отечестве, которое еще в прошлом веке было для всего мира образцом высокой духовной культуры, не сущей идеалы нравственной чистоты. Десятилетия безжизненной коммунистической морали сделали свое дело, обесценив подлинную нравственность, присущую душе каждого человека. Порою она таится под спудом стыда за свою совесть ("многие пытаются скрывать свою совесть"). Лишь в свободной душе говорит совесть. В условиях идеологического рабства человек становится глухим к ее голосу и она замолкает. Но совесть, отвергнутая человеком, проявляется в непонятных ему состояниях тревоги, страха, неудовлетворенности, тоски... Человек ищет, чем бы заглушить эту боль души, и с этим связаны разные виды наркомании: от алкоголя и секса до поп-музыки.

Подростки пишут: совесть "гложет", "мучает", "терзает", "болит"... Что это за обвинитель, властный голос которого сильнее голоса самооправдания? И что в нас "болит"? Мы знаем, что голос совести бывает сильнее физических страданий. Но когда болит сердце или зубы, ясно, с ними что-то неладно, что их надо лечить. А когда душа стонет от мук уязвленной совести (как, например, у Бориса Годунова в пушкинской трагедии: "Как язвой моровой душа горит...") - что болит? И почему - болит?

Страдания телесные свидетельствуют о нарушении нормального строя организма. Подобно этому, душевная боль говорит о расстройстве души. И у души есть свой строй, порядок. Нужно заботиться и следить за сохранением этого душевного строя, чтобы душа не заболела. Ведь душевное расстройство может стать необратимым, как и физическое. Оно может навсегда лишить человека радости жизни, сил и разума.

Вспомним Родиона Раскольникова из романа Достоевского "Преступление и наказание". Он сознательно, из "идейных соображений" убил старуху-процентщицу, для блага других, близких ему людей. К благу это не привело. А герой на протяжении всего романа мучается, томится и, подобно живому трупу, бродит по жизни, не находя покоя. Убив другого, пусть неприятного, чуждого ему человека, он убил жизнь в себе самом. Рассудочное самооправдание не помогает ему, он совершает один за другим странные, иррациональные поступки, символически выражющие подавляемое чувство вины. И наконец, как бы автоматически, непроизвольно решается на поступок, достойный истинно раскаявшегося человека: признается в своем преступлении и добровольно терпит наказание. Он на коленях просит прощения у матери-земли. Но сознательное раскаяние приходит к Раскольникову только в эпилоге романа. Это поведение человека, душевно раздвоенного (что звучит и в фамилии "Раскольников"). Оно говорит о неумолимости совести - этого таинственного внутреннего судьи, выносящего приговор "всемогущему" теоретику. Это приговор по закону совести. Закон этот выражен в названии романа "Преступление и наказание". Его можно понять и как причинно-следственную связь преступления и наказания, и как их тождество: преступление и есть наказание.

Совесть дает о себе знать. Подростки "не проходили", что такое "совесть", но они знают о ней. Ни в одном учебнике по психологии я не встретила таких глубоких и зрелых ее описаний, как в словах некоторых из них: "Совесть - это второе "Я" человека, обязательное у всех. И обязательно это "Я" должно быть идеально правильным, верным, оно должно подсказывать человеку, что, как, когда надо делать. Это "Я" должно думать о всех окружающих". В психологии общепринято утверждение об

открытии "Я" как существенном "новообразовании" подросткового возраста. Но подросток написал о втором "Я". Это открытие куда более серьезное. Вот еще подобные ответы о втором "Я". "Совесть - это что-то чистое, что есть в душе каждого человека, оно не должно быть подлым, это самоконтроль человека. И обязательно лучший"; "Это твое второе лицо (внутреннее)"; "Совесть - когда делаешь одно, а "внутренний голос" говорит, что надо бы сделать другое. И начинаешь мучиться: как надо бы сделать - так или этак? Как было бы лучше?"

Знаменательно, что открытие "правильного", идеального, лучшего "Я" совершают подростки, критически и неприязненно относящиеся к моральным требованиям взрослых, склонные к своей "автономной" подростковой морали. Это служит аргументом против распространенного в психологии и педагогике мнения о совести как результате усвоенных моральных норм и требований взрослых. Требования совести прорастают изнутри, моральные требования идут извне. Они могут совпасть, а могут и разойтись. Решающую роль в переживаниях совести играют общечеловеческие нравственные нормы. А моральные требования не универсальны, они меняются в зависимости от времени, культуры, общественного строя и т.д. (говорят и о "преступной морали", и о "фашистской морали"). В голосе совести звучит нравственный закон души человека. Не случайно подростки называют второе "Я" "правильным", "идеальным", "внутренним судьей": ведь судья судит сообразно законам, правилам, нормам. "Помимо моих личных эгоистических интересов существуют объективные законы, нарушение которых вредно для всех и для меня самого. Это "Я" должно думать о всех окружающих. Оно должно подсказывать человеку - что, как, когда надо делать".

"Во мне живет и руководит мною мудрейший Наставник, Он говорит со мной голосом совести. Слушаясь Его, и сам я могу стать не просто умным, но мудрым в своих мыслях, чувствах и делах. Советы Его могут оказаться выше моего разумения и даже идти вопреки ему, но жизнь покажет их истинность, опыт научит, что непослушание голосу совести вредит и мне, и окружающим меня людям".

Совесть - голос Божий в душе человека. Весть идет от Бога, согласие - от человека. Веления совести согласны с десятью заповедями Библии. Это законы, нарушение которых грозит распадом личности и обществу. Если бы все люди стали убивать, красть, вести беспорядочную половую жизнь и т.д., это привело бы к хаосу и погибели человечества. В эту пропасть и пытаются затянуть нас силы зла, открыто и нагло разрушающие нравственность. Битва идет уже не на жизнь, а на смерть. И каждый призван сделать свой выбор.

Психология внутреннего мира

Научная психология, равняющаяся на естествознание и его объективные методы, видит в человеке объект исследования, психодиагностики, целенаправленного формирования. Сообразно такому подходу, ребенок, ученик - объект воспитательных воздействий, формирования определенных психологических механизмов, заданного образца личности. Научные исследования в психологии и педагогике проводятся на большом, статистически значимом материале: они выявляют закономерность психики человека вообще. Неповторимая индивидуальность выпадает из такой психологии. За рамками объективной психологии остается внутренний мир личности: это - мир субъекта, он не может быть исследован так, как исследуют внешние объекты, его нельзя измерить, вычислить, воспроизвести.

Психология - наука о душе человека - не может равняться на принципы и методы физики, химии, биологии. Она - гуманитарная наука, и методы у нее особые: они обращены к внутреннему опыту человека. Такая психология восходит своими корнями к глубокой древности.

С именем Сократа связано диалогическое направление в гуманитарной науке. В современной западной философии это направление связывается с именем М. Бубера. В нашей стране оно разработано такими выдающимися учеными, как М.М. Бахтин и С.С. Аверинцев. Обратимся к их мыслям о диалогическом пути познания человека.

В научных исследованиях есть два предела: **вещь и личность**. Чем ближе человек к личностному пределу, тем непри-ложимее к его познанию методы научного обобщения: это стирает

границы между гением и бездарностью. Точность в науке нужна для овладения предметом, но личностью нельзя овладеть: она свободна. Суть личности невместима в рамки интеллекта. "Критерий здесь не точность познания, а глубина проникновения". Объективное исследование не может открыть истины о человеке. Оно напоминает судебное следствие и суд над личностью. Таков суд над Дмитрием Карамазовым в романе Ф.М. Достоевского. Как пишет об этом М.М. Бахтин, "они (судьи. - Т.Ф.) ищут и видят в нем только фактическую, вещную определенность переживаний и поступков и подводят их под определенные уже понятия и схемы. Подлинный Дмитрий остается вне их суда (он сам себя будет судить)". Это очень точно выражает ситуацию в экспериментальной психологии и психодиагностике, которые подводят человека "под определенные уже понятия и схемы", проходя мимо его существа.

Ф.М. Достоевский испытывал глубокое неприятие "научной" психологии и решительно отказывался называться психологом: "Меня зовут психологом: неправда. Я лишь реалист в высшем смысле, т.е. изображаю все глубины души человеческой". Из этих слов великого знатока человеческой души вытекает, что в современной ему научной психологии он не видел пути познания ее глубин. Каков же этот путь?

М.М. Бахтин в своем анализе романов Ф. Достоевского определяет этот путь как диалог: "Овладеть внутренним человеком, увидеть и понять его нельзя, делая его объектом безучастного нейтрального анализа, нельзя овладеть им и путем слияния с ним, вчувствования в него. Нет, к нему можно подойти и его можно раскрыть - точнее, заставить его самого раскрыться - лишь путем общения с ним, диалогически".

Диалог - это не просто разговор двух людей: такой разговор может быть по своей сути монологом каждого из них. Также и монологичное по внешней форме высказывание может оказаться выражением внутреннего диалога или быть обращенным диалогически к невидимому собеседнику. Иными словами, научное понятие диалога не совпадает с житейским представлением.

Бахтин видит в диалоге суть бытия человека. "Два голоса - минимум жизни, минимум бытия". Как это понять? Один человек сам по себе не может существовать: все в нем - язык, сознание, чувства - возникло и живет вследствие и в процессе общения: там, где нет внешнего общения, происходит внутренний диалог-беседа с кем-то, спор, размышление, обсуждающее контраргументы, и т.д. Развивая эту мысль, можно сказать, что помимо таких внешних собеседников в душе человека происходит и более глубокий диалог со своей совестью, в которой проявляется духовное "Я".

Духовное "Я" неизмеримо превосходит возможности понимания и осознания человека. Это голос вечности в его душе. Живя во времени, человек ограничен рамками своего опыта, среды, воспитания, наследственности и т.д. Назовем то, что представляет собой человек в его теперешнем состоянии, наличным "Я": то, что налицо, явно.

Само это наличное "Я" сложно, в нем можно выделить несколько голосов. Психологи говорят о реальном "Я" и идеальном "Я". Не вдаваясь в их различные определения, примем за реальное "Я" то представление о себе, которое есть у человека, а за идеальное "Я" - тот образ-идеал, который он хотел бы видеть в себе. У некоторых людей это желание бывает так сильно, что они принимают желаемое за действительное "Я", не видят их явного несоответствия. Такое "Я" называют идеализированным. Каким человек является на самом деле, объективно, сам он, как правило, не знает. Для этого ему надо занять внутреннюю позицию вне себя, смотреть на себя глазами другого, со стороны. Бахтин называл это "вне-находимостью".

Трудно увидеть объективно, таким, каким он есть, и другого человека; нелегко отрешиться от своих взглядов, оценок, вкусов, ожиданий. Обычно мы и в других видим свое, перенося на них собственные пристрастия, интересы, оценки. Вненаходимость нужна по отношению к человеку, чтобы воспринимать его не в ограниченном аспекте своего взгляда, а целостно.

Подходя к картине художника, мы выбираем ту дистанцию, которая позволяет увидеть целостный образ. Правильная дистанция необходима и в отношениях с людьми. Стремясь к большей близости, мы нередко теряем ее, и, наоборот, оптимальная дистанция создает и сохраняет красоту отношений, способствует их прочности и глубине.

Вненаходимость - это эстетическое отношение. Оно бескорыстно и беспристрастно. Только так можно увидеть другого человека именно как другого (заметим, что корень этого слова - "друг"). Это - не устраненность от человека, но отстраненность, бережно-созерцательное отношение к нему без

навязывания себя. Противоположностью такому отношению являются привязанность, пристрастие, страсть к человеку: здесь на первом месте не он, а мое эгоистическое "Я". Идеи М.М. Бахтина о внемаходимости удивительно созвучны высказываниям А.А. Ухтомского о "доминанте на Собеседнике". Когда человек занят собой (у него "доминанта на себя"), он не видит собеседника реально, а воспринимает собственную проекцию - "Двойника". Эгоист, именно потому, что он эгоист, объявляет всех принципиально эгоистами..." - писал А.А. Ухтомский в "Письмах". Так, господин Голядкин, герой повести Достоевского "Двойник", своим беспредельным эгоцентризмом породил в себе Двойника. "Люди эгоцентричные не могут освободиться от своего Двойника, куда бы они ни пошли, что бы ни увидели, с кем бы ни говорили". Освобождение от своего Двойника - трудная, но необходимая задача человека. Для этого нужно воспитать доминанту "по Копернику": сделать центром тяготения другого. Это знает всякий любящий человек. Он отодвигает себя на второй план, внимание его поглощено тем, кого он любит. Но так относиться следует не к одному-единственному человеку, а **к каждому**. Всепоглощающее пристрастие к единственному закрывает глаза на остальных людей. Такое пристрастие свидетельствует об эгоцентристической доминанте, перенесенной на того, в ком человек видит свою "собственность" и своего Двойника.

Но если я отодвигаю себя на второй план, а на первый ставлю другого - не единственного, а каждого встретившегося мне человека, тогда у меня постепенно образуется "доминанта на другом" или "доминанта на Собеседнике" как свойство личности и мировосприятия. М.М. Пришвин сознательно воспитал в себе такое восприятие мира, назвав его "родственным вниманием". Он так писал об этом: "И вот, как только это достигнуто, что свое личное как бы растворено в чужом, то можно с уверенностью приступить к писанию - написанное будет для всех интересно, совершенно независимо от темы, Шекспир это или башмаки..." Почему же всем будет интересно? Очевидно, потому, что когда личное "растворено в другом", тогда преодолена эгоцентристическая установка и рождается иная - общечеловеческая, универсальная точка зрения, родственная и понятная всем. Доминанта на другом и является такой универсальной, всеобщей точкой зрения. Это - точка, в которой сходятся бесчисленные оси индивидуальностей.

Лучше всего это можно представить в образе круга, через центр которого проходят радиусы.

Преподобный авва Дорофей, подвижник VI-VII вв., так писал об этом: "Представьте себе круг, середину его - центр и из центра исходящие радиусы-лучи. Эти радиусы чем дальше идут от центра, тем больше расходятся и удаляются друг от друга; напротив, чем ближе подходят к центру, тем больше сближаются между собою. Положите теперь, что круг сей есть мир;

самая середина круга - Бог, а прямые линии (радиусы), идущие от центра к окружности или от окружности к центру, суть пути жизни людей. И тут то же: насколько святые входят внутрь круга к середине оного, желая приблизиться к Богу, настолько по мере вхождения они становятся ближе к Богу и друг к другу... Так разумейте и об удалении. Когда удаляются от Бога... в той же мере удаляются друг от друга, сколько удаляются друг от друга, столько удаляются и от Бога. Таково и свойство любви: насколько мы находимся вне и не любим Бога, настолько каждый удален и от ближнего. Если же возлюбим Бога, то сколько приближаемся к Богу любо-вию к Нему, столько соединяемся любовию и с близкими, и сколько соединяемся с близкими, столько соединяемся и с Богом. То есть: 1) чем более человек упражняется в милосердии и любит людей, тем более приближается к Богу, и 2) чем более человек сердцем чувствует личное Божество, тем более он любит людей".

Эти мудрые слова помогают глубже понять тайну духовного "Я" человека. К нему возможно лишь благоговейное, трепетное отношение. Приблизиться к нему можно лишь путем чистой, бескорыстной любви. Привычная для психолога и педагога исследовательская и формирующая установка здесь недопустима и бессмысленна: тайна останется за семью печатями, а настойчивый исследователь уйдет с пустыми руками.

Духовное "Я" не может быть предметом научного исследования, но психолог должен осознавать: оно есть. Тогда появляется возможность диалогически приобщиться к духовному "Я" в себе самом и в другом человеке. Тогда психолог совсем иначе будет относиться к наличному "Я" в себе и в другом.

Опытное, а не теоретическое знание духовного "Я" скорее открывается художнику, чем ученыму. Испытывая творческое вдохновение, художник чувствует себя лишь исполнителем того, что несоизмеримо превосходит его наличные возможности. Вспомним стихотворение А.С. Пушкина

"Пророк": в духовном озарении поэт воспринимает огненную мощь "Божественного глагола", несозимеримую с его лукавым и празднословным человеческим языком.

Духовное пробуждение человека выражается состоянием изумления, трепетного поклонения, чувством своего недостоинства и несовершенства перед лицом открывшейся благодати. Если же в состоянии некоего "сверхчувственного" воодушевления человек не испытывает этой своей малости, а приравнивает себя великому, то, как свидетельствует многовековой духовный опыт, он находится на пути заблуждения, в Православии называющегося "прелестью" (прельщением лукавого). Приравнивая себя Богу, человек впадает в гордыню и безумие ².

"Вненаходимость" по отношению к Божественному, открывающемуся в душе, говорит о реальном диалоге наличного "Я" с духовным "Я", об их встрече. Тогда открывается перспектива осознанного духовного пути человека. Великая радость открывшегося духовного пути неизбежно сопряжена с неудовлетворенностью своим наличным "Я" и стремлением изменить его. Это дается нелегко. Но пережив на опыте трудности изменения своей личности, становишься терпимее и мудрее в отношениях с людьми. Вместе с этим рождается вера в человека, надежда на его духовное преображение и любовь к каждому, как к самому себе, потому что в каждом - явно или потенциально - живет "сокровенный сердца человек".

Но нередко человек отождествляет себя с так называемым идеальным "Я", то есть с тем образцом, который желателен для него. Тогда он становится самодовольным, горделивым и чрезмерно требовательным к другим, нетерпимым к их недостаткам. Такой человек любит учить и воспитывать других, не видя своего недостоинства и не стремясь к исправлению. Внутренний мир его монологичен; хотя в его сознании много различных голосов, но они создают лишь внутренний шум, а не тот глубокий диалог двух "Я", в котором совершается духовное возрастание личности.

Другой распространенный вариант внутреннего застоя - отождествление себя со своим наличным "Я", с его изъянами и пороками. Человек не обольщается относительно себя, но и не верит в возможность изменения и духовного пробуждения. Столь же невысокого мнения он и о других людях. Но духовное "Я" потенциально живет в нем, и человек испытывает непонятное чувство тревоги, глубокой неудовлетворенности, одиночества, он ищет внешних средств, отвлекающих его от смутного состояния души: ему тяжко оставаться один на один с самим собой.

Глубокая неудовлетворенность собой проявляется в поиске удовлетворения со стороны других. Но внутренний монологизм, душевная ограниченность и обычный эгоцентризм такого человека приводят к невозможности глубоких отношений с другими - он остается безысходно одиноким даже в семье.

Как это ни парадоксально звучит, но в основе внутреннего мира человека лежит неустранимое противоречие между красотой, совершенством, мудростью духовного "Я" и ограниченностью, ущербностью, слабостью наличного "Я". Оно звучит в словах Державина: "Я царь - я раб, я червь - я бог!" Это противоречие не преодолевается достижениями личности, а, наоборот, воспроизводится: чем более возрастает человек духовно, чем ближе его наличное "Я" соприкасается с духовным "Я", тем яснее он видит свое несовершенство и малость достижений, пока, наконец, эгоистичное "Я" не утратит свою ценность в его глазах и не наступит господство духовного "Я". Но и тогда человеку в той или иной мере приходится терпеть свои слабости, изъяны (например, дефекты темперамента и характера), подобно тому как терпит он слабости своего физического организма, пока живет на земле. Поэтому духовно живущий человек отличается простотой, скромностью, терпеливостью. Все хорошее он приписывает не себе, а живущей в нем духовной благодати. Его трудно обидеть и унизить, вывести из себя. Такого человека называют смиренным, потому что он живет с миром в душе. Рядом с ним легко и свободно людям. Великий святой Земли Русской преподобный Серафим Саровский смиленно называл себя "убогим". Он говорил: "Стяжи мир душевный, и тысячи спасутся вокруг тебя".

Тогда некоторые из книжников и фарисеев сказали:

Учитель! хотелось бы нам видеть от Тебя знамение.

Но Он сказал им в ответ:

род лукавый и прелюбодейный ищет знамения...

Мф. 12, 39

Экстраординарная самость

"Аналитическая психология" К. Г. Юнга вдохновила многих исследователей на овладение и управление скрытыми тайнами души человека. Само понятие духовности многими связывается с "экстраординарными" психическими явлениями. Не вдаваясь в обсуждение и критику многочисленных вариаций на эту тему, необходимо определить отличие нашего понимания духовной жизни личности от направления "экстраординарной" психологии. Оно содержится в основных характеристиках диалога: доминанте на Собеседнике и вненаходимости.

Доминанта на Собеседнике - это безраздельное, всецелое обращение к нему. Самонадеянное упование на свои силы, разум и способности означает отсутствие этой доминанты: эгоцентризм. Поэтому необходимо выбирать: либо "направо пойдешь", либо "налево пойдешь".

Всецелая обращенность к Богу открывает духовные силы, мудрость и любовь. Самоутвердающий эгоцентризм замыкает человека в его "наличности". "Экстраординарные" явления психики - всего лишь расширение области наличного "Я", но не выход из нее к духовной жизни.

Доминанта на Собеседнике - это самоутверждение.

Диалог не терпит насилия, нажима, любопытного вторжения в мир Собеседника. Исследовательская бесцеремонность и произвол отбрасывают такого "исследователя" прочь от духовного мира, и он может оказаться в зловонной луже - низинах своего наличного "Я".

Условие диалога - вненаходимость. Ослепленный своими открытиями и "достижениями" человек не имеет понятия о неизмеримой дистанции, отделяющей творение от Творца. "Властины человеческих душ" преисполнены чувством своей власти: они вообразили, что "человек может все".

Но духовное "Я" человека недоступно волевым воздействиям, им нельзя овладеть и управлять: с ним можно встретиться лишь в диалогическом обращении. Овладение и управление человеком превращает его в объект: здесь "экстраординарная" психология смыкается с магией. Диалог там, где самоотречение. "Психологическая магия" там, где самоутверждение, захват, "знание - сила".

Властное воздействие разрушительно влияет на чуткую душу. Об этом написал А. Блок:

*Есть игра: осторожно войти,
Чтоб вниманье людей усыпить;
И глазами добычу найти;
И за ней незаметно следить.*

Поэт говорит далее о переживаниях жертвы этого эксперимента:

*Ты и сам иногда не поймешь,
Отчего так бывает порой,
Что собою ты к людям придешь,
А уйдешь от людей - не собой.
Есть дурной и хороший есть глаз,
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных, играющих сил.
О, тоска! Через тысячу лет
Мы, не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...
А пока в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,
И, как дети, играем с огнем,
Обжигая себя и других...*

Духовность человека может проявляться в самых простых повседневных делах и поступках, в способности чувствовать и сознавать гармонию и красоту, видеть чудо в каждом проявлении жизни. Жажда "экстраординарной" экзотики говорит о потере вкуса к жизни, искажении здорового жизневосприятия. Не случайно мистические "плоды просвещения" так обильно произрастают на почве декаданса.

Многие деятели и последователи "психологической магии" считают себя людьми верующими в Бога и даже ходят в церковь. Но истинно верующий человек называет Бога своим Господом, потому что Бог господствует в его душе. А это означает послушание. Вспомним, что, согласно Библии, прародители человечества Адам и Ева утратили свое богосыновство из-за непослушания Отцу, вкушив плод "с дерева познания добра и зла". "И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь" (Быт. 3, 16-17). Нарушив эту заповедь, бессмертные Адам и Ева стали смертными.

Плоды этого "познания" человечество вкушает на протяжении всей своей истории. Соблазн змея: "будете, как боги" дает себя знать в распространявшихся сатанинских культурах, черной магии, где человек становится сознательным служителем зла.

Но чаще зло прикрывается благими мотивами "служения людям", "помощи больным".

Мне могут возразить, сославшись на жития святых, в которых повествуется о многих чудесах исцелений, пророчеств и прозорливости. Чтобы понять несопоставимость "экстраординарной" психологии с духовным опытом святых, обратимся к примеру из жития преподобного Серафима Саровского. Однажды его спросили, как он, не задав ни одного вопроса человеку, ответил ему так, как будто все о нем знает. На это старец сказал, что он только передает то, что угодно Богу. "А бывают случаи, когда мне выскажут какое-либо обстоятельство и я, не поверив его воле Божией, подчиняюсь своему разуму, думая, что это возможно, не прибегая к Богу, решить своим умом, в таких случаях всегда делаются ошибки". Человек лишился общения с Богом из-за своеволия, поэтому восстановление прежнего сыновнего отношения с Творцом совершается путем отказа от своей воли. "Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то передаю", - говорил преподобный Серафим.

Отказ христианских подвижников от своей воли является их свободным волеизъявлением. Чем глубже отношения человека с Богом, тем яснее видна ему своя ущербность и греховность, ему очевидна ничтожность человеческой "мощи". Поэтому он не стремится развивать свои способности: его устремления обращены к Богу, щедро дарующему все.

Характерен такой рассказ об одном иноке. Он пришел к духовному старцу и поведал ему, что семь лет просил у Бога об одном духовном даре. Наконец он получил его. На это старец посоветовал молить Бога еще семь лет о том, чтобы Он взял у него этот дар. Не все способности нужны и полезны человеку. В духовных наставлениях Отцов Церкви своеобразное увлечение необычными восприятиями, переживаниями и видениями именуется "прелестью", "бесовским прельщением", от чего человек может "повредиться умом".

Наше счастье, что мы не можем читать мысли всех окружающих, вторгаться в судьбы и души людей, "исцеляя" их с помощью магии. "Экстрасенс", вылечив больного от облысения, может нанести неизлечимую рану его душе.

Болезнь может быть и на пользу человеку, если он мужественно и терпеливо несет этот крест. Исцеление же может повредить ему. Не всякая болезнь - зло, и не всякое исцеление - благо. Сотрудники медицинского института рассказали мне об одном сердечно больном, которого вылечили посредством необычной операции. Во время болезни это был тихий, скромный человек; став здоровым, он превратился в жестокого и злобного деспота. Культ здоровья - оборотная сторона бездуховности. Эта цель далеко не всегда оправдывает средства ее достижения. Отдаваясь во власть целителя или гипнотизера, человек впускает его в мир своей души, соединяется прочными узами с наличным "Я" этого человека - его грехами и болезнями. Поэтому следует опасаться "экстраординарных" вторжений в свою жизнь.

Тем, кто "с добрыми намерениями" занимается психологической магией и считает себя верующим христианином, следует задуматься над таинственными словами Спасителя: "Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего

Небесного. Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от меня, делающие беззаконие" (Мф. 7. 21-23).

Я против "Я"

Совесть, как писали подростки, это лучшее "Я", "обязательно правильное". Назовем это второе "Я" духовным "Я", не пытаясь определить его. Это голос вечности в душе человека, его творческое начало и перспектива становления.

Духовное "Я" неизмеримо превосходит наличные возможности человека. Даже будучи неосознанным, духовное "Я" действует в человеке, и совесть является одним из его проявлений. Совесть - это нравственная интуиция. Ее можно развивать, как всякую другую способность, и таким образом приближаться к реализации в себе потенциального духовного "Я".

Другим проявлением духовного "Я" является творческая интуиция художника, поэта, философа, ученого. Она сродни совести. Так, например, говоря о чуткости отношения к слову, П.А. Флоренский называл это "совестью ушей". Духовное "Я" неповторимо, индивидуально. Оно проявляется в творчестве человека, осуществляющего свое творческое призвание. Мы узнаем великих творцов в их творениях. Они вечны, бессмертны, как бессмертно духовное "Я", вдохновившее человека на их создание.

Проявлением духовного "Я" является способность к самопожертвованию. С точки зрения "здравого смысла" необъяснимо, как может человек преодолеть самый мощный инстинкт - самосохранения? История знает неисчислимое множество подвижников, мучеников, героев. Их гибель вселяет в нас вместе с состраданием радость победы духа над плотью. Это чувство духовное, оно подтверждает существование духовного "Я", победа которого является призванием человека.

Пытаясь определить, что такое - духовное "Я", исследователь уподобляется Пилату с его вопросом: "Что есть истина?" Христос не ответил на этот вопрос: Он - живая Истина - стоял перед Пилатом. В вопросе: "Что есть истина?" звучит отношение к истине как к объекту рассудочного познания. Поведение Пилата выражает скептическое отношение к существованию истины. Вопрос об истине в таком тоне ложен и не ведет к ответу, потому что Пилат не ищет и не желает живой Истины, хотя он не прочь поиграть словами об истине. Первый акт познания невидимого - вера в его существование. Это относится и к духовному "Я" человека.

"Сокровенный сердца человек" невидимо живет в каждом. Об этом пишут и рассказывают подростки. Многовековой опыт человечества на разных языках, в многообразных символах религий, в философских системах, бессмертных произведениях искусства утверждает духовность человека. Но каждому дана свобода признать ее в себе или отвергнуть.

"...Я был единственным сыном у матери, посвятившей мне жизнь. В детстве я обожал свою маму и восхищался ею: она казалась мне самой умной, самой доброй и самой красивой. Но главным моим воспитателем и учителем был дедушка. Виделись мы с ним нечасто: он работал хирургом и много времени отдавал работе. Дома у него собирались знакомые и друзья, читали стихи, слушали музыку; многие приходили за помощью, за советом. Дедушка был не просто умным, он был мудрым человеком.

Мне хотелось стать таким, как дедушка, и часто я просил его рассказать о себе. Особенно мне нравились его рассказы о войне. "На войне я родился заново, - говорил мне дедушка. - Я рос изнеженным, избалованным ребенком. Родные, знакомые видели во мне будущего знаменитого музыканта, и это породило в моей душе чувство своей особенности, исключительности. А на войне я оказался простым солдатом..."

Из рассказов дедушки я понял, что значит слова "огонь войны". Так и в человеке: когда в сердце его огонь - все мелкое, личное отступает.

- Дедушка, значит, только на войне и можно стать человеком? - допытывался я.

- Нет, дорогой. И в мирное время нужно жить так, чтобы в сердце горел огонь.

- Как у Данко? - вспомнил я последний урок литературы.

Для меня это были пока высокие слова, хотя и запавшие в душу, но еще не ставшие тем глубоким убеждением, которое рождается лишь опытом жизни.

Вскоре я понял: чтобы стать настоящим человеком, надо победить свое "Я"; эта война может начаться в самых мирных обстоятельствах.

Трудности подросткового возраста не миновали и меня. Особенно тяжко пришлось матери, привыкшей к нежности и послушанию своего ребенка: я чувствовал себя уже взрослым, самостоятельным, все понимающим, и меня тяготила ревнивая опека матери и постоянные вопросы: "Куда пошел?", "Когда вернешься?", "С кем говорил?" У меня появились свои личные дела и отношения... Особенno - с Таней... Мы поссорились - это мое личное дело...

Когда мне было трудно и тяжко на душе, я уезжал к дедушке на дачу. Так было и на этот раз. Вернее сказать, так тяжко еще никогда не было... Я был совершенно разбит, подавлен, обессилен не только душевно, но и физически... Я уехал из дома "навсегда", хлопнув дверью.

Дедушка пристально посмотрел на меня - и не стал ни о чем спрашивать. Был солнечный зимний день. Пообедав по-холостяцки, мы взяли лыжи и пошли в лес. Мой дедушка был не только хирургом, он был для меня врачевателем души. Мы перебрасывались шутками, состязались в забавных колкостях, дедушка рассказывал мне уморительные истории. Отсмеявшись, мы предались созерцанию. Я чувствовал, как жизнь ко мне возвращается, я снова начинаю видеть красоту деревьев, чистоту снега, радоваться пестрой синичке. Я был благодарен дедушке, благодарен лесу, солнцу, маленькой синичке за жизнь, красоту и душевный покой. Но в этот покой время от времени набегали облака неприятных воспоминаний... Мама... Таня... Мне захотелось освободиться от их навязчивости, и дедушка был тем слушателем, которому я впервые раскрыл все так, как за минуту до этого не смог бы рассказать самому себе. Казалось, вся природа помогает мне находить нужные слова и само солнце высвечивало в тайниках души то, что я до тех пор не видел. Дедушка слушал молча и серьезно. "Вот человек, который может все понять и все простить", - подумал я.

Дома, у весело горящей печки, было тепло и уютно. Простой ужин казался необычайно вкусным. "Ну а теперь можно и отдохнуть, послушать музыку. У тебя, наверное, еще нет этой пластинки: Шуман "Круг песен", "Любовь и жизнь женщины", исполняет Элизабет Шварцкопф". Дедушка любил заканчивать воскресный день музыкой. И ему я обязан любовью к музыке. С ним я понял удивительное таинство совместного слушания: когда я слушал один, не воспринимал так глубоко содержание и смысл музыки. Присутствие дедушки как бы вливало в меня глубину и конкретность его слышания - в той мере, в какой я мог вместить его. После прослушивания мы привыкли обмениваться впечатлениями.

Голос Элизабет Шварцкопф пронзил меня, как те лучи солнца в снежном лесу: он был так нежен и чист, наполнен такой любовью, которая, кажется, может растопить самое жесткое сердце.

"Круг песен" я слушал сначала с удовольствием, но постепенно в душе начала шевелиться смутная тревога: музыка коснулась скрытой тупой боли, от которой, как мне казалось, я вылечился в лесу. Волшебный голос Лорелей пробудил воспоминания о первой встрече с Таней, казавшейся мне загадочной и недосягаемой... Потянулась цепочка унылых мыслей. И когда зазвучали ликующие песни "В лесу" и "Весенняя ночь", во мне не нашлось места для радости. Я сказал об этом дедушке. "Все понятно", - ответил он тоном врача и перевернул пластинку.

Эта музыка открывала мне глубину женской любви голосом чистой женственности. Мне стало трудно слушать. Ласковая игра матери с младенцем в предпоследней песне вызвала во мне странное чувство протеста. Заключительная песня цикла "Ты в первый раз наносишь мне удар" была мне так тяжела, что я внутренне устранился, как бы закрыл уши сердца, чтобы не слушать ее.

"Как тебе слушалось?" - спросил дедушка, "просвечивая" меня взглядом. "Неважно. Последнюю песню я не слышал, как будто она прошла мимо меня", - признался я. "Скажи точнее: ты прошел мимо, - неожиданно резко и сухо отрезал дедушка. - Здесь сердце истекает кровью. А ты проходишь мимо!" Эти слова оглушили меня, как удар по голове. Так жестко и жестоко он со мной никогда не говорил. "Почему ты так говоришь со мной?! Что случилось? Я не понимаю!" - "Я говорю с тобой точно так, как ты говоришь с теми, кому это больно, - с потрясающим спокойствием ответил дедушка. - Спокойной ночи". Я остался один.

Спокойной ночи не было. Душивший меня комок в горле прорвался и пролился слезами обиды, досады, оставленности. Я приехал за утешением, а вместо этого получил удар от лучшего друга. Сейчас невозможно описать точно, что тогда совершалось в моей душе. Кратко и схематично я могу передать это в виде такого диалога двух "Я" внутри меня:

- Зачем такая жестокость? Ведь это дедушка все нарочно "подстроил", чтобы наказать меня! Я открыл ему все, чтобы встретить понимание и прощение.

- А когда ты нашел это понимание и прощение - понял ли ты, как жестоко обошелся с матерью, с Таней?

- Мне было так хорошо в лесу, пусть бы так и оставалось, зачем было слушать эту музыку?!

- Тебе было хорошо, но ты не подумал вернуться домой, чтобы принести радость и утешить их.

- Но можно же было сказать мне об этом по-дружески, прямо... Зачем нужно было устраивать эту "сцену"!

- Если ты, "все открыв" перед дедушкой, сам не увидел жестокости своего поведения с близкими и совесть в тебе не проснулась, это было бы бесполезно. Теперь ты увидел и услышал себя и пережил то, что причинил близким.

- Дедушка не любит меня. Он осудил меня и спокойно пошел спать. Завтра утром я уеду и больше не вернусь сюда.

- А когда дедушка умрет - ты приедешь к нему на похороны? Как будешь вспоминать о нем?..

Я все понял. Я сам никого не люблю. Все мои поступки продиктованы эгоизмом, и во имя этого идола я готов оставить самых дорогих людей. Я впервые увидел себя во всей неприглядности своего раздутого "Я", услышал свой голос в резком и холодном тоне дедушки: да, он говорил со мной точно так, как я говорил вчера с мамой, - он, как в зеркале, показал мне меня самого. Это была боль, пробившая скорлупу эгоцентризма, плотно закрывшего меня от сострадания близким людям. Теперь я переживал их страдания как свои, голос совести проснулся во мне. Я плакал уже не от обиды и уязвленного самолюбия, а от раскаяния и сострадания.

Рано утром я написал записку: "Дорогой дедушка! Я все понял. Спасибо тебе". И с первым поездом поехал домой..."

Так в муках рождается осознание в себе противостояния и борьбы двух "Я". Духовное "Я" дает о себе знать голосом совести; наличное "Я" заявляет о себе горделивым самооправданием, уязвленным самолюбием, обидой; чтобы оправдать себя, надо обвинить того, кто задел это "Я", обесценить его, отвернуться с чувством вражды и ненависти, тогда только "Я" в безопасности. Это так называемые "защитные механизмы" наличного "Я", ревниво охраняющего свою безопасность. Вопреки рассудочному самооправданию и "защитным механизмам" наличного "Я" голос совести тяготит человека, закрывающего глаза на правду, убивает в нем радость жизни. Кто победит? Это зависит от выбора: личность не пассивная аrena, ей дана свобода - это духовный дар.

¹ Наука "психосоматика" говорит о том, что вследствие отрицательных душевных состояний разрушается и заболевает тело. Один болгарский врач сказал, что главный принцип здоровья тела можно выразить одним словом: "чистота" (тела, мыслей, чувств и, наконец, совести).

² Таков, по мнению К.Г. Юнга, духовный крах Ницше, ставшего на путь сверхчеловеческой гордыни.

СОЮЗ СВЯЩЕННЫЙ

Символы супружеского союза

Семейный очаг в древности был символом святости семьи: его огонь возжигался от огня святилища. Хранение его было священным служением женщины: погасший огонь был знаком величайшей беды. Так понимали люди связь каждой семьи с жизнью общества и всего мироздания.

В религиях, мифах, эпосе и сказках разных народов брачующиеся соотносятся с небом и землей, солнцем и луной, связанными между собой брачными отношениями. Брак считался священным союзом.

В Древней Греции покровительницей брака была сама Гера - супруга верховного бога Зевса. Так высоко чтилась святость брака.

Любовь - главная тема искусства. Не потому ли, что она - самая сильная потребность души человека? Именно об этом говорит миф об Амуре и Психее, рассказанный Апулеем.

У одного царя было три дочери. Младшая была красивее всех, ее звали Психея. Слава о ее красоте пролетела по всей земле, и многие приезжали только затем, чтобы полюбоваться ею, но Психея страдала от того, что ею только любуются: она хотела любви. Отец Психеи по обычанию того времени обратился к оракулу за советом, и оракул сказал, что Психея, одетая в погребальные одежды, должна быть отведена в уединенное место для брака с чудовищем. Несчастный отец выполнил волю оракула. Оставшись одна, Психея почувствовала порыв ветра, который перенес ее в чудесный дворец, где она стала женой невидимого супруга. Загадочный супруг Психеи взял с нее обещание, что она не будет допытываться, кто он, не будет стремиться увидеть его лицо - иначе им грозит разлука, многие беды и мытарства. Но злые сестры, сжигаемые завистью, подговорили доверчивую Психею разглядеть супруга, когда он заснет. Ночью, сгорая от любопытства, Психея зажгла светильник и, увидев своего супруга, узнала в нем бога любви - Амура. Пораженная красотой его лица, Психея любовалась Амуром - и тут капля горячего масла светильника упала на плечо его, и Амур проснулся от боли. Оскорбленный, он улетел, а покинутая Психея пошла искать своего возлюбленного. После долгих мытарств Психея оказалась под одной крышей с Амуром, но не могла с ним видеться. Мать Амура - Венера - задала ей невыполнимые работы; только благодаря чудесной помощи Психеяправлялась с ее заданиями. Когда Амур исцелился от ожога, он обратился с мольбой к Зевсу разрешить ему брак с Психеей; видя их любовь и подвиги Психеи во имя любви, Зевс согласился на их брак. Психея получила бессмертие и была причислена к сонму богов. Такова притча о боге любви и душе человека.

Об универсальности этой темы говорят мифы и сказки различных времен и народов. Таковы и известные нам русские народные сказки: "Финист - ясный сокол", "Царевна-лягушка" и, наконец, "Аленький цветочек" - сказка, рассказанная С.Т. Аксакову ключницей Пелагеей; здесь повторяется тема мифа об Амуре и Психее. Но есть в сказке и другие грани этой темы.

Меньшая дочь купеческая полюбила чудище безобразное за любовь его и доброту к ней. Любовь к невидимому другу помогла ей преодолеть страх и отвращение к его видимому образу (вспомним о наличном "Я" и духовном "Я"). Уродство, безобразие того состояния, в котором находится человек, побеждается любовью. И тогда совершается чудо преображения: "зверь лесной, чудо морское" становится "принцем молодым, красавцем писаным, на голове со короною царской, в одежде златокованой".

Это типичный финал народных сказок: пройдя через смертельные опасности, преодолев и искушив свои ошибки, Он и Она обретают царское достоинство в браке, венчаются царскими коронами. Не символизируют ли эти венцы победу духовного в супружеской любви?

Мудрость любви

Многие мои собеседники верят "в судьбу". Будучи людьми не религиозными¹, они - верующие люди; их жизненный опыт, опыт окружающих, не говоря уж об искусстве, выражающем общечеловеческие, вечные законы душевной жизни, - все свидетельствует о существовании иного плана бытия, превышающего разумение и волю человека; его можно лишь предчувствовать. В слове "суженый" выражается эта вера в неслучайность встречи со своим избранником: с ним "суждено" было встретиться. И когда двое встретились, они "узнают" друг друга ("любовь с первого взгляда"). Люди ищут друг друга, как герой сказки "Поди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что".

Обратимся снова к "Аленькому цветочку". Его алый цвет символизирует любовь, и просьба к отцу меньшей дочери выражает в скрытой форме просьбу о возлюбленном женихе. Об этом говорит и сон купца во время поиска аленького цветочка: он увидел дочерей своих старших, у которых женихи богатые, и собираются они выйти замуж, не дождавшись его благословения отцовского, а меньшая дочь его любимая "о женихах и слышать не хочет, покуда не воротится ее родимый батюшка". Таково символическое сплетение аленького цветочка с будущим женихом - "суженным" меньшей дочери.

Трудно найти купцу то, о чем просит его любимая дочь: "Коли знаешь, что искать, то как не сыскать, а как найти то, чего сам не знаешь? Аленъкий цветочек не хитро найти, да как же узнать мне, что краше его нет на белом свете?" И хотя разуму купца это непонятно, он узнает тот единственный аленъкий цветочек. "Находил он во садах царских, королевских и султанских много аленъких цветочков такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать; да никто ему поруки не дает, что краше того цветка нет на белом свете, да и сам он того не думает". "Порука", внешнее доказательство требуется, когда нет радостного озарения, непреложной уверенности: "Нашел!" Но вот как это происходит: "У честного купца дух занимается: подходит он ко тому цветку; запах от цветка по всему саду ровно струя бежит; затряслись и руки и ноги у купца, и возговорил он голосом радостным: "Вот аленъкий цветочек, какого нет краше на белом свете, о каком просила меня дочь моя любимая". Аленъкий цветочек объединяет жениха и невесту, потому что для каждого из них он - самый желанный. Эта сама Любовь, соединяющая и венчающая их царскими коронами.

"Браки совершаются на небесах". А.С. Пушкин с прекрасной простотой самой жизни рассказал об этом в повести "Метель". Вспомним рассказ ее героя Бурмина о том, что случилось с ним. "Поднялась ужасная метель, и смотритель, и ямщики советовали мне переждать. Я их послушался, но непонятное беспокойство овладело мною: казалось, кто-то меня так и толкал. Между тем метель не унималась; я не вытерпел, приказал опять закладывать и поехал в самую бурю". Метель, преградившая путь к венцу одному, привела к нему другого, "случайно" попавшего в церковь. "Старый священник подошел ко мне с вопросом: "Прикажете начинать?" "Начинайте, начинайте, батюшка", - отвечал я рассеянно. Девушку подняли. Она показалась мне недурна... Непонятная, непростительная ветреность..." Все происходит как-то помимо сознания и воли Бурмина, непонятно для него самого. Может быть, не случайно и то, что у героя нет имени: ведь главное действующее лицо в повести не он, а Промысел, приведший его к ногам Марьи Григорьевны.

Слово "промыслительность" и по этимологии, и по смыслу отличается от слова "судьба". В последнем корень "суд"; в первом - "мысл". Карающая судьба - персонаж древнегреческого мировоззрения. От нее не уйти герою античной трагедии. Промыслительность высшего Разума, Логоса, не насищает волю человека. Человек, наделенный даром свободы, может действовать вопреки промыслу, против голоса совести и интуиции и, наконец, стать глухим к своему внутреннему наставнику - духовному "Я". Своевольное наличное "Я", следя сиюминутным влечениям, теряет духовную чуткость, проходит мимо своего призыва, не узнает "суженого".

В консультацию для разводящихся нередко приходят совсем юные молодожены, не выдержавшие и одного месяца супружеской жизни. Они были влюблены друг в друга, но жизнь показала, что они "совсем чужие люд и", они "ошиблись". Распространенности таких ошибок выбора сопутствует свобода доброчных сексуальных связей. Перефразируя слова К. Вяземского, хочется сказать: "И жить торопятся, и ощущать спешат", еще не научившись чувствовать.

Так мы подходим к заповеди добрачного целомудрия. Слово это, к сожалению, почти забыто и обесценено. Если вникнуть в его смысл, "реставрировать" его, то, согласно этимологии, "целомудрие" означает, во-первых, целостность, во-вторых, мудрость: полнота мудрости. Человек, лишенный целомудрия, теряет свою целостность. А для того, чтобы сохранить целостность, необходима мудрость. В слове "целомудрие" выражено единство целостности и мудрости. Ошибочно отождествлять это слово с безбрачием; целомудрие характеризует не столько физиологическое, сколько нравственное состояние. Можно быть целомудренным в браке, если он основан на любви и верности, но можно быть душевно развращенным, несмотря на физиологическую девственность.

Что означает слово "разврат"? П.А. Флоренский писал об этом: "Противоположностью целомудрию является состояние развращенности, разврата, т.е. развороченности души: целина личности разворочена, внутренние слои жизни (которым надлежит быть сокровенными даже для самого "Я" - таков по преимуществу пол) вывернуты наружу, а то, что должно быть открытым, - открытость души, т.е. искренность, непосредственность, мотивы поступков, - это-то и запрятывается внутрь, делая личность скрытною... Развращенный человек - как бы вывороченный наизнанку человек, человек, кажущий изнанку души и прячущий лицо ее. Глаза такого избегают встречного взгляда, но уста извергают гнилое слово... Хамовское² и хамское высматривание наготы родительства - это и есть тот вывих душевной жизни, который именуется развращенностью".

На страже целомудрия стоит чувство стыда. "...Бесстыдство - указатель порчи, "испорченности" ее (личности) и признак растленности души... "Тло" значит "дно", исподъ... Очевидно, глаголы "тлеть" и "тлить" относятся к процессам тления, разрушения и сопревания... рас-тле-ние... - нарушение законного порядка слоев душевной жизни".

Об этом "законном порядке душевной жизни" современная психология говорит как о "иерархическом строе мотивов или ценностей личности", т.е. соподчинении их низших уровней высшим. Нарушение психического строя, порядка, приводит сначала к "непорядочности" человека, а в конечном итоге - к распаду личности. Таким образом, стыд - эмоциональное проявление совести - служит сохранности, целостности, жизнеспособности личности.

Становление цельного человека идет рука об руку с обузданием биологических влечений. Вспомним снова скульптуры клодтовских коней, обуздываемых всадниками (что на Аничковом мосту в Санкт-Петербурге). Конь олицетворяет естество человека с его могучими инстинктами, всадник - человека, управляющего своей природой и покоряющего ее сознанием и волей.

Известно, что у подростков чувства и влечения обычно не совпадают. Предмет романтической мечты оказывается несовместимым сексуальными влечениями - и наоборот. Задача окультуриивания чувства состоит в таком разрешении этого противоречия, когда высшее чувство становится ведущим по отношению к биологическому влечению. Тогда чувство становится чистым, а влечение перестает быть низменным, постыдным. Но этот процесс преобразованияложен и порой драматичен. Самому подростку он может оказаться не под силу, если он не воспитан жизненным укладом, впитавшим в себя нравственные идеалы, нормы, традиции, на которых держатся семейные отношения. Вот как пишет об этом В. Белов в книге "Лад. Очерки о народной эстетике".

Для молодых людей сдерживающим началом является стыд. В любом возрасте, начиная с самого раннего, стыдливость украшала человеческую личность, помогала выстоять под напором соблазнов³.

Особенно нужна она была в пору физического созревания. Похоть спокойно обуздывалась обычным стыдом, оставляя в нравственной чистоте даже духовно неокрепшего юношу... До свадьбы свобода и легкость новых знакомств отнюдь не означали сексуальной свободы и легкомысленного поведения. Можно ходить гулять, знакомиться, но... Девичья честь прежде всего... Худая девичья слава катилась очень далеко, ее не держали ни леса, ни болота. Грех, совершенный до свадьбы, был ничем не смываем... Ошибочно мнение, что необходимость целомудрия распространялась лишь на женскую половину. Парень, до свадьбы имевший физическую близость с женщиной, считался испорченным, ему вредила подмоченная репутация, и его называли уже не парнем, а "мужиком".

Так в русском народе понимали любовь, честь, целомудрие. И в наши дни еще можно услышать: "честная девушка", т.е. чистая, целомуренная, сохранившая девичью честь...

Целомуренный человек не растратывает легкомысленно свои чувства, но мудро бережет их для одного, как бы заранее храня ему верность, веря в него. Стыдливость стоит на страже целомудрия: проявлять преждевременно свои "естественные" влечения нехорошо, потому что они естественны в браке, для рождения детей, и не оправданы как проявление несдержанности, как желание удовольствий.

Идеал и идеализация

Первоначальное, еще не отравленное горьким опытом жизненных травм чувство любви ("первая любовь") отличается вдохновенностью, восхищенностью человеком. Он представляется самым прекрасным, необыкновенным, исключительным. Обычно это называют "идеализацией", и нередко это действительно так. Возлюбленный является проекцией своего идеала, будучи совсем другим, реально далеким от этого идеала. Потом обычно следует разочарование, возникает чувство обманутости и даже враждебное отношение к ранее любимому. Но здесь скрывается проблема: в чем же суть этой идеализации? Какая потребность стоит за ней? Почему эта потребность так сильна, что толкает человека на трагические жизненные ошибки? Почему даже горький опыт порой не останавливает от дальнейшего поиска своего идеала?

В диалоге Платона "Пир", беседуя с друзьями о смысле любви, Сократ сказал, что за ней стоит потребность "родить в прекрасном". Из всех речей слово Сократа было признано друзьями самым убедительным. Хотя для нас эстетический аргумент менее убедителен, чем для древнего грека, но в словах Сократа легко угадываются такие свойства любви, как ее творческий характер ("потребность родить") и устремленность к совершенству, абсолюту (проявлением которого является красота). Эта тема устремленности ввысь развита в том же диалоге Платоном в его речи о восхождении эроса от любви телесной к красоте как таковой.

В любви пробуждается духовное начало человека, и оно ищет встречи с духовным "Я" другого. Любовь является условием и путем духовного развития личности. И именно одухотворенность супружеской любви необходима для жизни и возрастиания самой любви.

Идеал в любви не всегда иллюзия. У любви есть свойство, присущее только ей: прозревать неповторимость любимого, его духовное "Я", скрытое от него самого и окружающих. Значит, любовь является высшей способностью познания. Она видит в другом то, что недоступно интеллекту, закрыто от психологической науки, ориентированной на рассудочное мышление. Но прозрение любви возможно лишь в том случае, если есть доминанта на Собеседника, т.е. способность отрешиться от своих предвзятых представлений, эгоцентрических притязаний. Любовь открывает красоту духовного "Я" человека. Он воспринимается совершенно особым, необычным. Поэтому в любви есть изумление, восхищение.

Но это неизбежно приводит к противоречию идеала и реальности. Если начало любви - подъем всех жизненных сил человека, в котором сливаются идеал и конкретный несовершенный человек (наличное "Я"), то повседневная последующая жизнь любви неизбежно наталкивается на противоречие. Известный русский философ Владимир Соловьев так охарактеризовал это противоречие любви: "...Высшая задача любви уже предсказана в самом любовном чувстве, которое неизбежно прежде всякого осуществления вводит свой предмет в сферу абсолютной индивидуальности, видит его в идеальном свете, верит в его безусловность". Но обычно на вспыхнувший свет любви "смотрят как на фантастическое освещение краткого любовного "пролога на небе", которое затем природа весьма своеобразно гасит, как совершенно ненужное для последующего земного представления. На самом деле этот свет гасит слабость и бессознательность нашей любви, извращающей истинный порядок дела".

Извращением любви является подмена высшей цели этого чувства - реализации идеала - самодовлеющей телесностью. Это соответствует известному в сексопатологии фетишизму: подмене любовного объекта частями тела и принадлежащими ему вещами. "Ненормальность такого фетишизма, - писал В. Соловьев, - состоит, очевидно, в том, что часть становится на место целого, принадлежность на место сущности. Но если возбуждающие фетишиста волосы или ноги суть части женского тела, то ведь само это тело во всем своем составе есть только часть женского существа, и, однако, столь многочисленные любители женского тела не называются фетишистами, не признаются сумасшедшими и не подвергаются никакому лечению. В чем же тут, однако, различие? Неужели в том, что рука или нога представляют меньшую поверхность, нежели все тело?"

Когда личность человека отождествляется с его физическим телом, происходит подмена любви к человеку любовью к телу, что неизбежно ведет к разочарованию. Это соответствует массовой динамике любви от головокружительного взлета до охлаждения, в лучшем случае - до привязанности и привычки.

Любовь или влече~~ни~~ние?

Говоря о любви, нередко подразумевают весьма различные, иногда прямо противоположные душевые состояния: "люблю ходить в кино"; "люблю мороженое" и т.д., называя словом "любовь" то, что доставляет удовлетворение, удовольствие. Здесь на первое место выступает мое "Я", а предмет любви оказывается лишь средством удовлетворения этой потребности. Так, к сожалению, мы нередко относимся и к людям: человек приятен, с ним хорошо, он доставляет удовольствие. И тут также "Я" на первом месте, а он (она) - всего лишь условие, средство, обеспечивающее мне удовольствие.

Личность, индивидуальность этого человека сами по себе не играют здесь существенной роли, ее легко заменить другой - для разнообразия или большего удовольствия.

Так, например, консультируя одну разводящуюся супружескую пару, я спросила у молодой женщины о причине развода: "Вы недовольны своим мужем?" И она ответила: "Нет, у нас все было хорошо. Но я нашла лучше". Такой ответ вполне вписывается в логику потребительского отношения к человеку: его можно и нужно заменить, как любую устаревшую и надоевшую вещь.

Любовь - это чувство, отличающееся от эгоистического "влечения", "предпочтения", "интереса". В любви отвергается, преодолевается наличное "Я", обретается духовное "Я". Это понимание любви соответствует понятию "доминанта на Собеседнике" А.А. Ухтомского.

В современном "массовом" сознании любовь нередко отождествляется с сексуальным влечением, поэтому следует остановиться на их различии. В терминах диалектического подхода оно состоит в том, что любовь - это субъект, субъективное отношение, тогда как сексуальное влечение видит в другом объект для своего удовлетворения.

Понятно, что интимные супружеские отношения связаны с сексуальным влечением. Но речь в данном случае идет не об их отсутствии в любви, а о том, что доминирует: обращенность к другому или собственное удовольствие. Именно это различие имеется в виду при сопоставлении понятий "любовь" и "сексуальное влечение".

Рассмотрим случай из практики консультирования.

Л. позвонила мне домой с просьбой о немедленной встрече, жалуясь на невыносимо тяжелое состояние. Мы с ней встречались не раз, контакт между нами был установлен. Диалог начался по телефону. На вопрос: "Что случилось?" - она не могла ответить, так как звонила из дома. После двух вопросов внешнего характера я спросила: "Вы влюбились?" - и получила утвердительный ответ. "Изменили мужу? - "Да"...

Ранее Л. говорила, что муж "устраивает ее во всех отношениях" - он любящий, преданный, честный человек, хороший отец. Но он очень мало зарабатывает и не прикладывает усилий к тому, чтобы обеспечить семью; это - главная причина их конфликтов. Конфликты возникают по инициативе жены, муж покорно их терпит, во всем с ней соглашается и обещает исправить положение, но пока безрезультатно. Порой это приводит Л. в сильное возмущение.

Недавно Л. встретила свою "первую любовь", человека, за которого она когда-то очень хотела выйти замуж, но тот ушел в армию, не попрощавшись, и она, обиженная, нашла себе другого мужа. Новая встреча всколыхнула их прежние чувства, и теперь Л. ничего не может с собой поделать. У ее возлюбленного, как и у нее, двое детей, и он не может оставить семью, но и ее "не хочет терять". Л. тоже не хочет разрушать свою семью: она любит детей и мужа и боится, что муж узнает об ее измене и оставит ее. Она - человек импульсивный и может сама проговориться. Л. постоянно сравнивает мужа и возлюбленного, и главное в ее сравнении то, что первый "ничего в жизни не добился", не способен обеспечить семью, тогда как второй "все имеет: и дачу, и машину", не останавливается на достигнутом, "идет в гору". Он работает на железной дороге, и на мой вопрос: "Откуда у него все это?" - Л. не может ответить и, по-видимому, еще не задумывалась. На следующий вопрос: "Уверена ли она, что это - заработанные блага?" - Л. ответила, что вполне допускает, что - "нет", но теперь "все так"...

На вопрос: "Что Вы думаете делать в этой ситуации?" - Л. ответила, что хочет уехать года на два на заработки. Иначе с собой не справится. Но ей жалко детей, и муж не соглашается. Наряду с такой попыткой "уйти от себя" она, как бы споря со мной, говорит: "А почему я должна отказываться от своего счастья?! Надо же мне, наконец, пожить для себя?! Я забываю все, когда его вижу!" - "А если бы он был Вашим мужем. Вы были бы с ним счастливы?" - "Нет, это было бы одно мучение - любить такого человека: я - женщина эгоистичная, мне нужно, чтобы меня любили, а ждать, ревновать, слушаться такого, как он, - это я бы не смогла". - "Если это - ваше счастье, что же вас так мучает? Почему Вы сейчас так несчастны?" После раздумья: "Я как будто раздвоена, разорвана на две части. Знакомый сексолог говорил мне, что для разнообразия нужно "иметь кого-то на стороне". Я попробовала и вижу, что это неправда: нельзя делить себя между двумя мужчинами. Раньше мне было хорошо с мужем в интимных отношениях, а вчера я его грубо оттолкнула, сославшись на плохое самочувствие. Любовь не может делиться между двумя". - "А как же Ваш прежний знакомый делит Вас со своей женой?" - "А может быть, он не любит меня, как я его? Может быть, мне только кажется, что он меня любит? Как Вы думаете?" - "Не знаю, Вам виднее". - "Моя сестра - мудрый человек. Она

говорит мне: "От добра добра не ищут". А знаете, когда она еще не знала о наших отношениях, она сказала о нем: "Ловелас". Может быть, я и вправду идеализирую его?" - "Не знаю..." - "А как узнать - любовь ли это?" - "Когда чувство глубокое, должна быть ответственность за человека..." - "Так что же, мне отказаться от любви?!" - "А что, любовь для Вас - это непременно сексуальные отношения?" - "А как же?! Как же может быть без этого?!" (взрыв протеста и возмущения). - "А я думаю, что - нет. И вот ответ на Ваш вопрос: если без этих отношений любовь кончается, значит, это - не любовь". На этом наша первая беседа прервалась, так как Л. вызвали по делу.

В ходе первой беседы с Л., ставя ей вопросы, я стремилась не только понять ситуацию, в которой она оказалась, но и помочь ей осознать эту ситуацию. Л. - страстный, увлекающийся человек, и помочь ей перейти от захватывающих ее эмоций к осознанию - нелегкая задача. Л., по ее словам, "запуталась", надо помочь ей разобраться в себе и в своих желаниях, которые действительно противоречивы: с одной стороны, Л. хочет уехать, "уйти от себя", с другой - она утверждает, что ей надо "пожить для себя", она убеждает себя и меня в том, что это "настоящая любовь", и в то же время просит меня помочь ей определить, любовь ли это; она утверждает, что нельзя делить себя между двумя мужчинами, и в то же время не хочет оставлять ни мужа, ни любовника. Мои вопросы к Л. сменяются ее вопросами ко мне. Отвечая на них, я стремлюсь учитывать ее внутренний диалог и поддерживать сторону ее высшего, духовно-нравственного начала. Наличное "Я" собеседницы резко протестует против возможности любви без чувственных удовлетворений. Но другой голос говорит прямо противоположное.

В следующей беседе, состоявшейся через две недели (которой предшествовали два телефонных звонка, уже менее "отчаянных"), Л. спросила: "Ну, скажите, мне все бросить?" - "Зачем же "все"? Любовь не бросить". - "Так что же? Делить любовь между двумя?!" (возмущенно). - "Смотря о какой любви вы говорите". Л. уже не возмущается, она понимает, о чем я говорю. За это время в ее сознании произошло явное изменение. Незаметно для себя она стала утверждать то (и теми же словами), что в прошлой беседе возмущало ее: например, она спорила со своими сотрудниками о том, есть ли "бескорыстная любовь", и в ответ на их отрицание уверяла их, что только такая любовь - "настоящая". Голос собеседника стал ее голосом, потому что был выражением голоса ее же неосознанного духовного "Я". Идеал бескорыстной любви - общечеловеческий идеал, выраженный в искусстве и мудрости всех времен, поэтому он присущ потенциально каждому человеку.

Во второй беседе, уже осознав альтернативу, в которой она находится, Л. проявила склонность к определенному выбору, ожидая от меня подтверждения и опоры в том выборе. Но я не удовлетворила ее ожидание, чтобы не нарушать самостоятельность и свободу этого выбора, пока продиктованного в значительной степени желанием успокоиться на каком-то определенном решении: "пристать к одному берегу".

В этой беседе Л. много говорила о том, что если бы ее муж "исправился", стал более энергичным в обеспечении семьи, ей лучшего не надо было бы желать. Мы сошлись на том, что лучше не возмущаться, а помочь ему устроиться на другую работу.

Прежний знакомый был для Л. "идеалом" мужа-добытчика, энергичного, "самостоятельного" мужчины. Но сама Л. - человек слишком "самостоятельный" и энергичный, чтобы ужиться со своим "идеалом" мужчины. Она поняла, что ее муж для нее - "идеальный" партнер.

В третьей беседе Л. выглядела успокоившейся. Она начала с того, что теперь мало видит мужа, потому что он приходит в двенадцать часов ночи, так как подрабатывает в кооперативе, куда она его устроила. Она ждет его прихода, даже скучает о нем и радуется, что он, наконец, обеспечит семью, станет тем, кого она хочет в нем видеть. Она встретилась недавно у метро со своим другом, но оба они торопились по домам, смотрели на часы...

В наше время ведущим мотивом вступления в брак является любовь. В прежние времена, да и ныне в традиционных семьях любовь обычно не предшествует браку⁴. Однако прочным брак является в традиционной семье, а не в "современной". Социологи говорят о том, что среди тех, кто вступил в брак, потому что "пора заводить семью", оказывается больше благополучных пар, чем среди тех, кто соединился по любви. По-видимому, дело в том, что, называя "любовь" в качестве мотива брака, опрашиваемые вкладывают в это слово разные содержания. Можно выделить по меньшей мере три различных понимания этого слова: любовь как сексуальное влечение; любовь как потребность быть

любимым; любовь как доминанта на Другом. Устойчивое преобладание одного из них в сознании и складе личности позволяет кратко наметить три типа личностных установок.

Доминирование полового влечения. Гипертрофия полового влечения ведет к образованию сексуальной доминанты, захватывающей все жизненные силы человека, превращая его в раба своих влечений. Это становится препятствием для психического и духовного развития человека. Естественная нормальная иерархия личности оказывается перевернутой: высшие психические и духовные потребности, стремления "вытесняются" и блокируются низшими влечениями. Сами по себе правомерные, низшие влечения в таком перевернутом виде становятся извращенными и паразитирующими - это путь распада личности. Таков предельный вариант этой личностной установки.

Опыт консультирования разводящихся супружеских пар говорит о том, что такие люди не способны к созданию семьи, так как у них слишком сильна потребность в смене "объектов" удовлетворения сексуального влечения. Порою они глубоко страдают от этого, сознавая, что неспособны любить, понимая, сколько горя приносят оставленным женщинам и детям. Однако нельзя считать их "безнадежными". Возможность решительно изменить себя и свою жизнь остается у человека, пока он жив.

Потребность быть любимым. Эта потребность свойственна каждому человеку с самого раннего детства. Ее нормальное развитие выражается в способности к ответной любви. Но нередко потребность в любви направляется исключительно на себя.

Американский психолог К. Хорни дала подробные клинические характеристики представителей подобного типа личностной установки. Односторонняя потребность быть любимым служит психической защитой от чувств повышенной тревожности, неуверенности, страха, своими корнями уходящих в раннее детство. Чувства эти обусловлены разного рода неблагоприятными взаимоотношениями ребенка со взрослыми: отсутствием или недостатком любви родителей, повышенной опекой, сопровождающейся отрицательными эмоциями, деспотизмом. Пережитые душевные травмы ведут к неврозам, тормозящим развитие личности и индивидуальности.

Логика невротической потребности быть любимым такова: "ты меня любишь - значит, ты меня не обидишь". Эта потребность в любви эгоцентрична, хотя она может маскироваться внешними проявлениями ответной любви. Таких людей характеризуют болезненная мнительность и обидчивость, ревность, стремление во что бы то ни стало привлечь к себе внимание и т.п.

Отечественный психолог Л.С. Славина в своих исследованиях показала, что у детей дошкольного возраста, не признанных, не любимых в группе детского сада, в поведении заметны проявления агрессивности, желание командовать, завышенные притязания. После того как удовлетворяется потребность в любви взрослого, улучшаются взаимоотношения в группе сверстников, выравнивается характер ребенка.

В исследованиях отечественных психологов М.С. Неймарк и Л. И. Божович есть данные о том, что не удовлетворенная в семье потребность в любви приводит к эгоистическому складу личности ("личная направленность") в сочетании с неадекватно завышенными притязаниями на успех. Так, у подростков неудачи при выполнении заданий взрослого вызывают вспышки бурных эмоций - гнева, протеста, обвинения и т.п., в которых проявляется их ставшее хроническим душевное неблагополучие ("эффект неадекватности"). Болезненно реагируя на неуспех, подросток обвиняет в своих неудачах либо других людей, либо обстоятельства, не признавая своей несостоятельности.

Нередко "эффект неадекватности" приходится наблюдать и у взрослых в чрезмерных притязаниях на любовь к себе. Истинная любовь - редкая гостья, но претендуют на нее очень многие. Неспособность любить в сочетании с сильной потребностью быть любимым приводит к состоянию хронического аффекта, который проявляется по отношению к близким людям в бурных, неуправляемых эмоциональных взрывах, не адекватных той ситуации, которая послужила поводом для них.

Приходится признать, что те, кто вступил в брак, потому что "пора заводить семью", находятся в лучших психологических условиях: у них нет неадекватных притязаний и разочарований, они заняты не своими отношениями, а делами, которых так много в семье.

Способность любить. Любовь связана с развитием творческой индивидуальности. В ней личность реализует себя и помогает раскрыться любимому человеку. Известный американский психолог А. Маслоу подробно описал такой тип "самоактуализирующейся личности". Для нее

характерна гармоническая иерархия природных и духовных потребностей, направленность вовне - на других людей и на творчество, высокая продуктивность, непрестанное развитие и совершенствование, спокойная уверенность в себе и уважение к другим. Такой человек верен в любви и надежен в семье.

Если чувственные удовольствия неизбежно приводят к пресыщению - таков психологический закон "насыщаемости", то любовь не насыщаема: любимый человек не надоедает, он раскрывается все глубже и глубже. Любовь соединяет воедино две индивидуальности, призванные дополнять друг друга.

В русской литературе есть поэтическая повесть о Петре и Февронии. В ней ничего не говорится о "пышной страсти", о чувствах князя Петра и мудрой девы Февронии, а рассказывается об их чудесной встрече, о том, как они остались верны друг другу вопреки стремлению злых людей разлучить их. С удивительным эпическим спокойствием повествуется о том, как они вместе закончили свою жизнь. Феврония, услышав зов супруга своего, замотала нитку вокруг иглы и послала сказать князю Петру, в иночестве Давиду, что она готова прийти на зов его.

Не сошлись характерами

В супружеских отношениях человек надеется обрести полноту взаимного слияния, взаимопонимания, полагая, что залогом этого являются интимные отношения. Вот как писал об этом выдающийся польский психотерапевт А. Кемпински: "В эротическом контакте дополняется собственная оценка; на себя человек смотрит глазами другого, что может действовать мобилизующим образом, а благодаря такому взгляду человек верит в себя". В словах "он (она) меня не понимает" содержится чувство неисполненных желаний и надежд на то, что именно в эротической связи можно найти полноту жизни. Между тем, несмотря на физическую близость, остается психическая изоляция". Так супружеские отношения, основанные на сексуальной привязанности, ведут к болезненному эгоцентризму. Это не эгоизм, характеризующийся культом своего "Я", которое утверждается за счет других. Эгоцентризм - "это вращение вокруг собственной оси человека, движение вперед которого было задержано". Эгоцентрическая "доминанта на себе" может сочетаться с внешним альтруизмом, образуя глубокий раскол в психическом строе личности. Эта глубинная доминанта закрывает глаза на другого (феномен Двойника), приводит к неадекватным требованиям, желанию перевоспитать супруга по своему образцу.

Жена обвиняет мужа в нежелании ей помогать, медлительности, пассивности, инертности, объясняя все это его эгоизмом. Сама она отличается активным, энергичным характером, импульсивностью, несдержанностью, взрывчатостью, что не без труда, но терпеливо переносит ее муж. На вопрос: "А если бы у Вас был муж с таким же характером, как и у Вас?" - собеседница после некоторого замешательства решительно заявила, что такого мужа она не вынесла бы и одного дня. Это осознание повело за собой и дальнейшее: она и полюбила его, и решила принять его предложение именно потому, что он "такой спокойный и выдержаный", что они хорошо дополняют друг друга, а своей нетерпимостью и упреками она сама разрушает их отношения, вызывает его скрытность и отчужденность. Итогом явилось осознание собственного эгоизма, мешающего ей видеть и любить мужа именно таким, каков он есть по своему характеру, уважать и ценить его индивидуальность, радоваться его творческим способностям и склонностям (первоначальная характеристика: "Чудной какой-то: разводит всякие растения бесполезные, аквариум завел, любит с сыном в лесу гулять, птиц слушать..."). Чувство раскаяния в своем поведении по отношению к мужу сопровождалось радостью открытия истинного смысла затянувшегося кризиса их отношений и перспективы его преодоления при всей его трудности. Собеседница поняла, как бессмысленно переделывать мужа по своему подобию. Утрата вненаходи-мости повела ее к слепоте и насилию над человеком, его индивидуальностью.

Большинство разводящихся в качестве причины развода выдвигают привычную формулу: не сошлись характерами. Что за этим стоит?

Молодые супруги И. и С. прожили в браке менее года; детей у них нет. Они любят друг друга и развод переживают чрезвычайно болезненно. С. (жена) не хочет развода, а ее муж И. решительно настаивает на нем, так как не видит иного выхода; за короткое время они несколько раз расходились,

после чего С. просила прощения, обещала исправиться, но обещания не выполняла - ссоры, скандалы продолжались, как и прежде. У него больше нет сил все это терпеть, он чувствует себя глубоко оскорбленным.

С. осознает свою вину, со слезами просит помочь ей вернуть мужа. Она понимает, что слишком вспыльчива и бывает груба с мужем, но быстро "отходит", а он слишком долго переживает обиду. У супругов заметна разница темпераментов: И. - инертен, флегматичен, сдержан, но крут в своих поступках и решениях; С., напротив, очень экспансивна, эмоциональна, возможно, взвалмощна и своенравна. У них - первый брак, и каждый из них не мыслит себе другого.

Существенным обстоятельством, осложняющим их совместную жизнь, является разница семейных укладов: у И. в доме царит "патриархат", он привык к тому, что жена должна подчиняться мужу, а у С., напротив, полная хозяйка в семье - мать, и С. усвоила ее стиль поведения. Другим существенным обстоятельством, сделавшим практически невозможным поколебать решение И., является то, что его родители настаивают на разводе, и их воля для него, очевидно, более значима, чем любовь к жене. Кроме того, он устал и хочет покоя, уюта, заботы о себе, чего в доме жены он не видит.

Супруги контрастны по темпераменту, но каждый из них слишком эгоцентричен, чтобы встать на точку зрения другого. Разница в воспитании, семейном укладе и привычных формах поведения оказалась для них непреодолимой трудностью. Инициатор развода И. предпочел благополучную жизнь в семье родителей невзгодам супружеской жизни.

Взаимная эмоциональная притягательность делает особенно чувствительным каждого из них к нечуткости, грубоcти, оскорблению личного достоинства, а эгоцентрическая установка побуждает отвечать обидой за обиду, раздражением и гневом за каждое несоответствие поведения другого своим привычным нормам и ожиданиям.

Реакция И. на поведение жены не соответствует ее субъективной виновности, так как это поведение обусловлено ее вспыльчивым, реактивным характером и неуравновешенным темпераментом. Осознание этой разницы темпераментов привело бы к большему взаимопониманию и снисходительности. Но И., объявив себя "технарем", не захотел вникать в психологические проблемы: его решение было бесповоротно, так как за этим решением стояла воля родителей и желание покоя.

В этом случае "психологический механизм" распада супружеских отношений заключается в конфликте непосредственно эмоционального влечения, связанного с контрастностью темпераментов, и эгоцентрической установкой на идентичность поведения супруга своим индивидуальным особенностям.

Супруги А. и З. прожили в браке 7 лет. Детей у них нет (в настоящее время З. проходит курс лечения и надеется, что у нее могут быть дети). З. - инициатор развода. Она вошла с решительным заявлением, что у них "все кончено" и не следует тратить время на разговоры. А. был другого мнения: он считал, что серьезных оснований для развода нет.

В совместной беседе выяснилось, что причина недовольства З. в том, что А. несколько раз поздно вернулся домой и, несмотря на ее волнения, продолжает время от времени задерживаться, якобы на работе; она не верит этим объяснениям и очень болезненно реагирует на его задержки. А. уверяет, что подозрения жены безосновательны, что он действительно задерживается на работе (работает он за городом), несколько раз он заходил к товарищам, живущим недалеко от места работы. Случай, который привел жену к решению разводиться, - празднование дня рождения сослуживца мужа, где он отравился и попал в больницу на два дня. З. не верит этому объяснению, а мужа недоверие возмущает.

А. и З. - интеллигентные люди средних лет. А. - человек пикнического склада, живой и общительный. З. - несколько инертная, глубоко чувствующая и ранимая. Она любит А., но у нее "кончилось терпение", она "больше так не может".

В непродолжительной беседе удалось выяснить, что подозрения З. - плод ее мнительного и обостренного воображения. Было обращено внимание на разницу их характеров и темпераментов: А. - сангвиник, человек живой и компанейский, нуждается в обществе друзей. В семье он мог бы найти себя, если бы у них были дети (он очень хочет иметь детей). Упреки и подозрительность жены не способствуют их контакту, и он ищет отдушину в обществе друзей. А. признал свою вину нечуткости к

жене, легкомыслия, невнимания к ее болезненным переживаниям по поводу его задержек. Каждому из супругов было предложено войти в положение другого, понять особенности и мотивы поведения друг друга.

Конфликт был снят. Супруги забрали заявление о разводе и пошли в ресторан отметить свое примирение.

В подобных случаях дело осложняется психосоматическими и нервными расстройствами, вызванными постоянными ссорами и эмоциональной напряженностью.

Супруги И. и Ю. живут в браке 11 лет. За это время они 7 раз расходились и снова мирились. У них двое детей. По их словам, "нервы у них больше не выдерживают": они не могут жить вместе. Но и друг без друга они тоже жить не могут. К тому же отец очень любит детей. Идя на развод, они хотят создать более спокойную обстановку для детей и предотвратить возможность психических срывов.

В совместной беседе супруги поняли, что у них нет необходимости разводиться, но есть необходимость в большей дистанции: им лучше жить в разных местах и регулировать частоту своих встреч в зависимости от желания и состояния каждого. Диалогический принцип "вненаходимости" важен для них как в психологическом, так и в территориальном смысле слова.

В другом аналогичном случае (у мужа от постоянных ссор развивается язвенная болезнь) оформление развода было юридическим условием размена жилплощади и, таким образом, создания необходимой для них дистанции.

Супруги О. и И. около двух лет в браке. У них нет детей. И. учится, О. работает (у него очень ответственная и напряженная работа). Они любят друг друга. Но И. жалуется на грубость мужа, которую крайне болезненно воспринимает. Из-за семейных переживаний у нее увеличивается щитовидная железа. О. согласен на развод, "раз она так хочет". Родители И. очень любят и уважают О. и решительно против развода дочери.

В беседе выяснилось, что И. преувеличенно и неадекватно воспринимает естественные проявления усталости и нервного напряжения мужа. Его реплики, кажущиеся ей обидными и оскорбительными, объективно таковыми не являются: ее повышенная чувствительность сталкивается с обычной мужской грубоностью и отсутствием рафинированного воспитания. Занятость собой и своими переживаниями приводит к неадекватности восприятия и оценки мужа.

И. следует пересмотреть свое отношение к О., понять поведение мужа с точки зрения его жизненного опыта и напряженной работы. Ей полезно стать матерью, чтобы переключить внимание на ребенка. Вопрос о разводе был снят.

В этих и подобных им случаях супруги утверждают, что любят друг друга, однако их реальное поведение говорит о себялюбии, неумении и нежелании встать на точку зрения другого.

Разительным примером может послужить эпизод, рассказанный молодым человеком, подавшим заявление о разводе. Жена была в положении. Он принес ей черешню и предложил поесть, на что жена ответила: "Не хочу". Его этот отказ очень возмутил, потому что он старался, доставал черешню. Когда вскоре она предложила сигареты, купленные для него, он ответил: "Ты не хочешь есть мою черешню, а я не хочу курить твои сигареты!" Жену это привело в ярость, и она стала рвать сигареты одну за другой. Пошла "цепная реакция", в результате которой беременная женщина собрала свои вещи и ушла от мужа (эта беременность кончилась выкидышем после конфликта со свекровью).

Этот случай был рассказан как пример возмутительного поведения жены, без тени самокритики. Нервный тик и слезы на глазах рассказывающего свидетельствовали о том, что он очень несчастен.

Это хотя и волнивший, но типичный пример конфликта между людьми, считающими, что они любят друг друга. Рассмотрим его подробно.

Сознательным намерением мужа было сделать приятное жене (мотив альтруистический). Но его реакция на отказ жены есть купленную им черешню, а главное, на отсутствие проявлений благодарности говорит о том, что более глубоким и сильным был мотив получить эмоциональное вознаграждение за свой поступок. Не было принято во внимание состояние женщины, ее недомогание. Испытав обиду, он тут же ответил подобным же отказом на проявление заботы о себе, чтобы причинить боль жене. Все говорит об эгоцентризме, неспособности войти в положение близкого человека, доминировании своего самолюбивого "Я".

Неуправляемый, "взрывной" характер возникшего конфликта является следствием того, что он вызван неосознанной мотивацией. Молодой человек, обвиняя жену в эгоизме, не видит, что его поведение эгоцентрично. Сознательные установки его носят нравственно положительный характер, а непосредственные, не осознанные им побуждения - мстительность, жестокость, эгоцентризм - безнравственны. Обвинение во всем жене - результат эгоцентрической проекции на нее своих отрицательных черт (феномен Двойника); это - оборотная сторона самооправдания.

Описанные случаи методом "от противного" доказывают необходимость соблюдения основных принципов диалога в супружеских отношениях.

Власть женщины в семье

Мужчина в современной семье перестает быть ее главой. Эта роль переходит к женщине, что неизбежно влечет за собой изменение психологического облика самой женщины: нежность, чувствительность, мягкость, послушность, терпеливость и многие другие высокие качества "вечной женственности", по мнению многих, отходят в прошлое. Об этом говорят и прическа современной девушки, и одежда, порой почти не отличающиеся от мужской, и выполнение женщиной тяжелых видов мужского труда, и командные роли, занимаемыми женщинами в общественной жизни. Что это? Изъяны или достижения современного общества? Мнение на этот счет существуют разные. Некоторые утверждают, что это - "дело вкуса".

Равенство мужчины и женщины. Означает ли оно устранение различий между ними? Существует такое мнение, а главное, и такая тактика воспитания мальчиков и девочек, юношей и девушек. Это считается у нас "современным".

Япония - современная страна, ее не назовешь "отсталой". Но в ней и по сей день существуют "праздник мальчиков" и "праздник девочек", ежегодно отмечаемые всей страной. Так с детства воспитывается культура мужественности и женственности. Это и есть "половое воспитание" (в отличие от "бесполого") - воспитать настоящего мужчину и истинную женщину.

"Перевертыши" полового воспитания - совсем не безобидные явления. Опыт психологического консультирования взрослых людей выявляет глубинные травмы личности и тяжелые семейные конфликты в результате извращения мужской и женской психологии. Это подтверждают приведенные ниже случаи.

... Н. Р. пришла в психологическую консультацию с жалобами на дочку. Девочке пять лет, она ходит в детский сад, но с детьми не играет, приходит домой, плачет - никто с ней не дружит. Дома, пока мать занята на кухне, она слоняется по квартире и причитает: все-то у нее плохо, и ничего хорошего-то у нее не будет. Это больше всего раздражает мать, она выходит из себя и кричит: "Да займись ты игрушками, почитай книжки!" Н. Р. не выносит этого, потому что очень боится, что дочь будет такой же, как она сама. Жалобы на дочь переходят в жалобы на себя.

Нашей собеседнице 30 лет, она кандидат наук, на работе ее ценят, в учебе все ей давалось легко. Муж - "прекрасный человек". Но у нее такое чувство, что сама она - "никчемное существо" и "занимает чье-то место на земле". Ее не удивляет, что по отношению к ней обычно занимают позицию "сверху-вниз", а она, подобно амебе, принимает ту роль, которую навязывают.

Ей трудно общаться с незнакомыми людьми, в группе она "забивается в угол". Боясь потерять возникшее расположение знакомых, Н. Р. замыкается, чтобы те, узнав ее поближе, не отвернулись от нее. На работе ей кажется, что сделала мало, не так и не то, боится, что будут предъявлять высокие требования и она окажется несостоятельной. Н. Р. очень ранима: если кто-то не так посмотрел, невнимательно выслушал ее, она долго не может успокоиться: отрицательные переживания преобладают в ее душе, она "застревает" на них и не может переключиться. Она постоянно рефлексирует, разбирается в себе и своих переживаниях, но это не приносит никакого облегчения. Н. Р. чувствует свою неестественность, зажатость и завидует открытым и непосредственным людям. И в отношениях с мужем нет радости, непосредственности - он тоже человек замкнутый, "запрограммированный".

Н. Р. очень женственна, но манера ее поведения, мужская стрижка, спортивный стиль одежды идут наперекор этой женственности и уродуют ее. Сама она чувствует себя "маленькой девочкой", и это отражается в ее неуверенных движениях и манере речи.

Была ли она желанным ребенком? Нет. Когда ей исполнилось 6 месяцев, мать отдала ее бабушке. "Когда я училась в 6-м классе, - рассказывает Н. Р., - мама вышла замуж, и скоро родилась Зина. Это известие вызвало у меня истерику: наверное, потому, что рухнули мои надежды на близость с матерью. До 10-го класса я была нянькой, об этом времени вспоминаю с содроганием: мать требовала идеальной чистоты и порядка. Если я задерживалась в школе, она опаздывала на работу, и это вызывало ярость. Но страшнее было, когда целыми днями она не разговаривала со мной; от горя и отчаяния я готова была выброситься в окно. До сих пор во мне жива эта боль, и мне трудно с матерью. Когда я подхожу к ее дому, меня охватывает дрожь. Она не видит моего отношения, все объясняет плохим настроением. Сестра Зина откровенно ненавидит родителей, они жалуются и ищут у меня сочувствия. А я боюсь, как бы не выдать своего отношения к матери. Она же вполне довольна собой, одержима стремлением "делать добро", но требует, чтобы это добро помнили и были ей благодарны. "Вы думаете, это все ваше?!" - возмущенно спрашивает она, обводя рукой комнату".

Из рассказа Д. С. - мужа нашей собеседницы: "В семье жены женщины - бабушка и мать - очень властные и жестокие, у них тенденция - доминировать над мужчинами. И жена моя не лишена этого, она вспыльчива, раздражительна, не скоро отходит, не исключает бойкот. Уже в двух поколениях - дрессировка мужчин, это - тупиковый путь..."

Н. Р. боится, что дочь чувствует ее несостоенность, не любит ее. И опасения не лишены основания. Об отношении девочки к родителям лучше всего говорит ее рисунок "Моя семья" и комментарий к нему. Она тщательно и долго рисовала комнату, потом себя - в короне, потом - папу. "А корона сдвинулась набок, потому что я бежала на кухню, маму наказать. За то, что она меня наказала. Потому что я дралась во дворе". - "А мама веселая?" - "Нет, она грустная. Мама расстроилась, пошла спать, а я ей лекарство подлила, чтобы она заснула и нам не мешала с папой, а то она только мешает, кричит..."

По словам Н. Р., они с мужем, чтобы не "подавлять ребенка", стараются дочь не наказывать, мирно разрешать конфликты. Н. Р. много читает о воспитании детей, и ее сознательные установки и намерения даже слишком "правильны". Но, как видно из характеристики мужа и беседы с ребенком, ее реальное поведение не соответствует сознательным принципам. Несмотря на выстраданное осуждение бойкота, она прибегает к этой форме воздействия по отношению к мужу, кричит на ребенка. Ее интеллектуальная жизнь и разумные установки идут вразрез с непосредственными переживаниями и реакциями, порой неуправляемыми. Если на сознательном уровне она отрицает и осуждает тип поведения своей матери, то реально она его воспроизводит по отношению к ребенку и к мужу. Этот же тип поведения намечается и у пятилетней девочки: она изображает себя в короне (символ власти, величия), она наказывает мать (место которой на кухне), устраивает ее из общения.

Мы видим, что уже в четвертом поколении - бабушка, мать Н. Р., она сама, ее дочь - проявляется один и тот же тип поведения женщины в семье: властность, жестокость, отчуждение. Есть заметная разница в его проявлении у самой Н. Р. и ее матери, считающей себя добрым, хорошим человеком, довольной собой и не подозревающей об отрицательном отношении к ней дочери. Но от того, что Н. Р. осознает тяжесть своего состояния, отношение к ней дочери, стремится быть доброй, неподавляющей матерью, картина не меняется, а только усугубляется глубоким внутренним конфликтом: усвоив с детства тип поведения матери, ставший ее натурой, она не может изменить его усилиями сознания и воли. Помочь ей на уровне сознания нельзя. Надо понять суть ее душевного состояния.

Благодаря постоянному самоанализу, начитанности в психологии, развитому интеллекту, Н. Р. способна к меткой характеристике своих переживаний. У нее такое чувство, будто она "занимает чье-то место на земле"; она "аморфна", как амеба, играет роли, не свойственные ей. Иными словами, она чувствует, что лишена индивидуальности, личностной определенности, не нашла себя в жизни (ощущение себя "маленькой девочкой"). При полном внешнем благополучии - у нее чувство своей несостоенности. Это проявляется прежде всего в общении: ей кажется, что к ней плохо относятся, не принимают ее такой, какая она есть. Она боится общаться с людьми, хотя больше всего стремится к этому общению. То же наблюдается и у ее дочери. Очевидно, в этом сказывается

неудовлетворенность в общении, так болезненно пережитая в детстве (вспомним ее истерику при рождении сестры); психологи называют это "дефицитом любви". Не внешние обстоятельства, а душевный строй делает несчастной эту женщину, и такой душевный строй передается ее дочери. Как же прекратить эту эстафету душевной боли? Как помочь Н. Р.?

Эта женщина обладает удивительной волей к познанию и изменению себя, редкой честностью, глубоким недовольством собой. Здесь залог того, что ей можно помочь. От встречи к встрече Н. Р. становится все более открытой, искренней и живой. Она говорит, что после бесед чувствует себя хорошо, но пока это улучшение продолжается не более двух дней (а она хочет постоянного эффекта).

Как нередко бывает в таких случаях, у Н. Р. появляется стремление к личным дружеским взаимоотношениям с психологом, она ожидает от этих отношений удовлетворения своих неудовлетворенных потребностей в любви и признании. Случись это, психолог станет объектом требований, недовольств и обид, вымениемых на нем отрицательных переживаний. Но главная беда не в этом, а в бесплодности такого рода отношений: пока человек ждет любви и внимания от других, живет этим, он никогда не удовлетворится, будет требовать все большего, и все ему будет мало. В конце концов он окажется у разбитого корыта, как старуха, захотевшая, "чтоб служила ей рыбка золотая". Такой человек всегда внутренне несвободен, зависим от того, как к нему относятся.

Пока человек только берет, рано или поздно он обанкротится. Фигурально выражаясь, чтобыrosла прибыль от получаемого, его надо отдавать другим. Этот свой источник любви и добра необходимо открыть в себе самом. И открытие должно совериться не в уме, а в сердце человека, не теоретически, а внутренним опытом. Поэтому было бы неверно сразу же сказать Н. Р.: "Эффект нашего общения так недолог, потому что вы больше думаете о себе, чем о других". Она примет это к сведению или займется самобичеванием. Подождем, когда она придет радостная и скажет: "Теперь я поняла... Теперь я живу!" Это может произойти нескоро, так как эта женщина живет умом, а не сердцем. А для начала сердце надо умягчить и отогреть, помочь Н. Р. поверить в себя, чтобы, наконец, она узнала простую вещь: не только она нуждается в людях, но и они нуждаются в ней.

В. П. 14 лет замужем, у них есть дочь; сама она в свои 32 года работает и учится. Времени всегда не хватает. Но ей пришлось обратиться в психологическую консультацию, так как последнее время ей почему-то стали неприятны близкие отношения с мужем.

Муж В.П. очень ее любит, во всем помогает. Знакомые в один голос говорят: "Какой у тебя прекрасный муж!" А она видит в нем одни недостатки, постоянно его "воспитывает". Особенно нетерпима она к выпивкам мужа: они, правда, бывают редко, но ее больше всего раздражает то, что он быстро пьянеет: вот ее брат пьет много, но как-то не пьянеет... Возмущает ее пассивность мужа: "Он все делает, когда ему скажешь, а сам не видит, что нужно сделать, - никакой инициативы... Может быть, по моей вине?.. Любит, даже слишком, чересчур ласков, покладист, построптивее бы был... Может быть, потому, что воспитывался матерью без отца?"

Саму В.П. больше воспитывала бабушка, чем мать. О матери вспоминает: "Вспыльчива была, сердилась, постоянно раздражена. Помню, я выстригла себе челку, а она меня схватила за эту челку и головой об стену! Она в торговле работала, уставала. Отчим пил, вот она на мне и срывалась. В пятом классе я взяла из школы документы и уехала сама к бабушке. Училась отлично, удачно вышла замуж. Дочь у меня такая же, как я: у нас редко бывает хорошее настроение, обе нервные, раздражительные, ничто не радует. Я давно забыла, что такое покой".

Встреча с мужем В.П. подтвердила сказанное ею. Мне достаточно было лишь намекнуть ему на то, что жена ожидает от него более мужественного поведения, и он все понял.

Через полгода В.П. снова пришла, но уже с другими жалобами: что-то произошло с мужем. Последнее время он демонстрирует какое-то нехарактерное для него поведение: заставил ее хорошо одеться на праздник, чего никогда не было. "У меня к нему было отношение как к мебели, которая будет стоять, пока я ее не выброшу. А теперь мне кажется, что я его совсем не знаю! Начались ссоры, и он их не улаживал, а как будто нарочно разжигал, хотя провоцировала их я. Может быть, он просто избаловал меня. Я как будто получила в ответ все то, что сама делала по отношению к нему".

В третий раз В.П. пришла в полном смятении. Она рассказала, что у них было совершенно счастливое время: она сдала сессию успешно, ссоры с мужем у них прекратились, она наконец была рада мужу и жизни, она почувствовала в нем настоящего мужчину, какого раньше не знала. Но вдруг она услышала, что "какая-то семнадцатилетняя вешается ему на шею". Вот это совершенно выбило ее

из колеи: она связала перемены в поведении мужа с этими слухами и теперь не верит ему. А он спокойно твердит, что это - ее "мнительность" и что все это глупости, да еще иногда прикивает, чтобы "прекратила дурить".

Хотя, по всей вероятности, и это подтвердила беседа с мужем В.П., изменение его отношения к жене произошло после и по причине нашей с ним беседы, ей полезно было пройти через "естественный эксперимент" мнимой измени мужа. Это помогло ей увидеть его другими глазами (глазами другой женщины, которая "вешается ему на шею"). Проходя через кризис отношений, супруги начали заново их строить: муж становился главой семьи, а жена наконец получила то, чего она хотела: сильного, волевого, твердого мужчину. Заслуга в этом принадлежала прежде всего мужу В.П. - человеку по натуре мужественному и разумному. Он легко понял, что любовь - это не только эмоции, но и разумная воля. Он сумел стать "укротителем строптивой" и поставить все на свои места. Прежние отношения оказались туниками и могли скоро распасться (по словам В.П., она терпела их только ради ребенка). Вернув себе "права мужества", он открыл жене путь женственности, пробудил в ней любовь, без которой женщина не знает радости и покоя. Власть над мужчиной убивает любовь, извращает супружеские отношения. Но легко ли быть женственной?

Л. я знала еще студенткой: милая, скромная девушка с тихим ровным голосом - воплощение женственности. Все говорило о том, что она будет прекрасной женой и матерью. И вот через несколько лет замужества и материнства она призналась: "Как это трудно - быть женственной!" Они с мужем глубоко любят друг друга. Но однажды он сказал ей: "Знаешь, что-то происходит неладное: я начинаю бояться тебя, как ребенок матери, которая может поставить в угол, у меня постоянное чувство тревоги, как у провинившегося школьера, будто я что-то не сделал или сделал не то и не так. Но чувство нашкодившего ребенка - это уже не чувство к любимой женщине". И она поняла - ей приходится распоряжаться по дому: "Сделай то, не так сделал, почему не сделал..." Это становится фоном их отношений, и в это она вкладывает немало отрицательных эмоций. Роль "прораба" делает ее властной, что совершенно чуждо ее натуре и непривлекательно для нее и для мужа. Мелочи жизни, быта вытесняют что-то очень важное в их отношениях. Да, трудно быть женственной! Но что-то надо менять: менять тональность, "удельный вес" распорядительности, перевести раздражительность в шутливость и ласковую просьбу. Власть убивает любовь женщины, и с "волей к власти" надо бороться, чтобы сохранить гармонию супружеских отношений: совет да любовь. Вместо распорядительного тона - советование, общее решение - во имя любви. Здесь надо потрудиться, быть внимательной к себе. Иначе легко превратиться в "сварливую бабу". Ведь муж любит ее и всегда готов прийти на помощь - ему нужно только подсказать, порадоваться, что сделал, спросить, не нужно ли ей самой что-то сделать. И тогда жизнь будет не тревожно-напряженной беготней, а радостной и спокойной работой вдвоем, где мелочи не мешают, не раздражают, а радуют и наполняют душу.

Женственной быть нелегко, но не легче быть и мужественным.

В консультацию для разводящихся пришли молодые супруги. Они были так напряжены и озлоблены по отношению друг к другу, что не сразу удалось увидеть: оба - очень хорошие, симпатичные и красивые люди (будем называть их "он" и "она").

Она, как это часто бывает в таких ситуациях, возмущалась его эгоизмом, тем, что он "не ценит" ее. Она была уверена в своей красоте и даже не знала, что он тоже красив; она не сомневалась в своем уме и сильном характере, отказывая в этих достоинствах ему.

В чем же проявляется его эгоизм? Например, он в день ее рождения целый час говорил с другом по телефону о своих научных делах, а ее это вывело из себя. Почему же он так плохо вел себя? В беседе выяснилось, что нездолго до этого муж отказался от аспирантуры, от работы над своей любимой темой, чтобы поступить на хорошо оплачиваемую должность. Это было его жертвой ради семьи - на этом настаивала жена. Но эта жертва оказалась для него непосильной: он чувствовал неодолимое раздражение, испытывал чувство неудовлетворенности новой работой. Разговор с бывшим соучеником был для него отдушиной. Последнее время он стал холоден, равнодушен к ней, и у нее нет чувства надежности: рано или поздно их отношения все равно распадутся, считает она. У него тоже появились сильные сомнения, что они смогут создать хорошую семью. Он считает ее непревзойденной красавицей, а себя недостойным ее: да ведь и она сама неоднократно подчеркивала это...

Но истинная, глубинная причина этого супружеского конфликта обнаружилась при ответах на вопросы, которые я предлагаю разводящимся супругам. Этот перечень вопросов - не столько для получения информации о супружеских отношениях, сколько для того, чтобы навести их на размышления о том, какими могут быть хорошие супружеские отношения. И еще - для осознания своих ошибок. Так, на вопрос: "Какие качества Вы хотели бы видеть в своем муже?" - она ответила: "Хочу, чтобы был настоящим мужчиной". А на вопрос: "Считаете ли вы, что Ваш муж имеет право на свое мнение?" - она ответила: "Нет, он должен соглашаться со мной". На вопрос: "Уважаете ли Вы творческие интересы и склонности мужа?" - она ответила: "Да", но этот ответ был далек от ее реальных поступков.

Моя собеседница - школьная учительница; эта работа, к сожалению, располагает к властному поведению. Но она же предполагает склонность и способность к пониманию и чуткости в отношениях с людьми, не так ли? На это я обратила внимание молодой учительницы, предложив ей отнести к сложившейся ситуации как к педагогической, а не реагировать на нее подобно взбалмошной девчонке. Предложение было принято, и рассерженная гримаса сменилась оживленной заинтересованностью. Своими ответами на вопросы анкеты она обнаружила основное противоречие в своем отношении к мужу: желание видеть в нем настоящего мужчину и свое подавляющее, доминирующее поведение. Она убивает в нем чувство собственного достоинства, не видит его положительных качеств, "воспитывает" в нем рабскую покорность. И то, что это вызывает его отрицательные реакции и противодействие, говорит о мужественной натуре, которая не может проявиться. Чтобы муж был "настоящим мужчиной", нужно самой стать "настоящей женщиной". Это, кстати, поможет ей и в школе. Мне удалось подвести ее к осознанию своей ошибки; напрасно она настояла на отказе мужа от аспирантуры: человек не может быть счастлив, если насильственно лишен творческой работы.

В беседе с мужем я постаралась утвердить его достоинство, необходимость продолжать, насколько возможно, научную работу, не идти на поводу у жены, а "мягко, но твердо" становиться главой семьи. Оба были рады осознанию своих семейных ролей и необходимой линии поведения, особенно она; как выяснилось, ей очень хочется, чтобы в семье было несколько детей, она давно мечтала о материнстве. А для этого нужно быть женщиной в полном смысле слова и видеть в муже твердую опору.

После двух встреч мы расставались радостно. Передо мной были счастливые, красивые, влюбленные люди. Но вдруг лицо моей собеседницы стало тревожно-испуганным: "А что я маме скажу?!" Оказалось, что главным инициатором развода была ее мать. Я предложила "свалить" вину на меня.

Из опыта консультирования разводящихся можно сделать вывод: в большинстве случаев молодые разводятся под сильным влиянием родителей. Гораздо чаще это матери, и прежде всего матери сыновей. В таких случаях психолог испытывает бессилие. Случай, казалось бы, простой, конфликт можно было бы разрешить без особых усилий, если бы за ним не стояла властная воля матери, гипноз ее воздействия на своего "ребенка". Успех этого воздействия предрешен многими слагаемыми. Властная женщина видит в своем "ребенке" собственность и, затаив вражду к своей сопернице, ждет удобного случая, чтобы взять реванш. Удобные случаи не заставляют себя ждать: трудности совместной жизни у молодых неизбежны. Им можно было бы помочь, но властная женщина торжествует, когда у молодых что-то не ладится: "Ну, что я тебе говорила!.." И если раньше ее слова проходили мимо ушей, то теперь они падают на готовую почву и рано или поздно приводят к выводу: "Да, мать была права..." Когда с женой трудно, сыну есть кому пожаловаться, и мать становится его главной опорой и первой советчицей. И советы ее идут, как правило, не в пользу невестки: "Не-умеха, грязнуля, лентяйка... И что ты в ней нашел?"

У властной матери дети обычно пассивны, безвольны, внушаемы. Им трудно преодолевать невзгоды семейной жизни, а еще труднее противостоять внушениям матери, ее разрушающей воле. Да и зачем? Семейная жизнь, особенно после рождения ребенка, совсем не сладкая: бессонные ночи, неухоженность, недовольство жены, ссоры. А дома у матери - покой, забота, сытая, ухоженная жизнь. Любой скандал для оскорбленного главы семьи становится поводом и оправданием для развода. И тогда ни слезы, ни раскаяние жены не могут растопить ожесточившееся сердце, которым теперь владеет воля матери.

Такова метаморфоза "хранительницы семейного очага".

Диалогический вопросник межличностных отношений супругов⁵

В проблемах супружеских отношений может помочь психолог-консультант, но и сами супруги способны осознать причины своих трудностей и конфликтов. Человек может стать психологом в своей личной жизни. Главное понять, что мир в вашем доме зависит от вашего духовного возрастания, от способности видеть в близком человеке его вечное духовное начало: духовное "Я".

Предлагаемый вопросник, возможно, поможет вам в осознании характера ваших отношений.

Для профессионального практического психолога этот вопросник является введением в диалог. Вопросы в нем расположены в порядке постепенного перехода от наличного "Я" к духовному "Я". Это позволит в беседе нащупать "зону ближайшего развития" собеседников и остановиться на обсуждении вопросов, доступных их внутреннему опыту и пониманию, не переходя в "зону недоступности".

"Сверхзадача" такого диалога - помочь супругам переосмыслить свои личные отношения с духовной точки зрения. После явно утвердительных ответов на последние четыре вопроса можно начать диалог, направленный на переосмысление предшествующих ответов и совместную выработку духовных принципов взаимоотношений, изменяющих прежние разрушительные установки и привычки.

Ответы на эти вопросы помогут вам глубже понять характер ваших отношений, явные или потенциальные трудности и возможности их предупреждения и преодоления.

1. Основан ли ваш брак на любви?
2. Основаны ли ваши отношения на привязанности?
3. Господствует ли в ваших отношениях половое влечение?
4. Преобладает ли в ваших чувствах желание любви к себе?
5. Преобладает ли в ваших чувствах любовь к нему (к ней)?
6. Относитесь ли вы к нему (к ней), как к самому себе?
7. Изменилось ли ваше первоначальное отношение к нему (к ней) в сторону ухудшения?
8. Открываете ли вы в нем (в ней) новые достоинства?
9. Вызывают ли ваше недовольство недостатки мужа (жены)?
10. Стремитесь ли вы перевоспитывать его (ее)?
11. Предпочитаете ли вы поощрение порицанию?
12. Преобладают ли в ваших отношениях положительные эмоции над отрицательными?
13. Умеете ли вы предупреждать назревающий конфликт?
14. Способны ли вы погасить конфликт, пожертвовав своим самолюбием?
15. Способны ли вы "не заметить" огрехов мужа (жены) в острой ситуации, чтобы поговорить о них в "добрый час"?
16. Любите ли вы "читать мораль"?
17. Существует ли между вами взаимопонимание?
18. Доверяете ли вы друг другу?
19. Считаете ли вы его (ее) своей собственностью?
20. Верите ли вы в то, что ваш брак - на всю жизнь?
21. Чувствуете ли вы духовную близость?
22. Поддерживаете ли вы творческие интересы и увлечения мужа (жены)?
23. Способствует ли ваш союз духовному развитию каждого из вас?
24. Считаетесь ли вы с индивидуальными особенностями мужа (жены): темпераментом, характером, привычками, воспитанием и т.д.?
25. Есть ли у вас желание "переделать" его (ее) по своему образцу?
26. Думаете ли вы, что знаете его (ее) "насквозь"?
27. Если у вас разные взгляды, предоставляете ли вы мужу (жене) право думать по-своему?
28. Считаете ли вы, что мужчина должен быть главой семьи?

29. Согласны ли вы с тем, что главное призвание женщины - материчество?
30. Способны ли вы сохранять душевный мир и спокойствие, когда ваша "половина" теряет их?
31. Предпочитаете ли вы воспитывать мужа (жену) или исправлять свои недостатки?
32. Способны ли вы принимать близкого человека таким, каков он есть?
33. Переживаете ли вы его (ее) радость и горе, как свои собственные?
34. Чувствуете ли вы себя со своей "половиной" единым целым?
35. Говорят ли ваш душевный опыт о том, что мир в семье зависит от вашего внутреннего мира?
36. Доверяете ли вы голосу совести, подсказывающей вам, хорошо или плохо вы поступили в той или иной ситуации?
37. Знакомо ли вам чувство раскаяния в своем отношении к родному или близкому человеку после его кончины?
38. Возникало ли у вас чувство, что только теперь вы знаете, какое сокровище потеряли в лице этого человека?
39. Осознаете ли вы, как мелочны и ничтожны супружеские неурядицы перед лицом вечности?
40. Понятно ли вашему уму и сердцу, что за внешними временными проявлениями человека скрывается его вечный духовный лик?

*Тогда сбылось реченное через пророка Иеремию, который говорит:
глас в Раме слышен, плач и рыданье и вопль великий;
Рахиль плачет о детях своих, и не хочет утешиться; ибо их нет.*

Мф. 2,17-18.

Продолжение рода

Если спросить женщину, идущую на аборт: "Убили бы вы своего новорожденного ребенка?", она с возмущением ответит, что, конечно же, нет. Почему же она убивает своего ребенка еще не рожденного? На этот вопрос она ответит с еще большим возмущением, что это вовсе не убийство, потому что это "еще не человек", кроме того, раз закон это разрешает, значит, это не убийство. Далее может развернуться длинная цепь общеизвестных аргументов в пользу абORTA, его оправдание и даже возведение в добродетель.

АбORTы в нашей стране стали настолько массовым и общепринятым явлением, что вопрос: "Имеем ли мы право уничтожать уже зародившуюся человеческую жизнь?" - глас вопиющего в пустыне.

Чем отличается еще не рожденный ребенок от новорожденного? О новорожденном также можно сказать: "Еще не человек". Окажись он в волчьей стае, из него вырастят животное. Новорожденный - лишь возможный потенциальный человек, как и зародыш в утробе матери. Разница в том, что он отделен от нее и мать его видит перед собой.

Новорожденному предстоит еще долгий путь через младенчество, детство... Но когда же можно с уверенностью сказать о себе: "Я уже - человек!"? Что касается меня - нет, еще не могу: я все еще становлюсь человеком, и это становлением не прекратится, пока я живу. Возможный, потенциальный человек, которого я в себе предчувствую, так непостижимо велик, что в свои преклонные годы я вижу себя его зародышем. Ощущая в себе эту глубокую тайну, невозможно с легкостью распоряжаться своей и другой жизнью, как бы тяжка и "бесполезна" она ни была. Это чувство живет в нас. Оно проявляется в том, что мы не убиваем безнадежно больных, умирающих людей, не убиваем калек, уродов, психических больных. И закон это запрещает. Тогда как абORT - уничтожение жизни, набирающей силу, полной неведомых возможностей, ожидающих лишь своего часа. И закон это разрешил. И совершают это люди в белых халатах, давшие клятву Гиппократа не убивать зачатого человека и не давать абORTивных средств.

В некоторых странах возраст человека определяется не с момента рождения, а с зачатия ребенка. На Руси почитание таинства зачатия выразилось в строительстве Зачатьевских храмов и в празднованиях зачатия Праведной Анной Марии и праведной Елизаветой Иоанна Предтечи. Духовная

интуиция народа свидетельствует этим, что возрастание человека начинается с его зачатия и жизнь в утробе матери - его первый возраст.

Матери знают, и это закреплено в народных поверьях и обычаях, что во время беременности следует быть в добром расположении духа, хранить себя от дурных впечатлений и переживаний, чтобы они не повлияли на ребенка. Через мать ребенок общается с миром, усваивает первые впечатления. Они, конечно, еще не сознательны, но и у новорожденного еще нет сознания, да и у взрослого не вся психика сознательна. Значит, зародившийся человек может быть предметом изучения не только биологии, медицины и физиологии, он нуждается в психологическом понимании и педагогической заботе, как и новорожденный младенец.

Многие женщины чувствуют, что аборт - это убийство, но не многие признаются себе в этом. По рассказам одного хирурга-онколога, перед операциями, когда женщины не знали, выживут ли, они начинали исповедовать ему, человеку не верующему, свою жизнь и спрашивали: не является ли их болезнь наказанием за abortion?⁶

Сколько матерей жалуются на своих детей: выгоняют, пьют, избивают... Одна женщина сказала: "Хороших-то деток поубивали, а плохие-то остались - вот и мучимся".

Может быть, плохие-то остались потому, что сами мы таковы: принесли собственных детей в жертву себялюбию, чтобы "пожить для себя", своим эгоизмом породили эгоизм единственного ребенка - свое наказание.

Консультируя разводящихся, я вижу, как распадаются семьи от нежелания иметь детей и от неспособности рожать после абортов. Раскаяние приходит, когда "гром грянул": женщина с болью осознает свое несостоявшееся материнское призвание, с завистью смотрит на чужих детей, видит во сне своего нарождённого ребенка. Эта очевидная связь прочности семьи с рождаемостью подтверждается статистикой: в странах, где высока рождаемость, редки или почти отсутствуют разводы. Это закономерно, ведь главная задача семьи - воспроизводство жизни, не только физическое, но и духовное. Не выполняя эту задачу, семья легко распадается. И распадается вместе с семьей личность человека.

Швейцарский психолог К.Г. Юнг писал, что причиной душевных расстройств и заболеваний является "блокирование психической энергии", это происходит, когда человек, уходя от трудностей, не осуществляет свое жизненное призвание.

Жизненное призвание женщины - материнство. Женщина прежде всего мать. Не выполняя свое призвание, она становится душевно ущемленной, неполноценной. Снижение социальной роли материнства уродует женщину, калечит ей душу. Мать - источник любви. Ее любовь - тот огонь семейного очага, который создает жизнь. Но может ли любить женщина, убивающая своих еще не родившихся детей? А там, где нет любви, начинает господствовать секс: средство продолжения жизни превращается в самоцель, перестает служить своему назначению. Это извращение жизненных ценностей ведет к роковым последствиям: если смыслом жизни становятся удовольствия, вполне закономерно, что матери бросают детей в родильных домах, убивают еще не рожденных.

От нравственного состояния женщины зависит жизнь общества. Проблемы воспитания детей и подростков, преступность несовершеннолетних, проституция, алкоголизм, наркомания и многие тяжелые проблемы нашего общества глубоко связаны с нравственным, духовным состоянием женщины-матери.

Пока душа жива, она открыта для мук совести. Только у мертвого ничего не болит. Лучше не заглушать в себе голос совести, не успокаивать ее дозволенностью преступления, его массовостью, вынужденностью из-за объективных обстоятельств. Убивая зародившегося в тебе человека, лучше не делать вид, что это для пользы человечества или своего любимого ребенка: цель не оправдывает средства - это азбука этики.

Альберт Швейцер видел основу этики в благоговении перед жизнью. Благоговение должна вызывать жизнь всякого существа, потому что жизнь - это тайна, она священна. Все, что знает наука о жизни, - лишь капля в море непознанного. Управлять жизнью человек не может, она ему не подвластна. Человек не может сотворить жизнь, не может остановить смерть. А управлять наука может лишь тем, что она способна создать.

Человеку дано лишь воспроизвести жизнь, имитировать ее; создать же он способен лишь свое механическое подобие - робота.

Представим себе, что роботы со своими механическими "мозгами" взялись управлять жизнью человека... Подобно этому и человек, распоряжаясь жизнью по своему ограниченному и оттого самоуверенному рассудку (увы, не разуму!), способен лишь разрушить ее. Плоды такого "просвещенного" рассуждка мы пожинаем сегодня, находясь на грани демографической катастрофы.

Самоуправство воспроизведением человеческой жизни может повлечь за собой вымирание народов и всего человечества.

Вот что писал об упадке Греции историк Полибий: "В наше время по всей Греции господствует бездетность и малолюдство, города опустели, настали неурожаи, хотя нет постоянных войн и эпидемий. Причина этого ясна, и средство к ее устраниению в нашей власти: люди впали в тщеславие, не желают вступать в брак, а если и вступают, то не хотят воспитывать детей, с трудом разве одного или двоих, ради того, чтобы оставить им богатство и воспитать в роскоши. И вот зло незаметно быстро выросло".

Но у нас это не от хорошей жизни!.. И социологи пишут, что многодетные семьи находятся на грани нищеты, дети в них чувствуют себя ущербными рядом с обеспеченными сверстниками и т.п. Демографы вычисляют, что для простого воспроизведения населения хорошо иметь троих детей в семье; однако сегодня общество не в состоянии обеспечить многодетных матерей. Многодетные семьи в лучшем случае вызывают соболезнование, а нередко - осуждающее и враждебное отношение.

...После лекции о семье ко мне подошла молодая женщина и рассказала, что сотрудницы ресторана, где она работает, враждебно относятся к ней за то, что у нее пятеро детей, называют ее "самкой". Откуда эта враждебность? Нет ли за ней зависти, ущемленного чувства несостоявшегося материнского признания? Может быть, это осуждение - оборотная сторона самооправданий этих женщин? Подобные мотивы могут лежать и в формировании отрицательного общественного мнения о многодетной семье.

Заметим, что основные аргументы против многодетности - экономического характера. Этические соображения при этом практически отсутствуют; по-видимому, подразумевается, что материальное благосостояние превыше всего, оно должно быть главным критерием жизни и поведения человека. Но согласно такой "экономической этике", вполне логично лишать жизни не только не родившихся детей, но и калек, безнадежно больных, умственно отсталых - всех, кто экономически бесполезен. В обществе, где материальные ценности превалируют над духовными и нравственными, бессмысленно говорить о духовности и нравственности. Когда средства к жизни становятся самоцелью и главной ценностью самой жизни, неизбежен распад как личности, так и общества с его экономикой, что мы сегодня и наблюдаем.

"А что если все дети будут рождаться на свет? Где взять средства, жилплощадь и т.п.?" В ответ можно спросить: "А что было бы, если бы страна наша была многолюдной, если бы деревни не пустовали, не было бы дефицита рабочей силы и нехватки материальных благ?" Кто может ответить на все эти вопросы? Я не берусь и не знаю человека, способного решить все возникающие здесь проблемы. Жизнь мудрее нас. Рассудок же лукав, он способен заглушить голос совести и убить жизнь. Благоговение перед жизнью сделало бы нас разумнее и мудрее.

Проблема абортов обсуждается во всем мире, и ответы на нее даются разные.

В Италии был проведен опрос общественного мнения, результаты которого опубликовали во всех газетах. Как ни парадоксально, католический юг высказался в пользу абортов, а север, менее религиозный, - против. Когда были опубликованы результаты опроса, произошло событие, приковавшее к себе внимание итальянцев. Маленький мальчик провалился в шахту, вырытую еще во времена Древнего Рима для добычи воды. Несколько дней пролежал он там, пока не услышали его плач. Обессиленный ребенок не мог даже ухватиться за протянутую ему веревку, не мог брать еду, которую ему опускали. Как достать ребенка, оказавшегося на глубине 15 метров в узкой шахте? Были приняты самые решительные меры. Специалисты из Германии начали бурить шахту, параллельную той, в которую упал ребенок, чтобы снизу сделать к нему ход. Все это время ребенка подбадривали, поддерживали, как могли: провели свет, рассказывали ему сказки, сам президент пытался развлекать мальчика. Наконец, прорыли ход к мальчику, а он провалился еще на 20 метров. Нашелся спелеолог, согласившийся пройти по шахте вниз головой; он дополз до ребенка и пытался его взять, но тщетно: каждый раз тело ребенка выскользывало у него из рук. Так и умер ребенок во чреве Матери-земли.

С точки зрения рассудка - просто несчастный случай. Но духовно чуткие итальянцы иначе восприняли это событие: смерть ребенка в утробе Матери-земли стала для них символом преступности абортов.

Нельзя обходить молчанием эту кровоточащую рану современной семьи.

Все сказанное, несомненно, вызовет бурю возмущения и протesta. Но консультирующему психологу это знакомо: так бывает всегда, когда затрагивается "больное место" собеседника. Это естественно и свидетельствует о продвижении в диалоге.

Остается признать, что современная семья перестает выполнять свое главное призвание - продолжение жизни на Земле, воспроизведение человека - телесное и духовное. Вместо того чтобы быть очагом любви, согревающей и питающей души, она становится очагом вражды и убийства нерожденных детей. Семья не может держаться на сексуальной привязанности. Это - союз духовный.

Венчание

Николай и Людмила переступили порог сельского храма. Они пришли сюда не мимоходом. Еще в прошлом году несколько раз приезжали они из дальней деревни, чтобы венчаться, но двери храма были заперты, не было священника. Храмы открывают один за другим, а священников не хватает. Но сегодня в храме шла служба; у свечного ящика их приветливо встретила голубоглазая женщина, все объяснила и просила ждать окончания Литургии - так называлась эта служба. Народу в Храме было немного, но все дружно пели "Верую" и "Отче наш". Николай и Людмила не знали даже этих молитв, и все происходящее в храме было им непонятно. Но на душебыло тепло, и они чувствовали себя как дети, вернувшиеся в забытый отчий дом.

Повенчаться им хорошо было бы до свадьбы, как положено, но тогда это было не так-то просто: могли и с работы уволить. Надо было иметь крепкую веру, чтобы крестить детей и ходить в церковь, не боясь лишений и пересудов. А теперь - вход свободен. Но годы советской власти сделали свое дело: ногами-то люди ходят в церковь, да двери сознания наглухо закрыты; школа и весь уклад жизни поработали основательно, чтобы отлучить от церкви. Кто живет сердцем, тому проще, а кто умом живет, тому ох как трудно пробиваться сквозь барьеры "научного мировоззрения".

Они пришли просто, чтобы жить лучше. Старые люди говорят, что, повенчавшись, муж и жена и после смерти будут вместе. О разводе тут и думать нечего! Кругом посмотришь - столько горя: пьянство, скандалы, брошенные дети... А по телевизору - один разврат. Какая тут семья! Надо же людски жить, порядочно, честно. И чтобы дети хорошую жизнь видели и жили ладно. Крестить их надо, так будет спокойнее; не зря же говорят: "все под Богом ходим". И в жизни все складывается как-то не случайно, будто кто ведет тебя и устраивает, как лучше. Может быть, это и есть Бог?..

Молодой, красивый батюшка стал их спрашивать: как их имена, почему пришли венчаться, читали ли Евангелие? Они могли уверенно сказать только свои имена. Евангелие не читали и не могли толком ответить на вопрос, почему пришли венчаться. Но батюшка был добрый и просто объяснил им, что не понятно. Он сказал, что у Бога есть имя: Его зовут Троица - Отец, Сын и Святой Дух; Трое едины, потому что Бог - Любовь. Так и семья, состоящая из мужа, жены и детей, по образу Бога Троицы, должна быть единственным существом. Бог невидим, но Он есть начало всего. Так и душа невидима, но без нее тело умирает. Мы же не сомневаемся в том, что в нас есть воля, разум и любовь, хотя их не видим. Мы знаем их по действию в душе и в поступках, мы чувствуем любовь близкого человека. Так и с невидимым Богом мы можем общаться: откликаться на Его любовь, благодарить, просить Его и, главное, любить Бога как своего Отца, доверять Ему, слушаться, жить и трудиться ради Него. Ведь Он так нас любит, что для спасения нашего послал на землю Своего Сына - Иисуса Христа. Сын Божий взял на себя грехи всех людей, чтобы избавить их от власти сатаны, который со своими слугами сеет зло в душах и губит их. Если бы Христос не спас нас Своей Крестной смертью, мы умирали бы навечно. Но Он воскрес, значит, всякий, верующий в Него, тоже будет жить после смерти, жить вечно! Вот что значит для нас Воскресение Христово. Христианин не боится смерти, потому что она для него - переход в жизнь вечную. Но надо и жить по-христиански, любить, как Христос нас любит, надо брать на себя трудности друг друга, не бояться страданий, которые нам даются: нести свой крест. Без креста нет

христианина, крест - путь в жизнь вечную. Так и трудности семейной жизни надо нести с радостью и все терпеть, прощать друг другу, как Господь нам прощает, как Он несет наши грехи и искупает их Своими страданиями. Вот что значит быть христианином в семье.

Так батюшка побеседовал с ними, а потом дал каждому в руку зажженные свечи и начал бракосочетание. Они, как дети, послушно выполняли все, что требовалось. Сама непонятность происходящего вызывала в душе какое-то чувство волнения и приподнятости: совершалось нечто таинственное, каждое действие и слово заключало в себе скрытый смысл. Вот священник выносит из алтаря два красивых царских венца. Крестообразно благословляет им Николая и дает ему целовать образ Спасителя на передней части венца: "Венчается раб Божий Николай рабе Божией Людмиле во имя Отца и Сына и Святого Духа". Потом он так же благословляет Людмилу, и она целует образ Богородицы, украшающий ее венец: "Венчается раба Божия Людмила рабу Божию Николаю во имя Отца и Сына и Святого Духа". Затем священник трижды произносит молитву: "Господи Боже наш, славою и честию венчай я (их)" и трижды осеняет их крестным знамением.

Стоя перед алтарем в царских венцах и слушая эти слова, они чувствуют таинственную глубину, серьезность и ответственность этого момента: они стоят не только друг перед другом, но перед Богом, слитые воедино...

Простое и открытое сердце воспринимает духовную благодать, не сравнимую с обычными душевными радостями. Посещая душу, благодать делает ее светлой, легкой и благодарной, светится в лицах, глазах повенчавшихся. Теперь Николай и Людмила уже не только верят, но на собственном опыте знают, что брак - это таинство, открывающее им путь духовного единения в Боге, таинство, дарующее покровительство и помощь Бога. Брак для них - не временная связь, а вечный союз: и после смерти они будут вместе. Их временная жизнь теперь освящена светом вечности. Путь к ней открыт. Но пойдут ли они этим путем - зависит от них.

Брак - одно из семи таинств Православной Церкви. Чтобы понять духовный смысл христианского брака, обратимся к чи-нопоследованию этого таинства.

Венчанию предшествует обручение. Жених и невеста входят в середину храма, держа в руках зажженные свечи. Огонь свечи символизирует свет духовный. Священник вопрошает жениха и невесту о том, по доброй ли воле они вступают в брак. Добровольность - непременное условие брака. Венчающих священник спрашивает, не связаны ли они обещанием другому (другой)? Смысл этого вопроса в том, что нормой христианского брака является целомудрие жениха и невесты. Обручение подразумевает обет верности друг другу. Существует обычай в некоторых юго-западных епархиях давать присягу верности друг другу. Символом вечности супружеского союза являются кольца, которые священник надевает на руки жениха и невесты. Круг - символ вечности и неразрывности. Золото кольца символизирует свет солнца и царственное достоинство человека. Кольца эти освящаются священником в алтаре и таким образом из простых вещей преобразуются в священные предметы. Во время обручения священник совершает троекратный обмен кольцами жениха и невесты: это символизирует взаимное отданье их друг другу, единодушие, полное согласие.

Обряд обручения закрепляет естественный союз брачующихся на основе их добровольного решения. Венчание - это освящение супружества Божественной благодатью. Оно начинается возгласом священника, каким начинается Божественная Литургия: "Благословлено Царство Отца и Сына и Святого Духа..." Этим провозглашается сопричастность брачующихся Царству Божиему. В молитвах, читаемых священником, вспоминается о тайне создания Евы из ребра Адама. Муж и жена были изначально единой плотью, их союз неразделен. Брачный союз благословлен Богом в Раю, и после грехопадения человека это благословение восстановлено искупительной Жертвой Спасителя.

В своих молитвах священник испрашивает у Бога дарование брачующимся чадородия и "благодати в чадах" - это назначение христианского брака. Им испрашивается единодушие, долголетие, целомудрие, взаимная любовь, обилие благ земных и венец, неувядаемый на небесах.

Главный момент таинства - увенчание брачующихся: благословение каждого священным венцом и возложение его на главы жениха и невесты со словами: "Венчается раб Божий (имярек) рабе Божией (имярек) во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь". Трижды произносит священник тайносовершительные слова, благословляя крестным знамением жениха и невесту: "Господи, Боже наш, славою и честию венчай я (их)". В "Настольной книге священнослужителя" смысл таинства брака раскрывается так: "Прежде всего этими словами и увенчанием глав их провозглашается честь и слава

человеку как царю творения. Каждая христианская семья - это, безусловно, малая церковь. Сейчас ей открывается путь в Царство Божие. Эта возможность может быть упущена, но сейчас, здесь - она есть. На всю последующую жизнь, долгую и многотрудную, полную искушений, они становятся друг для друга в самом реальном смысле - царем и царицей - в этом высший смысл венцов на главах их".

Второй смысл - увенчание венцами мученическими: "Супружество, которое не распинает постоянно свой собственный эгоизм и самодостаточность, которое не "умерщвляет себя с тем, чтобы указывать на Того, Кто превыше всего земного, нельзя назвать христианским".

И третье назначение - это венцы Царствия Божия. "В супружестве Божие присутствие подает радостную надежду, что брачный обет сохранится не до тех пор, "пока смерть разлучит", но покуда смерть не соединит нас окончательно, после всеобщего Воскресения - в Царствии Небесном". Снимая с головы жениха и невесты венцы, священник произносит: "Восприими венцы их в Царствии Твоем". Полнота любви - только в Боге; где царствует Бог - там совершаются любовь.

Как и во время Литургии, во время венчания читается Апостольское послание и Евангелие. В послании Апостола Павла говорится о взаимной любви и послушании жены мужу. Многих смущают слова: "А жена да боится своего мужа". Союз мужа и жены уподобляется союзу Христа и Церкви: муж является главой семьи, а глава мужу - Христос, и муж также должен испытывать страх Божий. Это - страх любви: страшно нарушить единение любви, разрушить священный союз, страшно огорчить, опечалить любящего.

Евангелие от Иоанна, читаемое священником, повествует о чуде претворения воды в вино на браке в Кане Галилейской. Это - первое чудо, совершенное Христом по просьбе Его Матери. Оно знаменует тайну благодатного преображения земной любви в союз духовный. В этом и состоит смысл таинства брака.

По словам епископа Феофана Затворника, в христианском браке "любовь очищается, возвышается, укрепляется, одухотворяется. В помощь человеческой немощи благодать Божия подает силы к постепенному достижению такого идеального союза".

Брак призван духовно преобразить плоть человека. Это и прообраз таинства Евхаристии - брачного пира всей Церкви. В таинстве Святого Причастия брачующиеся становятся причастниками (частью, клеточкой) Тела Христова.

Духовное единство венчающихся символизируется чашей вина, которой они трижды обмениваются, испивая ее до дна. Вечность их духовного союза выражается троекратным обхождением вокруг аналоя, на котором лежит Евангелие, вслед за священником с горящими свечами в руках. Оно сопровождается ликующими песнопениями, призывающими пророка Исаию и святых мучеников. Пророк Исаия предсказал рождение Бога от Девы Марии, и вот теперь повенчанная пара приняла благодать Святого Духа: Слово Божие воплотилось в ней, двое стали "одной плотью"¹. Знаменательно и обращение к святым мученикам: супружество - это подвиг самоотречения, несения креста жизненных трудностей и испытаний.

Так высоко духовное призвание брачующихся в таинстве брака.

В чинопоследовании обручения и венчания заключены основные нормы христианского брака.

- Брак совершается свободным избранием вступающих в него.
- Он является пожизненным союзом мужа и жены.
- Супруги должны хранить взаимную верность.
- Продолжение рода - священная задача брачующихся.
- Семья -- малая церковь, главой которой является муж.

Эти основы христианского брака были

и остаются залогом прочности семьи. Без них семья лишается жизненных корней. То, что мы видим в наличии современной семьи, явно расходится с ее духовным призванием.

Кризис современной семьи и сопутствующий ему демографический кризис являются "доказательствами от противного" христианских основ брака.

¹ Люди религиозные предпочитают обращаться за помощью к священнику, "духовному отцу", "старцу".

2 Хам - персонаж Библии

3 В крестьянском обиходе не было, разумеется, таких терминов, как "сексуальная революция", "сексуальная свобода", их синонимом служит короткое и точное слово "бесстыдство".

4 Из беседы студентов на семинаре о семье: студент из Индии рассказывает о том, что жених и невеста до свадьбы не знакомы. Русская студентка: "А любовь?!" Ответ: "У вас любовь до свадьбы, у нас - после свадьбы".

5 В отличие от диагностических вопросников, диалогический вопросник служит введением в диалог и принципиально не формализуем.

6 Медицинская статистика говорит о том, что в тех странах и в тех регионах нашей страны, где рождаемость низка в результате предупреждения и прекращения беременности, у женщин резко возрастает раковая заболеваемость органов, связанных с продолжением рода.

7 Климент Римский во Втором послании написал о том, что Иисус Христос на вопрос, когда придет Его Царство, ответил: "Когда будет два - одним, а наружное как внутреннее, и мужское вместе с женским - не мужским и не женским".

ПЕДАГОГИКА ДОВЕРИЯ

Внутренний мир ребенка

"Внутренний мир ребенка" - эти слова нередко воспринимаются как нечто туманное. А он может оказаться вполне наглядным.

.. В старшей группе детского сада дети рисуют на тему "Моя семья". Тема у всех одна, а рисунки разные. Витя нарисовал сначала маму, потом папу и себя в парке на каруселях: светит солнышко, плывут лодки - веселый, красочный рисунок. Аня так изобразила свою семью: стоит девочка на столе и кричит: "Мама!" А Миша нарисовал телевизор, старательно прорисовал антенну и провода, потом изобразил себя в кресле. "А где же мама с папой?" - "Они на кухне".

Витю родители любят, к его воспитанию относятся серьезно, ребенок у них на первом месте. У Ани мама - научный работник; она, конечно, любит свою единственную дочку, занимается с ней, но признает, что у нее на первом месте - наука, а у папы - хобби. Мишу дома балуют, все ему позволяют, но на вопрос, кого он любит, мальчик ответил: "Рыцарский турнир".

Мир ребенка, как на экране, отражен в его рисунках. Можно увидеть его и в такой игре: найдите детскую книжку, которую вы еще не читали ему, с картинками, живо изображающими взаимоотношения между взрослыми и детьми, предложите ребенку придумать рассказ к каждой картинке. В результате вы узнаете много интересного о себе, о своем отношении к близким и, главное, к своему ребенку.

В нашем распоряжении были не только иллюстрации детских книг, но и специально подобранные картинки с изображениями ситуаций и настроений неопределенного характера. Вот мальчик сидит за столом, перед ним - скрипка, лицо у него не то задумчивое, не то грустное, не то сонное - кому как увидится. Мы с Мариной Макеевой предложили детям 5-6 лет девять таких картинок с различными сюжетами и просили ребят придумать рассказ на каждую картинку. Большинство охотно приняло игру. По их рассказам нетрудно было составить представление о том, есть ли мир в семье. Вот рассказы детей о мальчике со скрипкой.

Дима: "Мальчик думает, как на скрипке играть. Ему только дали скрипку, он еще не знает, как на ней играть. Дали в школе учиться на скрипке играть..." Марина: "А почему он один?" - "Ну, это художник так рисует, а на самом деле не один: с папой, с другими ребятами, с учительницей. А у других ребят тоже скрипки, тоже разные инструменты..."

Кеша: "Мальчику надоело, все на него ругаются, потому что, когда ест, он не убирает... Потому что ему не хочется, а хочется, чтобы убирали за ним".

Лиза: "Грустный... Потому что мама с папой никогда не возвращаются. Они у бабушки... Потому что бабушка старенькая, А мальчик больной. Вернутся, когда поздно будет".

В одной и той же картинке ребенок видит свое. И это свое находит он в самых различных картинках: сквозь их восприятие проходит нередко одно и то же настроение, одна тема. Так, У Наташи главная тема - мальчик, который не хочет учить уроки; ему хочется поиграть, а все - и взрослые, и сверстники - укоряют его за то, что он не хочет учиться. Старший брат Наташи - в третьем классе. По ее рассказам, брату часто достается за плохие отметки, а она его жалеет. По-видимому, эта ситуация глубоко травмирует ее.

В рассказах Володи постоянно повторяется одно настроение: "грустно...". Других состояний действующих лиц он не воспринимает, да и внешняя ситуация изображения ускользает от его внимания. Складывается впечатление, что мальчик действительно не видит изображенных ситуаций, за исключением тех, о которых можно сказать: грустно. У его родителей очень трудные взаимоотношения, и мальчик вырос в этой обстановке, не ведая мира и радости в семье. У детей из дружных семей рассказы жизнерадостны, в них много сочувствия действующим лицам, рассказы их отличаются развернутостью повествования, верностью психологических характеристик, отсутствием субъективных искажений. Дети из явно неблагополучных семей (чаще всего в связи с алкоголизмом отца) дают невыразительные, односложные рассказы, описывая лишь внешние стороны изображаемого и те переживания, которые ближе им самим - тягостные, грустные, тревожные.

Но наиболее интересны исключения из этого правила. У Веры в семье трудно: отец девочки пьет и в ее присутствии бьет мать. Тогда Вера была на его стороне и говорила: "Бей, бей ее!" (По рассказам матери, раньше она и сама била дочку.) Теперь мать вспоминает о своем отношении к ребенку со слезами раскаяния. Девочка стала ее единственным утешением и помощницей, она заступается за мать и старается ее чем-нибудь порадовать. Положение в семье тяжкое, а рассказы у Веры жизнерадостные, в них все меняется к лучшему. Даже о сердитом мужчине, схватившем кота за шиворот, она сказала: "Сначала был злой, а потом стал хороший". В ее рассказах много сочувствия, желания помочь. На вопрос, что она больше всего любит делать, шестилетняя девочка ответила убежденно: "Помогать!" У детей из "благополучных" семей, но лишенных настоящей любви родителей, нередки черствость, эгоистичность, равнодушие к людям. А у этой девочки, пережившей немало трудностей и душевных ран, столько чуткости, доброты, веры в людей! Любовь и сострадание к матери питают ее душу, делают ее сильной, способной противостоять жизненным трудностям и преодолевать их. Но это стало возможным лишь после того, как жестокость матери сменилась любовью. Она-то и пробудила в душе девочки силы, способные противостоять окружающей ее грубости и жестокости. Это уже признаки духовной жизни ребенка. Она невозможна без любви.

В психологии есть понятие "дефицит любви". Наблюдения и исследования показывают, к каким тяжким последствиям в душевном развитии ребенка приводит этот дефицит.

Вот рассказы детей из детского дома, где воспитываются ребятишки, родители которых лишены родительских прав.

У Люды в пяти рассказах выражена только одна тема: "Оставили". Люди или плачут, или не плачут. У Риты к этому добавляется постоянное чувство обиды. У многих детей сильно выражены чувство тревоги, боязнь темноты, волка, Бабы Яги, страх смерти. У некоторых не по возрасту обострена чувствительность к взаимоотношениям мужчины и женщины, к их конфликтам: "Тут тетя плачет, потому что пapa ушел к себе... Потому что он разозлился... Это мама". "Тут пapa и мама. Мама ходит, а дядя стоит. Ругаются... Потому что они злые. Злые!" Вспомним, что подобные же настроения мы видели в рассказах детсадовских детей из трудных семей.

Дети воспринимают мир отношений в узком диапазоне минорных настроений: грусти, обиды, враждебности и страха. Они искаженно воспринимают и реальные отношения между людьми, хотя нередко проявляют большую тонкость чувств и наблюдательность. У детей из детского сада, растущих в хороших семьях, такого искажения восприятия не видно. Можно сделать предположение, что оно является следствием душевных травм, пережитых ребенком.

Болезненный опыт семейных отношений отягощает внутренний мир ребенка, создает постоянное внутреннее напряжение. Восприятие их фокусируется на травмирующих переживаниях (когда у нас что-то болит, мы думаем об этом, а при сильной боли все воспринимается сквозь эту призму). Так восприятие мира становится суженным, односторонним и искаженным.

Мир представляется ребенку сообразно его опыту общения в людьми, близкими ему. Чем труднее и болезненнее этот опыт, тем сильнее печать душевных травм на его впечатлениях. Мир воспринимается тогда как опасный, угрожающий, враждебный.

...На картинке из детской книжки изображен паровоз, за которым бежит мальчик, стараясь догнать его. Несколько детей из детского дома сказали, что паровоз хочет задавить мальчика. В детском саду таких ответов не было.

...На другой картинке солнышко во весь рот смеется над мальчиком, грозящим ему; у ног мальчика осколки. Надя из детского дома сказала: "Солнышко не смеется, оно злится". А другая девочка придумала рассказ о разбитом солнце.

Душевые травмы закрывают от ребенка свет и красоту мира. Даже радостные события преломляются сквозь призму тяжкого опыта прошлого и не доходят до сердца его.

Научное объяснение этому дал академик А. Ухтомский в уже упоминавшемся ранее понятии "доминанты". Доминанта - это господствующий в нервной системе или психике очаг возбуждения, который втягивает в свое русло все внешние воздействия. Он писал: "В порядке самонаблюдения мы можем заметить каждый на себе, что, когда эта господствующая направленность есть, обостряется чисто звериная чувствительность и наблюдательность в одну сторону и как бы невосприимчивость к другим сторонам той же среды. В этом смысле доминанта не только физиологическая предпосылка поведения, но физиологическая предпосылка наблюдения". И далее: "Вместе с тем она - вылавливание из окружающего мира по преимуществу только того, что ее подтверждает... А это уже само по себе и переделка действительности". Если в душе ребенка преобладают тяжкие впечатления, его доминанта "переделывает действительность", болезненно искажая ее. Это, по мысли Ухтомского, является предпосылкой эгоцентризма, "доминанты на себе".

Если ребенку недостает любви, его душа, подобно растению в темноте, чахнет и увядает. Возникают так называемые "психические отклонения", трудности характера и дефекты личности, вплоть до душевых заболеваний.

Детский эгоцентризм не является врожденным, как полагают многие психологи. Мы видим, что он присущ детям, лишенным любви родителей и пережившим душевые травмы. Это - не норма, изначально присущая человеку, а болезнь, изъян душевного развития.

Эгоцентризм следует отличать от эгоизма. Обычно эгоизм связывают с избалованностью детей. Но дело не только в этом. "Балуя" своих детей, родители, в сущности, недостаточно их любят. Приятно доставить ребенку удовольствие, выполнив его желание или каприз, неприятно наказывать его, проявлять к нему строгость и требовательность. Выходит, что "баловство" детей выражает стремление взрослых к приятным эмоциям и уход от трудностей. Но любовь - это не приятная эмоция. Она предполагает заботу, ответственность, разумность в отношениях с ребенком. Она неотделима от строгости, требовательности и настойчивости в его воспитании. "Балуя" детей, родители, в сущности, не пекутся о душевном и духовном развитии ребенка. Он привыкает к безотказному удовлетворению желаний, и впоследствии для него становится нормой жизни их неограниченное сиюминутное удовлетворение; ребенок не считается со средствами и путями достижения своих желаний, с окружающими его людьми, их нуждами и желаниями. Эгоизм - это укоренившаяся привычка жить прежде всего для себя. Он связан с избалованностью и проявляется в отсутствии любви к людям.

Эгоцентризм, как мы уже говорили, другого происхождения, и психологические характеристики его иные. Он выражается в искаженном и суженном восприятии мира, человеческих отношений и переживаний. Эгоцентричные дети воспринимают мир в узком диапазоне своих отрицательных, болезненных переживаний. Степени эгоцентризма возрастают от простой невосприимчивости к тому, что выходит за рамки болезненных переживаний ребенка, до искажения восприятий по типу Двойника - проекции на другого своих собственных состояний. Это не избалованные дети напротив, они зачастую лишены элементарной заботы и внимания. Причина их душевного состояния в доминировании отрицательных переживаний, связанных с отношением к ним взрослых.

Мир в семье и внутренний мир ребенка связаны неразрывно. Но верно ли считать, что душевное и духовное развитие ребенка полностью зависит от условий его воспитания, что оно "детерминировано", как говорят многие психологи и педагоги, условиями окружающей его среды? От

ответа на этот вопрос зависит и решение следующего: можно ли сформировать личность человека по заданному образцу, "запрограммировать" развитие личности?

Вспомним Веру, которая выросла в очень трудной семье, но любовь и сострадание к матери пробудили в ее душе силы, способные противостоять "окружающей среде" с ее грубостью и жестокостью. Здесь важно обратить внимание на то, что в душе ребенка скрыты неведомые силы, и они могут быть разбужены. Душа ребенка не просто экран, отражающий внешние воздействия. Становление личности начинается с этого противостояния среде и преодоления трудностей.

Разумен ли эгоизм?

"Пусть моя Катяка растет эгоисткой, лишь бы она была счастливым человеком", - услышала я однажды от одной милой женщины. Она искренне хотела счастья своему ребенку - именно своему. Эгоистичный человек едва ли способен увеличить счастье других, в том числе и близких. Так что в пожелании молодой мамы было и нечто самоотверженное. При этом она не сомневалась, что эгоизм и счастье - совместимы; более того, для счастья просто необходимо жить для себя, уметь отстаивать в жизни свои интересы наперекор другим. Для доказательства своей точки зрения она ссылается на теорию "разумного эгоизма" Н. Чернышевского, которую "проходила" в школе. Правда, в памяти у нее осталось очень мало, да и то, что осталось, трансформировалось на свой манер: эгоизм - разумен, а "жертва - сапоги всмятку".

Немало еще людей добиваются успеха за счет других и притом стремятся обосновать разумность своей жизненной линии. Кое-кто сошлеется и на авторитетные мнения: одни на теорию "разумного эгоизма" Чернышевского, другие на относительность добра и зла в разнообразных интерпретациях - от Мефистофеля до Великого Инквизитора и Воланда. Всем хочется подвести базу под свое эгоистическое поведение, чтобы считать его справедливым и разумным, даже упомянутым литературным персонажам.

Как заметил поэт:

Зло без добра не сделает ни шага
хотя бы потому,
что вечно выдавать себя за благо
приходится ему.
В. Берестов

И история философии знает немало разного рода апологий эгоизма.

И в психологии есть вариации на эту тему. Так, Ганс Селье в своей книге "Стресс без дистресса" развивает теорию альтруистического эгоизма. Любовь к себе оказывается первичной, а альтруизм - производным.

На первый взгляд, такая точка зрения кажется убедительной. Но если любовь к себе первична по отношению к любви, направленной на другого, как понять способность человека к самопожертвованию, вплоть до принесения в жертву своей жизни? А ведь именно в таких проявлениях выражается суть человеческой любви и преданности.

С психологической точки зрения изначальная любовь к себе просто немыслима. Точно так же, как ребенок не может заговорить, если не услышит речь других людей, он не научится любить - ни себя, ни других, если сам не будет любим. Точно так же, как нельзя вытащить себя за чуб из болота, нельзя полюбить себя без любви к другому человеку. Любовь рождается и рождает людей в их отношении друг к другу не только в физическом смысле, но и в духовном.

Что же касается эгоизма как себялюбия, то само сочетание этих слов является недоразумением. Вся беда эгоиста в том, что он не любит себя, что он сам себе враг.

В связи с этим некоторые психологи утверждают: чтобы полюбить других, надо прежде полюбить себя. Так что же - борьбу с эгоизмом надо начинать с культивирования любви к себе? Но такое смещение акцента на себя хотя и импонирует индивидуалистически настроенному читателю,

однако способно завести его в еще большую занятость собой и своим "Я". К тому же оно может оказаться совершенно бесполезным для людей, у которых не было настоящего опыта любви к другим людям: они не смогут полюбить себя, как бы ни старались следовать советам психологов. Единственно возможный выход - в любви к другому: потребность в такой любви живет в каждом человеке.

Из собственного опыта мы знаем, что настоящая любовь сродни творческой самоотдаче: она так же вдохновенна и самозабвена. Когда мы делаем что-то для других по чувству обязанности или долга - это одно, а когда мы делаем что-то для любимого человека - это совсем другое: мы испытываем радость гораздо большую, чем если бы это делали для самих себя. По этому чувству радости служения можно узнать, с любовью ли мы относимся к человеку. Значит, можно легко и радостно, забыв о себе, поставить другого на первое место; это естественно для любящего и переживается как счастье - "со-частье" другому. Выходит, что счастье и состоит в самозабвении, забвении своего "Я" ради любимого. Но в этом отказе от того "Я", о котором мы обычно печемся, тревожимся, оберегаем его статус и привычную роль, - в отказе от маленького эгоистического "Я" рождается духовное "Я".

Это рождение полюбивший человек переживает в открытии мира вокруг себя, в прозрении: вдруг он увидел сияние солнца и радугу в капле росы, услышал тишину леса, открыл скрытую глубину человека. Как будто спадает панцирь отчуждения, и вновь рожденный в любви человек начинает жизнь, сопричастную (от слова "часть", как и слово "счастье") миру и людям. Это и есть нормальная человеческая жизнь, открытая каждому.

Итак, "пусть моя Катька растет эгоисткой, - решила мама, - зато она будет счастливым человеком..." Эти рассуждения за нее можно мысленно продолжить. "Пусть жалуются воспитательницы детского сада, что она отбирает у детей игрушки и не делится своими, пусть плачут малыши во дворе, что она не считается с правилами игры. Значит, у нее есть характер, она не пропадет, она пробьется куда надо. За счастье в жизни надо бороться..." Мама думает еще и о том, что сама всю жизнь борется, пробивается изо всех сил. Пусть хотя бы дочка будет счастливым человеком, если у нее самой не все так сложилось в жизни, как хотелось бы. А что же все-таки не так? Об этом ей никогда думать, но чувствует, что на душе нет радости и покоя, чего-то не хватает, что-то гложет.

А вот другая семья. У Севы мама - врач, а папа - научный сотрудник. Они воспитывают ребенка постоянно: ни одной оплошности сына не пропускают, чтобы не прочитать ему мораль о долге и порядочности. Сева уже привык и терпит. Он выучился, как надо себя вести дома и в школе, чтобы избегать нотаций и неприятностей. Сейчас он кончает школу. Его мечта - стать владельцем магазина, найти такую работу, чтобы "было больше денег и связей".

Нет ничего странного в желании ребенка стать продавцом или даже хозяином магазина. Маленькие дети любят играть в магазин. Но когда мечтой выпускника школы становится обогащение - это заставляет задуматься. У Кати было бы понятно: этот идеал воспитан матерью. Для родителей Севы такой выбор сына был попранием всех идеалов и воспитательных устремлений. Все их старания привели прямо к противоположному результату. Как понять это?

Казалось бы, примеры противоположные. Но не сходятся ли эти крайности? Катю сознательно воспитывают в духе эгоизма; у Севы эти качества сформировались от противного, в противовес навязчивости родительских проповедей о долге, чести и бескорыстии, не подкрепленных реальным опытом его собственного поведения. Необходимость приспособливаться к требованиям взрослых сформировала у мальчика способность хитрить, лавировать, подделываться под ожидаемые образцы поведения, чуждые его непосредственным желаниям. То, что эти желания постоянно подавлялись родителями, привело к их непомерному возрастанию и развитию потребительских идеалов под прикрытием благопристойного поведения.

Эгоизм сродни расчетливости и рассудочности. В отличие от разума, рассудок ограничен областью практического приспособления, он утилитарен. Разум - творческое начало в человеке, включающее в себя и рассудок, но не сводящееся к нему.

Как видим, обе крайности - и поощрение потребительских наклонностей, и подавление непосредственных потребностей - ведут к разрастанию утилитарно-рассудочной установки и формированию эгоизма.

Избалованный ребенок может оказаться более доступным перевоспитанию, чем ребенок, научившийся хитрить и приспосабливаться. Родители Севы сформировали у ребенка негативизм и

неприятие тех идеалов, которые ему внушали. Перекорм всегда вреден, как бы хороша ни была пища; это относится и к словесным формам воспитания. Их навязчивость приводит к девальвации слова и нравственной глухоте.

Глухота к высоким материям привязывает человека к одним лишь материальным ценностям, и в погоне за ними человек забывает о своем призвании и достоинстве. Это своего рода болезнь, суть которой - в извращении человеческих потребностей. Материальные ценности как средства к жизни превращаются в самоцель, подменяя собой подлинный смысл жизни. Рассудочный практицизм вытесняет и подавляет духовное, творческое начало в человеке. Жизнь без смысла подтачивает человека изнутри, разрушает его, рождает постоянное чувство неудовлетворенности. Эта внутренняя неудовлетворенность до поры до времени может заглушаться погоней за успехами, удовольствиями, развлечениями... Но все это не заполняет внутреннюю пустоту, а лишь углубляет ее.

К.Г. Юнг говорил, что большая часть его пациентов - это люди, утратившие смысл жизни. Психологическое объяснение массовости этого рода патологии он видел в рационализме западной культуры, ее потребительском характере.

Изучение общественного мнения во Франции показало, что 89 процентов опрошенных считают: человек нуждается в "чем-то таком", ради чего он живет. Психиатр и психолог Виктор Франкл, приводя эти данные, говорит о том, что "борьба за смысл жизни является основной движущей силой для человека". К этому убеждению его привел личный опыт: в 1942 г. он был арестован немцами и брошен в концлагерь; будучи тяжело больным, он работал над своей книгой по психотерапии: именно это, по его словам, помогло ему выжить. "В концентрационном лагере... мы были свидетелями того, что некоторые из наших товарищей вели себя как свиньи, в то время как другие были святыми. Человек имеет в себе обе эти возможности, и то, какая из них будет актуализирована, зависит от его решения, а не от условий... Потому что высшая сущность - наше отношение к страданию, отношение, в котором мы берем на себя страдание". Достойно переносить страдания возможно лишь во имя смысла.

Исследования показывают, что среди больных людей, у которых душевное расстройство вызвано тяжелой жизненной травмой (разрушение семьи, смерть близкого человека), выздоравливают те, у кого побеждает воля к осуществлению смысла жизни, формируются новые величные цели. Если же этого не происходит, личность распадается, человек остается душевнобольным. Значит, смысл - это есть то, что собирает воедино душевые силы человека. Смысл - это цель, образующая цельную личность.

А иметь много денег и связей - это разве не смысл? - скажет кто-то. Это - извращенный смысл. Жить ради смысла, ради цели - свойственно природе человека; но жить ради того, что является лишь средством жизни, - противоестественно. Вспомним: Скупой Рыцарь Пушкина сочетает в себе, с одной стороны, крайнее выражение бескорыстия и самоотречения в служении своему богатству, с другой - накопительство. Но его служение бессмысленно - никому не служит, и накопительство бесцельно - не служит потреблению. Такова логика превращения накопительства в смысл жизни: ее итог - бессмысленность жизни, абсурд, одиночество.

Одиночество... Сколько людей страдают от него, жалуются на одиночество. Одиночкам можно быть и в семье... Живут люди бок о бок, а чувствуют - они далеки друг от друга. Значит, одиночество - это прежде всего внутреннее состояние человека. Вот и мама Кати - работает продавцом в магазине, целый день толпы людей, дома - муж, дочка, приходят часто гости, а поговорить по душам не с кем: замуж она вышла по расчету, живут, притерпелись. Друзья приходят все с какой-нибудь целью (но и в "долгу не остаются"), а близкого человека нет. Одной остаться - тоска: без суматохи, суеты, развлечений она не может - нужно чем-то заглушить эту тоску, которая караулит ее из самой глубины души.

Жизненные блага не заменяют тепла, внимания, любви. И даже тысячекратно уверяя себя, что ничего этого ему не надо, а достаточно, "чтобы ему завидовали, чтобы его боялись", человек все же не может без этого жить - ему все чего-то будет не хватать. В глубине души он будет чувствовать какую-то пустоту, потерянность, неудовлетворенность. Первый признак этого внутреннего неблагополучия - нежелание оставаться наедине с собой, боязнь уединения.

Ведь одиночество и уединение - это не одно и то же. От одиночества нужно бежать. А уединение необходимо для размышлений, для творчества, для внутреннего равновесия. Человеку

нужно прийти в себя, собраться, разобраться в себе после суеты, интенсивного общения, напряженной работы. Уединение - обязательная пауза в жизненном ритме человека (какова длина этой паузы - это зависит от характера, индивидуальности человека, его образа жизни).

Тот, кто нашел себя, свое жизненное призвание, не боится быть наедине с собой, и в уединении он переживает свое единство с миром и людьми. Вспомним Ф. Тютчева: "Все во мне и я во всем". Такой человек, когда он один, - "у-единен" со всеми. В каком бы нынешнем положении он ни находился - он не одинок.

А тот, для кого цель жизни - "пожить для себя", оказывается у разбитого корыта: себя-то он потерял, и с другими у него нет единства. Потому он так боится уединения, чувствуя свою внутреннюю пустоту и потерянность.

Так эгоизм, задуманный как практическая, реальная модель жизненного поведения, оказывается отнюдь не практическим, не разумным - вместо полноты жизни он приводит к ее пустоте, вместо богатства - к обнищанию, вместо человеческого признания - к одиночеству.

Мера наказания

...Плотный мужчина с суровым лицом и тревожным взглядом вошел без стука. Он пришел, как он сказал, "проконсультироваться у специалистов": что-то случилось с его сыном-второклассником. У мальчика пропала память. "Как это началось?" - "Однажды он забыл в школе тетрадь. Я его наказал". - "Как вы наказали?" - "Выпорол... Потом, на другой день, он забыл портфель. Я его опять наказал... Теперь он все забывает! Плачет, говорит, что не нарочно, обещает, что больше никогда не будет, - и все забывает!"

Посетитель говорил очень сердито и возмущенно, как будто в том, что сын все забывает, виноваты все, в том числе и "специалисты". Пришлось объяснить посетителю, что виноват он сам: довел ребенка до психического срыва. Его сын, нервный, впечатлительный мальчик, живет под страхом ремня. Не так уж страшна физическая боль: отцовский гнев и постоянное раздражение травмируют сильнее телесных ударов. Гневное требование "не забывай!" вызывает парадоксальную реакцию забывчивости, потому что оно стало душевной травмой, "больным местом" в душе ребенка - и здесь постоянно происходят сбои в поведении. Ребенок все забывает не "назло" отцу, это ему слишком дорого обходится: у него нервный срыв, болезненная реакция на наказание. Это острый случай, требующий психотерапевтического вмешательства.

... Мама у Аси очень строгая и часто бывает недовольна дочкой, наверное, не без оснований. Девочка склонна к лени, может целыми днями сидеть за увлекательной книгой, не слыша окриков матери, пока та, наконец, не выйдет из себя и не заставит ее слушаться. Мама - труженица, умный, энергичный человек. Она не может допустить и мысли о том, чтобы ее дочьросла лентяйкой, неряхой и растряпой. Но с дочкой справиться нелегко. Каждый день одно и то же. Приходит Ася из школы. "Ася, сними форму!" - говорит мама. Ася не слышит, она уже занята игрушками. Крик матери, наказания, угрозы - ничто не помогает.

В чем дело? Неужели дочеке так нравится дразнить маму, издеваться над ней (так считает мама)? Нет, Ася очень ее боится, дрожит, цепнеет от страха, когда мама кричит. Почему же она упорно не выполняет такое простое требование? Потому что эта ситуация стала для нее настолько болезненной, связанной с такими неприятными, непосильными для ее души переживаниями, что в ней образовалась "психическая защита": внимание девочки непроизвольно переключается, как бы уходя от неприятной обязанности. Это менее острая, но тоже болезненная, парадоксальная реакция.

Через два года Ася изменилась до неузнаваемости: она стала деловой, организованной девочкой; о сценах с переодеванием все уже забыли - стало не до того: в семье появились еще двое детей, и Ася стала первой помощницей мамы. Если плачет любимый братик, если у сестренки мокрые ползунки, некогда канителиться, надо спешить на помощь. Без особых усилий со стороны матери, а точнее благодаря тому, что маме стало не до того, болезненные реакции у девочки прошли, а место маминой помощницы и старшей сестры сыграло свою благотворную роль.

У многих слово "наказание" ассоциируется с жестокостью, безжалостностью, возмездием. Поэтому некоторые родители предпочитают вовсе не наказывать своих детей и даже не запрещать им ничего. Так, родители Нелли решили воспитывать девочку без наказаний до трехлетнего возраста. Эксперимент оказался жестоким. Дом превратился в кромешный ад, а девочка - в домашнего деспота.

За внешне привлекательной идеей воспитания без наказаний нередко кроется иллюзия того, что человек по природе добр и, давая ему полную свободу проявления, родители способствуют полному раскрытию этой природы. Но "цветы жизни" от этого начинают издавать такой "аромат", что дышать в доме становится невозможным. Любя детей, не следует идеализировать детства. Прекрасны его лучшие проявления, но непонятно, откуда берутся и жестокость, и зависть, и эгоизм, и многие другие пороки, отличающиеся своей откровенностью и наивностью. В своем наличном "Я" ребенок далеко не ангел. Поэтому предоставить ему свободу самораскрытия - значит не помочь, а препятствовать раскрытию подлинного, духовного "Я"; ему трудно будет пробиваться через броню эгоизма, черствости и жестокости, к которым предрасположена "естественная" природа, унаследованная от падших прародителей Адама и Евы; предстоит борьба с естеством и его греховными устремлениями. В этой борьбе ребенку и может помочь наказание.

Вдумаемся в само слово "наказание". Корень его "каз" - он же в словах "наказ", "показ". Наказать, по существу, означает дать наказ, научить. Но если глубже заглянуть в это слово, в его корень "каз", можно увидеть, что сам он состоит из приставки "к" и древнерусского слова "аз", что означает "Я". Не значит ли это, что смыслом всякого обучения, назидания и наказания как одной из форм обучения является *приближение к своему "Я"*? Но какому "Я": наличному или духовному?

В приведенных примерах наказание было направлено на то, чтобы наличное "Я" ребенка соответствовало требованиям и ожиданиям родителей. Но те родители, которые стремятся к духовному воспитанию детей, проявляют свою строгость иначе.

Мне рассказали об одной православной семье, в которой одиннадцать детей. В доме посетителей поражал порядок, организованность и тишина: дети не кричали, не дрались, а спокойно играли или занимались своими делами. И на них никогда не повышали голос. Как же родители этого добились? Они относились к детям с любовью и уважением, каждый чувствовал свою важную и ответственную роль в семье. Но приходилось и наказывать. Ребенок знал, что если он опоздает к обеду, то останется голодным, если придет позже с гуляния, на другой день он гулять не пойдет - и так во всем. Отчитывать и кричать в таких условиях нет необходимости.

Когда мать или отец в раздражении обрушают свой гнев на маленького шалуна, они не учат его, а всего-навсего "самовыражаются", выплескивая на ребенка свои эмоции. Малыш может с самыми добрыми намерениями развинчивать часы, а с точки зрения родителей - это трагедия, материальный ущерб. Их реакция может быть бурной и жесткой, если они в этот момент не сдержаны и не посмотрят на событие глазами ребенка, маленького исследователя. Лучше было бы спокойно отобрать часы или то, что от них осталось, и дать малышу другой предмет для исследования и развивчивания, приняв участие в его деятельности. Но выдержки и терпения не хватает.

Плодами таких "реактивных" наказаний становятся хитрость, лживость, притворство ребенка. Но самое тяжкое - враждебность и агрессивность. Они могут вымешаться на игрушках, растениях, животных, на сверстниках и, рано или поздно, на самих родителях.

Большинство родителей считают себя любящими. Они заботятся, тревожатся о детях, отдают им все лучшее, отказывая себе. Ребенок, особенно единственный, нередко - кумир в семье. Но любовь ли это? Может быть, ребенок - самая "любимая" собственность? Любить ребенка - значит поставить себя на второе место, а его на первое. Не идти у него на поводу, не уступать ему во всем: нужно перенести на ребенка центр внимания. Только при таком неослабном внимании можно научиться понимать его мысли, чувства, состояния. Это проникновение во внутренний мир ребенка, глубоко отличный от мира взрослого, становится началом живого общения с ним как с особой, неповторимой индивидуальностью.

Часто мы слышим: "вылитый отец", "копия - мать". Но вдруг в ребенке замечается нечто особенное, только ему свойственное: это проблеск его неповторимой индивидуальности. Все унаследованное и сформированное воспитанием образует наличное "Я" ребенка. Но проблески неповторимой индивидуальности говорят о духовном "Я".

В портретах, принадлежащих кисти великих мастеров, удивляет и радует проникновение в сокровенную суть души человека, стремление показать его лик, очищенный от случайных, посторонних наслаждений. Как бы ни походил ребенок на маму или папу, у него особая индивидуальность, свое лицо. Выявить эту индивидуальность и способствовать ее развитию помогает любовь, обращенная к духовному миру ребенка. Она сродни таланту художника.

Но такая любовь строга. Строгость необходима здесь, как резец скульптору, освобождающему вдохновляющий его образ от того, что его заслоняет, мешает ему выявиться.

Наказывая, родителям приходится проявлять твердость, настойчивость, верность своему слову. Научая детей выполнять правила общей семейной жизни, слушаться старших, преодолевать дурные наклонности, добросовестно выполнять свои обязанности, родители идут навстречу совести ребенка, которая укоряет за плохой поступок, обман, невыполненную обязанность и за всякое нарушение порядка общей семейной жизни. Наказание, таким образом, воспитывает ребенка не только в плане внешнего поведения, но развивает стыд и совесть.

Наказывая разбушевавшегося ребенка, мы помогаем ему "прийти в себя". Наказание хорошо тогда, когда оно помогает остановиться, задуматься, раскаяться в плохом поступке.

Наказание же, которое не научает, по существу не является наказанием. Это всего лишь реакция гнева, раздражения, возмущения. Нередко она обрушивается на ребенка как снег на голову, и он не понимает, в чем его вина: с его точки зрения, ничего плохого в его поступке нет, он не может встать на точку зрения взрослых. Ему это простительно, но непростительно родителям, неспособным встать на точку зрения своего ребенка.

Запреты "реактивных" родителей не обязательно выражаются в гневе и раздражении. Тирания любви для ребенка страшнее побоев. И многие родители постоянно пользуются этой властью любви для достижения своих дисциплинарных целей. А эти цели обычно идут вразрез с интересами развития личности ребенка. Тирания любви чаще исходит от матери и подавляющее действие на активность и развитие мужественного мальчика. Естественной реакцией на это, поначалу скрыто, становятся сопротивление, протест, желание вырваться на свободу.

Праздник непослушания

На день рождения Валя подарил мне рисунок: страшный лохматый человечек с огромным пистолетом в кого-то стрелял. Его мама рассказала, что сейчас это - излюбленная тема сына, и на вопрос папы, кем он хочет стать, мальчик ответил, что хочет стать артистом, играть разбойников.

Я спросила Валю: "Почему - разбойников?" - "Потому что они очень хорошие". Ответ был такой решительный, что спорить было глупо. Мой собеседник отлично знал, "что такое хорошо и что такое плохо". Он уже освоил уйму книг, в которых красной нитью проходит мысль: "Быть хорошим - хорошо, а быть плохим - плохо". Откуда же у пятилетнего ребенка такой отрицательный идеал?

Недавно он спросил: "Откуда происходит ВСЕ?" Даже папа, окончивший два вуза, не мог ответить. Валя хороший человек, умный, добрый и справедливый. Когда он был совсем маленький, ему пришлось защищать кошку от собаки, которую он сам боялся. Однажды он даже бросился драться с Петькой, который обижал его друга, а Петька - гроза всего дачного поселка.

Но драчуном и забиякой Валя никогда не был; наоборот, он очень не любит, когда дерутся. В детском саду он не прижился. Сначала ему там нравилось, но однажды он вернулся домой грустный и больше не хотел идти в сад. Выяснилось, что один мальчик его ни за что ударил. Потом он стал простужаться и радовался, что не надо идти в сад. Воспитательница сказала: "Ребенок не садовский". Пришлось маме оставить работу.

Когда Валя идет с мамой за ручку, прохожие говорят: "Какая хорошая девочка!" "Я мальчик!" - обиженно протестует Валя. Он очень вежливый и воспитанный ребенок: "Пожалуйста... Спасибо... Простите, я большее не буду". Валя слушается маму и папу. Что его накажут или нашлепают - это ерунда, он может не заплакать даже от укола. Но вот когда мама вдруг становится сердитая, почему-то сразу не любит его и не хочет мириться, Вале становится очень плохо и даже страшно. Раньше он

долго и горько плакал. А потом стал очень послушным, обо всем спрашивал маму: "Можно?" Маме даже надоело отвечать.

Слушаться тяжело: все-то ему нельзя, всюду он виноват. Залезать на дерево нельзя - упадешь, прокатиться с горки нельзя - разобьешь нос, снять свитер в жаркий день нельзя - простудишься, попадешь в больницу. И мальчик стал очень рассудительным и осторожным. Даже когда мама разрешает спрыгнуть с лесенки за руку, он не хочет: "Упаду, расшибу нос". Ему говорят: "Трусишка". Валя завидует Пете: он смелый, на деревья лазает, со всеми дерется, никого не боится, взрослых не слушается. Валина мечта - побороть Петью. Но с ним лучше не связываться, лучше сказать маме. Ему тогда говорят: "Ябода". Нелегко живется ребенку.

Но однажды он устроил бунт: вдруг перестал слушаться. Я в душе обрадовалась: ребенок проявляет волю. Но тут и мне досталось. Сидим за столом, мирно беседуем, вдруг... От неожиданности опрокинула чашку с чаем: "Валя?!" Смущенные родители объясняют, что уже несколько дней в доме бедствие: ребенок начал щипать всех подряд. "Все ясно, налицо - скрытая агрессивность, насилие за насилие", - рассудила я в качестве "специалиста". Но мне лично не хотелось быть жертвой этой "закономерной реакции". "Давай договоримся, Валик, - предложила я, - как только ты меня ущипнешь, я тебе - щелчок в лоб. Такая у нас игра будет. Договорились?" Ущипнул - щелчок в лоб, посильнее, чтобы почувствовал. Ни слез, ни обиды: договорились, игра такая. Второй раз - то же. На третий - Валина рука протягивается и отдергивается. На четвертый - рука тянется и прячется за спину... Так при помощи этой нехитрой "методики" с дурной привычкой мы справились: больше Валя к ней не возвращался.

Пусть не подумают Валины папа и мама, что я осуждаю их за плохое поведение ребенка. Я-то знаю, как они стараются. Легко ли воспитать единственного ребенка, сверхчувствительного, возбудимого, с активным темпераментом? Дать ему волю - будет своевольным, непослушным, распущенными; постоянно одергивать и наказывать - будет безвольным и пассивным. Как найти меру? Кто может научить этому? Мера всегда индивидуальна, нельзя ее научно вычислить, найти алгоритм: как, когда, насколько наказать... Воспитание сродни искусству. У художника есть своя техника, правила, каноны; но самое главное совершается в таинстве творчества. Когда оно свершилось, можно, "поверить алгеброй гармонию", но самому творчеству эта алгебра не поможет. Мера в искусстве воспитания - самое главное, самое трудное. Но вернемся к Вале.

До "разбойниччьей серии" Валя прислал мне рисунок, в котором заяц храбро целится в страшного волка. Я поняла: это он про себя. После зайца - разбойники.

Всякий скажет, если ребенку нравятся разбойники, это тревожный сигнал: следя такому идеалу, он может вырасти хулиганом и даже правонарушителем. Да, но Валя не говорил, что хочет стать разбойником: он хочет играть разбойников на сцене. Но почему же все-таки разбойников? Потому что они сильные, ловкие, смелые! А почему же тогда не героев, не богатырей, не добрых молодцев? А потому что разбойники не боятся делать то, что запрещают. А Валя этого боится больше всего. Он хочет быть сильным, ловким, смелым, но ему нельзя лазить на деревья, кататься с горки и играть с Петей. Разбойником он не мечтает стать, потому что мама с папой не разрешат. Но играть разбойников на сцене, как папа играет в театре, - это можно: и свободой насладишься, и никто не накажет. Разбойник для Вали - идеал смелости, независимости от власти старших, выражение протesta против этой власти. За этим негативным идеалом стоит истинно духовное стремление к свободе и развитию мужества.

Попробуйте побывать хотя бы один день в роли вашего единственного ребенка - и вам захочется устроить себе разгрузочный день: "Праздник непослушания". Если в семье несколько детей, они найдут себе отдушину, да и родительский воспитательный пыл соответственно распределится. А тут он со всем залпом тревожности обрушивается на единственное любимое чадо, для которого это может оказаться непосильным. Как бы эта психическая нагрузка не привела к неврозу или еще более тяжкому душевному срыву. Хорошо, что у ребенка есть воображение и игра, где он может хоть в какой-то мере разрядить накопленное нервное напряжение.

За лето Валя вырос и возмужал. В деревне ему разрешили целыми днями играть с детьми без взрослых. Я попросила нарисовать, что он захочет. Валя нарисовал пузатого человечка, сверху - шляпа, на животе - пуговки: отсчитал по пять пальцев на каждой руке и в одну руку вложил шлагу. "Это разбойник, - пояснил он. - Они мне очень нравятся". - "Какой же это разбойник? - удивилась я. - Это же

мушкетер!" - "Кто-кто?" - "Мушкетер: он ходит со шпагой, чтобы сражаться с разбойниками и спасать прекрасных дам". Валя чуть подумал и спокойно согласился: "Ну, пусть - мушкетер".

Я вспомнила прежний рисунок: страшный лохматый человечек в кого-то стрелял. Над головой разбойника улыбалось солнце: ничего, это пройдет, только, пожалуйста, разрешите Вале расти мужчиной!

Послушание доверия

Послушание послушанию рознь: есть послушание страха, а есть послушание доверия к любящим родителям. Когда ребенок прислушивается к словам любимых родителей и исполняет их, он верит, что они лучше знают, что полезно, а что вредно для него. Ведь они учат тому же, чему наставляет их жизненный опыт: схватиши за утюг - обожжешься, сдвинешь со стола чашку - разобьешь и обольешься... А позднее: подведешь друга - потеряешь его, обманешь - будет мучить совесть... Послушание избавляет от многих ран, бед и ошибок.

Все беды человеческие начались с непослушания наших прародителей Адама и Евы. Они не послушались наказа Бога, Отца своего, вкусив запрещенный им плод в райском саду, и были изгнаны из Рая. Отец даровал им свободную волю, мудрость, способность всем существам нарекать имена, т.е. проникать в суть вещей, доверил им сад Эдемский. Только об одном просил: не вкушать плода с дерева познания добра и зла. Почему? Это воля Бога, и человеку не обязательно знать ее смысл, не все ему можно и полезно знать. Если есть любовь и доверие, это "нельзя" можно принять на веру, не допытываясь причины. Человек питался от Древа Жизни, а дерево познания добра и зла лишило его райской пищи. Соблазн змия: "Будете как боги" - действует в душах людей, отпавших от Бога и творящих свою волю.

Непослушание Адама и Евы нарушило гармонию отношений человека и его Творца: пожелав стать равными Отцу, они лишились близости к Богу, стали смертными, погрузились в мир бедствий, страданий и зла.

Соблазн змия: "Будете как боги" - и поныне делает свое злое дело. Суть этого зла - в нарушении иерархии отношений.

Творение, вышедшее из подчинения Творцу, подобно организму, лишившемуся сознательного управления; его деятельность хаотична, беспорядочна, жизнь лишена цели и смысла, крах его неизбежен. Закон иерархии: соподчинение низшего высшему - действует во всякой организованной системе, как в механической, так и в органической. Он лежит в основе строения человека, соподчинения тела, души и духа. Иерархична и психическая жизнь: если элементарные потребности и влечения не подчинены моральным, нравственным и духовным устоям, человек не может называться личностью. В самом слове "порядочность" звучит иерархическая Упорядоченность, расположность по рядам внутреннего строя души. Если нет этой иерархической упорядоченности, человек непорядочен, он может пренебречь совестью, честью, законностью, приличиями ради своих корыстных или низменных желаний.

Иерархичность душевного мира предполагает послушание низшего высшему. Значит, послушание - норма душевной жизни, основа душевного мира. Без него - хаос импульсов, желаний и страстей. Их борьба приводит душу в смятение и расстройство.

Упорядоченность, гармония строя души образуются путем послушания ребенка родителям, которые руководят им. Если есть любовь и доверие, воля ребенка не насилиется, не подавляется, напротив, она укрепляется. Ведь послушание требует отказа от своих дурных импульсов и желаний. Для их преодоления требуется усилие воли. На основе послушания старшим возникает душевная иерархия. Напротив, непослушание, следование своим неупорядоченным импульсивным желаниям порождает слабоволие и бесхарактерность.

Следует различать свободу и своееволие, произвол. Свобода - проявление духовного "Я", это - дар Божий в человеке. В основе своееволия - наличное эгоистическое "Я", не желающее считаться с другими, не признающее духовной иерархии и иерархии человеческих отношений. Своееволие

разрушительно действует как в общественной жизни, так и в душевной жизни самого человека. Поэтому так важно воспитание послушания.

Грехопадение человека началось с непослушания, своеволия. Потому путь к Богу лежит через свободный отказ от своей воли, от своеволия, и стремление следовать воле Божией. Люди, живущие сознательной духовной жизнью, ищут духовного наставника, умудренного духовным опытом, прося его руководства. На Руси такими духовными наставниками были старцы.

К оптинским старцам за советом, утешением, исцелением души и тела стремились все православные люди - и "простые", и "великие". Как дети, с открытой и доверчивой душой обращались они к старцу.

Вот как митрополит Вениамин (Федченков) в своей книге "Божий люди" пишет об оптинском старце Анатолии: "... Монахи и богомольцы вышли навстречу святой иконе по лесной дороге и, приняв ее, пошли обратно в монастырь с пением молитв.

Вдруг я вижу, как из нашей толпы некоторые отделяются от процессии и спешно-спешно торопятся в правую сторону.

Через несколько моментов там уже собралась густая толпа народа, плотным кольцом кого-то или что-то окружавшая. Из простого любопытства я тоже направился туда: в чем дело? Чтобы оставить икону Богородицы, нужно была какая-то особая причина к этому. Протиснувшись немного к центру толпы, я увидел, что все с умиленной любовью и счастливыми улыбками смотрят на какого-то маленького монаха в клобуке, с седенькой, нерасчесанной, небольшой бородкой. И он тоже всем улыбался немного. Толпа старалась получить от него благословение. И я увидел, как вокруг этого маленького старика все точно светилось и радовалось. Так милые дети встречают родную мать.

- Кто это? - спрашиваю я соседа. - Да батюшка, отец Анатолий! - ласково ответил он, удивляясь, однако, моему неведению.

...Что за чудо? Люди оставили даже икону и устремились к человеку. Почему? И ответ явился сам собою: святой человек - тоже чудо Божие, как и икона, только - явное чудо. Святой есть тоже "образ" Божий, воплощенный в человеке. Как в иконе, так и во святых людях живет Сам Бог Своей благодатью. И тут и там Сам Бог влечет нас к Себе Своими Дарами радости, утешения, милосердия, духовного света".

Святость притягивает добрых людей. Взыскуя духовного, они видят в старце полноту духовной жизни, к которой стремится их душа. В общении со старцем они обретают мир душевный, в нем раскрывается духовный лик приходящего. Послушание старцу отрадно, ведь его слово выражает волю Божью, и это послушание приобщает человека к райскому состоянию.

Но бывает и так, что послушание требует от человека отказа от самого желанного, от того, с чем он сросся, требует преодоления своего наличного естества. Это - крест, Голгофа на жизненном пути человека. Сын Божий Крестной смертью Своей искупил непослушание прародителей человечества Адама и Евы. Он был послужен Отцу до Крестной смерти. Поэтому у всего человечества есть надежда вернуться в свое первозданное состояние сыновства Отцу своему небесному.

Вот почему так важно послушание в воспитании ребенка, в пробуждении и росте его духовного "Я".

Непонимание значимости иерархии отношений и, следовательно, послушания характеризует "гуманистическое" направление педагогики и идеально связанной с ней "педагогики сотрудничества" с ее принципом "равноправия" учителя и ученика, выospитателя и ребенка. Речь об этом пойдет далее.

От урока к симпозиуму

Бесчисленные радиусы родительских проблем сходятся в точке решающего выбора: монолог или диалог? Для школьного учителя это выбор: урок или симпозиум?

Слово "симпозиум" в переводе с греческого означает "пир". Для древнего грека дружеское собрание за трапезой было наилучшим поводом для духовного пиршества - собеседования, спора, интеллектуального состязания. Наши научные симпозиумы - лишь слабый отголосок тех духовных пиршеств. Диалоги Платона живо отображают атмосферу таких дружеских встреч. Главный герой их

Сократ обычно остается победителем; непринужденно беседуя, он подводит их к разрешению проблемы и отказу от заблуждений, на которых они настаивали. Сократ - Учитель, хотя он не участвует, не возвышается над собеседниками. Единственная роль, которую он себе приписывает, - роль "повивальной бабки", помогающей рождению истины в человеке. Он не авторитарен, но почитаем, даже обожаем учениками, чувствующими его несомненное духовное превосходство. Сократа любят не столько за ум, сколько за правду, истину, которая живет в этом человеке. Поэтому слово его действительно, исполнено убеждающей силы.

К сожалению, наш школьный учитель призван не пробуждать истину в душе ученика, а сообщать ему информацию, содержание которой ему предписано; оно, как правило, не имеет отношения к реальным вопросам и проблемам, которые волнуют ученика. Учитель не обязан и не в состоянии прислушиваться к каждому ученику, их слишком много на уроке, но они должны его слушать и слушаться. Эта система требует авторитарности, рассчитана на нее. При отсутствии подлинного авторитета учитель вынужден силовыми методами "держать класс в руках". Одной из форм наказания служит отметка, она превращается в самоцель учения, вытесняя познавательную мотивацию. Избыток отрицательных эмоций, повышенная тревожность, массовость школьных неврозов - все это порождение урочной системы обучения.

На этом фоне призывы к формированию творческой личности звучат демагогически: одаренные, творческие дети вырастают не благодаря, а вопреки существующей системе образования; то же можно сказать и о творческом, одаренном учителе.

Личность, которая фактически реализуется существующей системой образования, прямо противоположна провозглашаемым идеалам и требованиям, предъявляемым учителю: воспитание трудолюбия, ответственности, честности и принципиальности и т.п. Урочная система обучения не решает задачи индивидуального подхода к ученику, и в то же время она индивидуалистична: каждый ученик отвечает сам за себя, получает свои отметки, учащиеся сидят рядом, но не учатся вместе, не добывают знания, не решают проблемы совместными усилиями.

Диалогический подход к воспитанию и обучению может разрешить существующие проблемы образования, но это зависит от того, будет ли в школе Учитель.

Тот "массовый" учитель, который сформирован авторитарно-монологической урочной системой, может быть успешно заменен существующими техническими средствами обучения: они не травмируют ученика, не повышают уровень его тревожности, не подавляют активности и не мешают проявлению индивидуальности.

Способны ли дети к самообучению? Многочисленные зарубежные исследования говорят о том, что оно идет гораздо успешнее в группе детей без доминирующего учителя, чем в обычных классах.

Американский психолог, основатель гуманистического направления К. Роджерс описал эксперимент Вильямса, проведенный в 1930 г. с подростками-правонарушителями. Это были интеллектуально отсталые, безнадежные ученики. Вильяме предоставил им возможность самостоятельно учиться, разложив на столе книги, рассчитанные на разные интересы и уровни подготовленности, разрешил им вести себя свободно, только не причинять друг другу вреда. Сам он занимался лишь общением с теми, кто этого хотел, не делая попыток учить их. Результаты позволили Вильямсу сделать вывод, что такого рода самообучение приводит к наилучшему продвижению и умственному развитию учеников. Этот факт хорошо вписывается в концепцию гуманистической психологии, подчеркивающую роль самоактуализации личности. Сам К. Роджерс на основании своей педагогической практики сводит функцию учителя к роли "фасilitатора" (т.е. стимулятора, усилителя), содействующего раскрытию и реализации мотивов, потребностей и интересов группы и каждого ее члена. Его педагогические взгляды во многом поучительны для современной педагогики; поучительны потому, что они развиты опытным психотерапевтом, стремящимся к сохранению психического здоровья учащихся, отягощенных современными условиями воспитания в семье и школе.

Гуманистические идеи пронизывают "педагогику сотрудничества", "равноправия" учителя и ученика. Это движение увлекает сегодня наиболее активных и прогрессивных теоретиков и практиков нашей отечественной школы. Оно отвечает демократическим переменам в обществе. Усилия в направлении "сотрудничества" не могут не давать и практических результатов у энтузиастов этих идей.

Но остается вопрос о принципиальном психологическом обосновании теории "равноправия": ведь наука занимается сущностными связями и закономерностями, ее выводы могут и не совпадать со "здравым смыслом", "злобой дня" или гуманистическими намерениями. Сама результативность того или иного нововведения в педагогике, подтвержденная подсчетами успеваемости или экспериментальными и тестовыми показателями (как уже упоминавшиеся зарубежные исследования самообучения), может быть отражением вненаучных факторов: так, успешность обучения без учителя может свидетельствовать о низком уровне "массового" учителя, а не о высоком качестве самого метода самообучения и тем более не о пользе отмены учителя как такового.

Вспомним Сократа. Конечно, это образ очень высокий, но вполне человечный, на него можно равняться.

Преимущество диалогического обучения - в обращенности к каждому ученику как неповторимой индивидуальности. Учитель занимает позицию собеседника, заинтересованного личным мнением каждого и уважающего это мнение, что располагает к свободе высказываний, спору, рождению новых проблем и открытий. Позиция собеседника превращает учителя из источника информации и оценивающего контролера в ведущего участника творческого процесса. Авторитет учителя определяется не его должностью, а тем духовным потенциалом, который он сообщает коллективному творчеству, способностью воодушевить, пробудить каждого участника, умением оценить и использовать достижения (или проблески достижений), способствовать их возрастанию, актуализировать "зону ближайшего развития" каждого ученика. Такая работа с классом подразумевает сложную организацию многих индивидуальных голосов, их "полифонию". Ученики из анонимной однородной массы превращаются в значимых и ответственных действующих лиц, лично связанных с учителем - живым, непосредственным, естественным человеком, но старшим, опытным, знающим и умным. Мнение учителя лично значимо, его оценки и суждения могут обсуждаться и спориться так, что в итоге побеждает истина; и задача учителя не в том, чтобы победило его мнение, а в том, чтобы рождалась в человеке истина.

Сказанное об учителе и педагогическом диалоге перекликается с идеями свободного обучения К. Роджерса. Однако есть существенное отличие: Сократ в диалогах с друзьями-учениками не только фасилитатор, он прежде всего Учитель, ему есть чему научить их. Представим себе диалоги Платона без Сократа: симпозиумы превратились бы в разноголосицу интересных точек зрения, каждый ушел бы со своим мнением и чувством его непревзойденности. В еще худшей ситуации оказался бы оркестр, лишившийся дирижера (самоуправляющийся оркестр - это результат хорошей выученности, слаженности, а не ученическая ступень). Не чувство превосходства над учениками, а реальное превосходство знания и опыта необходимо личности, чтобы действительно быть Учителем.

В этом принципиальное отличие педагогического диалога от диалога равноправных собеседников¹ (друзей, любящих и др.).

Такой учитель нужен ученику и как образец, идеал, необходимый для становления личности. Таким образом и идеалом учитель может стать не вследствие "целенаправленного формирования личности учащихся", а благодаря тому, что голос его включается во внутренний диалог ученика. Этот эффект можно назвать "парадоксом воздействия". Обычное педагогическое воздействие подразумевает большую или меньшую степень давления, принуждения и в этом качестве является внешней силой, от которой ученик стремится освободиться в меру своей самостоятельности. Диалогическое общение индивидуализировано, и чем меньше учитель стремится повлиять на ученика, оказать на него свое воздействие, тем сильнее его реальное влияние, поскольку оно сливаются с внутренним голосом собеседника, входит в его внутренний диалог и становится личностным достоянием.

В таком педагогическом диалоге разрешается задача "единства обучения и воспитания". Знания, полученные и добытые диалогически в собеседовании или споре, становятся личными убеждениями: они не нуждаются в заучивании. Это снимает проблему контроля и оценки, отрицательно сказывающихся на познавательной мотивации. Разрешается также и проблема индивидуализма урочной системы обучения и соответственная проблема воспитания. Далее можно назвать проблемы активности, самостоятельности, ответственности - неразрешимые в условиях существующей системы образования.

Учитель стоит перед выбором педагогической позиции: идти ли ему проторенным монологическим путем, на который и рассчитана традиционная система образования, или решиться, наперекор системе, идти творческим путем диалогического общения. Педагогическая позиция консервативна, она трудно поддается перестройке. Героические усилия энтузиастов с трудом пробивают себе дорогу. И все же творчески работающие, ищущие учителя не перевелись в нашей школе.

Иллюзия "научного мировоззрения"

Диалогические принципы обучения и воспитания распространяются не только на характер общения, но и на само его содержание. Это содержание также должно быть не объектом, а субъектом, не мертвым, а живым. Так вот видит М.М. Пришвин цветок на лугу: "Я думал о маленькой гвоздичке, определившейся на лугу по образу солнца, и понимал ее существование как рассказ о солнце, исполненный выразительной силы, и через нее вернулся внутрь того круга, каким обведена природа моего тела и освоена моей личностью".

Мне казалось, что из этого круга заключенной природы можно выглянуть, как выглянула гвоздичка, и всю природу со всеми ее вселенными понять как свою собственную, и что вот такая ботаника, такая зоология и геология, и физика, и химия, такая "природа" должна лечь в основу воспитания наших детей, а не учебники, составленные по частным догадкам ученых". Воспитать у ребенка действительно целостное мировоззрение - это и значит помочь ему "всю природу со всеми ее вселенными понять, как свою собственную". Такое мировоззрение не абстрактно, а образно, конкретно. Да и само слово "мировоззрение", т.е. возврение на мир, подразумевает зримую образность, а не понятийную абстрактность. Мировоззрение целостно и потому, что является синтезом чувства, разума и воли человека.

Такое видение мира дается благодаря "родственному" или "сердечному" вниманию, о котором Пришвин писал: "Друг мой, больше укрепляйся в силе родственного внимания к тварям земным, глядывайся в каждую мелочь отдельно и различай одну за другой, узнавая личность в каждом, мельчайшем даже, существе, выходя из общего, показывай, собирая миллионы их и весь величайший собор живых людей выводи на борьбу против среднего должностного". "Принципы" лишены лица и равнодушны к лицам, обобщение убивает неповторимое, оно для него "случайно". "Одна из моих тем, - продолжает Пришвин, - то, что называется грех, есть пропуск жизненных единиц при обобщении, как при пахоте непрорезанные частицы поля - огрехи".

Наша школа, выполняя социальный заказ "формировать у учащихся научное мировоззрение", на протяжении десятилетий калечила сознание детей, обкрадывала их души, иссушала сердца. Да и что такое это "научное мировоззрение"? Разве возможна целостная картина мира, составленная по частным догадкам ученых? Научные достижения человечества велики и заслуживают уважения, но вся история науки говорит о бесконечной текучести, изменчивости научных представлений. Развитие наук, вопреки романтическим ожиданиям просветителей, идет не к созданию единой целостной картины мира, а к их дифференциации. Из пестрой мозаики научных данных совершенно невозможно выстроить целый и единый образ мира. Представители не только разных наук, но и специалисты в разных областях одной науки говорят на столь различных языках, что, подобно строителям Вавилонской башни, совсем не понимают друг друга. И подобно Вавилонской башне, рушится сама идея целостного научного мировоззрения. Пора расстаться с этой иллюзией.

Рационализм нашей системы обучения и воспитания убивает творческое начало в ребенке. Лишь одаренные, сильные натуры способны пробиться сквозь стену рационализма. Вот как, например, рассказывает П.А. Флоренский о своем детстве.

Родители старательно оберегали его сознание от всего таинственного и сказочного, стараясь воспитать его "научное мировоззрение": "С охотою воспринимал я всяческие объяснения жизни, самые рациональные, впитывал их в себя; но в душе оставлял право думать, в конечном счете, наоборот, быстро раскусив некоторую прагматическую, в смысле рабочей, полезность рациональных объяснений, равно как их производность, условность и пустоту. Я быстро научился жить двумя умами:

на поверхности - умом взрослых, приняв с легкостью законы логики, и в глубине - умом своим, детским..." Взор детской души стремился к таинственному, необъяснимому: "к существам очаровательным и благодетельным, к душам цветов, и птичек и ручьев, к феям и эльфам..." Из глубины ребенка возникали эти чудесные образы, а не из услышанных и прочитанных сказок и мифов. Да и сказки, как писал еще Гофман, "не оставили бы в нас такого глубокого следа, если бы в душе нашей не существовало самостоятельных, звучащих им в ответ в том же тоне струн".

И мне не раз приходилось убеждаться в том, что дети представляют мир двояко: от взрослых они усваивают рациональное представление о мире, но в глубине их души это мир сказочный и таинственный. Беседуя с шестилетними детьми после кукольных представлений, я увидела, что, непосредственно воспринимая сказку как реальность и ее персонажей как живых, они боятся признаться в этом взрослым: дети усвоили от них, что это "понарошку", не в самом деле. Но почувствовав, что взрослый обсуждает происходящее на сцене как реальное, а персонажей как живых, они с радостью включаются в этот язык сказочного мира: цензура снята.

Подобные явления наблюдаются и в более позднем возрасте. Как пишет об этом С.Ю. Курганов, "сказочно-мифологический взгляд греков на мир близок третьекласснику, усвоившему от взрослых, что земля - шар, но тайно веряющему в существование Деда Мороза".

Все это говорит о том, что, помимо усвоенных от взрослых понятий и представлений о мире и вопреки им, в душе ребенка живет самостоятельный таинственный мир. Он может быть "вытеснен" под давлением воспитания и обучения, но вытеснение лишь обеднит и искалечит душу ребенка, лишит ее творческого потенциала.

Многие ученые писали о необходимости "двуязычия" сознания как основы творчества. А.А. Ухтомский говорил, что детский склад мировосприятия очень важно сохранить взрослому, но он "очень труден, требует постоянного напряжения, удерживается большим трудом, самодисциплиной, осторожным хранением совести". То, что легко ребенку, трудно взрослому. Значит, ему следует не только учить, но и учиться у ребенка. В наш рационалистический век это особенно важно для внутреннего равновесия, расширения сознания и его очищения. "Осторожное хранение совести" открывает вход в эту чистоту детского восприятия мира.

¹ Наш подход отличается от позиции С.Ю. Курганова и др., в которых учитель представлен как равноправный собеседник в классе.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

Вопросы к практическому психологу

Эти вопросы можно задать самому себе или своим коллегам. В них заключается основное содержание книги.

- I
1. Видите ли вы свою задачу в том, чтобы диагностировать и скорректировать личность?
 2. Связываете ли вы успех в своей работе с усовершенствованием методов психодиагностики и психокоррекции?
 3. Считаете ли вы, что от прогресса в развитии технологии психодиагностики и психокоррекции зависит возможность психологического проникновения во внутренний мир личности?
 4. Думаете ли вы, что психолог должен руководствоваться, в первую очередь, объективными показателями?
 5. Складывается ли у вас цельный образ личности из совокупности объективных показателей?
 6. Какова роль вашего внутреннего опыта и интуиции в постановке диагноза и коррекции личности?

- II
1. Видите ли вы свою задачу в том, чтобы помочь человеку самоактуализироваться?
 2. Относитесь ли вы к своему клиенту как к равноправному собеседнику?
 3. Разделяете ли вы принцип "безусловного принятия" собеседника?

4. Способны ли вы к такому принятию любого человека (в том числе лжеца, негодяя, преступника и т.п.)?
5. Высказываете ли вы в общении с клиентами свои нравственные оценки их поступков?
6. Разделяете ли вы идею "относительности" добра и зла?
7. Считаете ли вы, что все возможности человека должны актуализироваться?
8. Не вступает ли ваш клиент в панибратские отношения с вами?
9. Сопереживаете ли вы всему тому, что выслушиваете?
10. Испытываете ли вы чувство усталости и душевного истощения в общении с клиентами?
11. Говорит ли ваш опыт о возможности вполне понять человека путем вчувствования в его внутренний мир?
12. Забываете ли вы себя в общении с собеседником?
13. Знакомо ли вам чувство открытия за внешним обликом человека совсем иного Лица: Лика, очищенного от всего случайного и затемняющего эстетически целостный образ?
14. Если "да", проявляется ли это Лицо в процессе вашего общения с человеком?
15. Отвечают ли вашему уму и сердцу понятия наличное "Я" и духовное "Я"?

III

1. Видите ли вы свою задачу в том, чтобы помочь пробуждению в человеке его "духовного Я"?
2. Различаете ли вы во внутренней речи собеседника голоса наличного "Я" и духовного "Я"?
3. Если "да", поддерживаете ли в общении голос духовного "Я" собеседника?
4. Помогаете ли вы человеку, находящемуся в конфликте со своим духовным "Я", осознать этот конфликт?
5. Стаетесь ли вы поддержать голос совести человека, если его душевный дискомфорт связан с нравственным нарушением?
6. Высказываете ли вы свою нравственную оценку поступков собеседника?
7. Если "да", какими критериями вы руководствуетесь?
8. В ситуации такой нравственной оценки не нарушается ли ваш контакт с собеседником?
9. Не распространяется ли оценка поступков человека на ваше отношение к его личности?
10. Не является ли такого рода оценивание "навязыванием" человеку вашей точки зрения?
11. Часто ли вы слышите от консультируемых радостный возглас: "Я и сам так чувствую (думаю и т.п.)"?
12. Различаете ли вы "моральный" и "нравственный" уровни оценивания поступков?
13. Сохраняете ли вы свою позицию в диалоге?
14. При осознании собеседником нравственной альтернативы не мешаете ли вы его свободе выбора?
15. Испытываете ли вы чувство сопереживания собеседнику?
16. Если "да", относится ли оно преимущественно к наличному "Я" или к духовному "Я" собеседника?
17. Сопереживая состояниям наличного "Я" человека, не "увязаете" ли вы в них?
18. Способны ли вы "отстраиваться" от негативных душевных состояний собеседника, смотреть на них "со стороны"?
19. В ситуациях эмоциональных "взрывов" протesta, недовольства, обвинений со стороны консультируемого удается ли вам сохранить душевное спокойствие и расположение к нему?
20. Если вам удается сохранить позицию объективности и беспристрастности, не нарушает ли это ваш контакт с консультируемым?
21. Не вырабатываются ли у вас определенные стереотипы в работе, "классификации" случаев, готовые фразы и афоризмы?
22. Предпочитаете ли вы творческий процесс, "экспромт" проторенным путям?
23. Стремитесь ли вы подвести собеседника к найденному вами решению его проблемы?
24. Является ли для вас процесс консультирования драмой с неизвестной развязкой?
25. Часто ли ваши собеседники приходят к разрешению жизненных проблем самостоятельно?
26. Часто ли такие самостоятельные решения бывают неожиданными для вас?
27. Возникает ли у вас чувство превосходства над своими собеседниками?
28. Обогащает ли вас духовно общение с вашими собеседниками?

29. Меняется ли характер и стиль вашей речи от одного собеседника к другому?
30. Если "да", являются ли эти изменения преднамеренными или спонтанными?
31. Находите ли вы контакт с людьми различных мировоззрений и религиозных исповеданий?
32. Не возникает ли у вас соблазн скорее "продвинуть" собеседника в духовном плане, "просветить" его?
33. Внимательны ли вы к конкретному "запросу" консультируемого, пусть самому незначительному с вашей точки зрения?
34. Возникают ли у вас личностные взаимоотношения с консультируемым (симпатии, привязанности, дружбы и т.д.)?
35. Характерны ли для вашей деятельности проблемы "переноса"?
36. Если "да", как вы разрешаете эти проблемы?
37. Что более характерно для вас: эмоциональный контакт с собеседником или контакт в плане сознания и сотворчества?
38. Испытываете ли вы в процессе общения с консультируемым творческий подъем, воодушевление?
39. В конце рабочего дня (сессии) вы чувствуете усталость или бодрость?
40. Уверены ли вы в том, что нашли свое призвание в работе практического психолога?¹

Каждую из трех частей этого опросника можно условно обозначить так:

- I - "технологизм";
- II - "гуманистическая ориентация";
- III - "диалогическая ориентация".

Основная часть вопросов каждой группы, переведенная в утвердительную форму, выражает характерные черты данной ориентации. Но несколько вопросов I и II групп носят переходный характер, открывающий возможность осознания проблем, неразрешимых в рамках данной ориентации и требующих перехода к иным принципам. "Ключом" к развертыванию диалога по этим проблемам и является эта книга.

Последняя, наиболее развернутая группа вопросов носит откровенно "наводящий" характер. По существу это вопросительная форма выражения основных принципов диалогического общения. Психологическое консультирование выступает здесь в роли наипростейшей составляющей различных областей практической психологии.

Этот вопросник служит введением в диалог, он - не диагностический, а диалогический, поэтому вопросник принципиально не формализуется. Вопросы можно варьировать, число умножать или сокращать в зависимости от условий и целей, для которых он используется.

Способы использования вопросника также можно варьировать. Допустимо задавать вопросы устно, чтобы видеть реакции собеседника. Письменное заполнение вопросника иногда предваряет беседу консультанта, уже ознакомившегося с ответами. Разрешается усложнять вопросник, вводя показатели степени утвердительных и отрицательных ответов (от "безусловно нет" до "безусловно да"). Кроме того, можно ввести два ряда ответов: "желаемое" и "действительное" и т.д.

Одна из задач диалогического вопросника - подготовка практического психолога "проблемно-диалогическим" методом как для индивидуальной работы, так и для групповой. Оптимальная цель такой подготовки - передача опыта диалогического общения в практике диалога.

Можно ответить на эти вопросы до и после прочтения книги, а потом еще через некоторое время. Сравнение ответов покажет, есть ли продвижение в диалоге.

Культура есть среда, растяющая и питающая личность; но если личность в этой среде голодает и задыхается, то не свидетельствует ли такое положение вещей о каком-то коренном "не так" культурной жизни?

П. А. Флоренский

О научном статусе практической психологии

Психология может изучать все сферы жизнедеятельности человека и быть для них практически полезной. Речь пойдет о практической психологии, связанной с душевной жизнью человека и его личностными взаимоотношениями. И здесь существует множество областей - таких, как психотерапия, психодиагностика, психологическая служба в школе, служба телефона доверия, индивидуальное консультирование и др. При всем разнообразии этих областей их объединяет направленность на душевые трудности и проблемы конкретного человека. Психология консультирования, о чем прежде всего будет рассказано далее, является той наиболее простой областью, которая, будучи включена во все остальные виды практической психологии, содержит в себе ее основные психологические принципы.

Современная психология представляет собой противоречивую картину. С одной стороны, она является продуктом позитивистской ориентации и равняется на методы точных наук, с другой же, стремится проникнуть в глубины субъективного мира личности, недоступного объективным методам. Такие направления, как бихевиоризм, психоанализ, гуманистическая психология, психосинтез и т.д., представляют собой, в сущности, различные науки. За каждой из них стоят своя программа, предмет и метод исследования; и за каждой - принципиально иной "образ человека", особая "картина мира". Что же касается статуса научности, он остается за объективистски ориентированными направлениями. Столь авторитетные науки, как психоанализ и гуманистическая психология, для достижения научного статуса стараются обеспечить себя экспериментальными подтверждениями.

Практическая психология рассматривается как прикладная отрасль "научной" психологии. Деятельность психолога-консультанта не воспринимается как научная работа; в качестве научной оценивается лишь исследование продуктивности этой деятельности, а также ее параметров. Сам же процесс работы консультанта остается вне научного рассмотрения. Это явно не способствует развитию практической психологии - ее методологии, теории, метода, оставляет психолога на произвол его "здравого смысла", личных вкусов и личностных особенностей, что не дает возможности серьезной разработки критериев отбора консультирующих психологов и принципов их профессиональной подготовки. Поэтому вопрос о научном статусе практической психологии далеко не праздный.

Насколько правомерно такое положение дел в психологии? Является ли существующая иерархия ценностей непреложной и универсальной? От ответов на эти вопросы зависит решение задачи о научном статусе психологии консультирования.

Рассмотрим роль "объективных" средств в исследовании личности.

Понимание индивидуальности человека не решается эклектическим набором разнообразных исследовательских процедур и батареи тестов, поскольку главной является задача интерпретации многочисленных показателей, сведения их воедино. Единство личности не сводимо к сумме ее отдельных свойств и совокупности характеристик. Чтобы понять само это единство, необходимо опять-таки проникнуть во внутренний мир, систему смыслов человека, понять его творческую индивидуальность, что оказывается за пределами тестовых процедур.

Однако это не означает, что существующие диагностические процедуры совсем бесполезны для практического психолога. Здесь уместна аналогия психолога с врачом: в той мере, в какой врач лечит не человека, а отдельную болезнь, он может отвлечься от организма в целом и тем более от личности человека. И психолог нередко приходится иметь дело с отдельными симптомами и направлять усилия на их диагностику и коррекцию. Однако даже при таких "парциальных" запросах клиента, как, например, повышенная тревожность или затрудненность в общении, оптимальный путь психокоррекции - не в подборе рекомендации именно к этим симптомам, а в выяснении их места в целостном состоянии личности.

Неприятный для человека симптом может оказаться проявлением или следствием ценных для личности качеств.

Поскольку целое не сводимо к сумме частей, интерпретация исследователя оказывается ведущей по отношению к совокупности полученных показателей. Следовательно, успешность всей

процедуры зависит от способности психолога понять человека в целом, опираясь на отдельные его признаки. Это и является ведущей характеристикой практического психолога. Если она есть - психолог сможет поставить диагноз; если же отсутствует или развита слабо - никакое количество показателей не поможет. Следовательно, профессиональное качество психолога - способность понять личность в целом как особую индивидуальность - является определяющим, а методический арсенал - лишь вспомогательным средством, инструментом, в котором нуждается скорее средний специалист, чем мастер высокого класса.

"Объективность" данных исследовательских методик оказывается, таким образом, весьма сомнительной, поскольку вывод делается не на их основе², а лишь с использованием их, на основе интерпретации исследователя (сами же эти интерпретации могут оказаться весьма различными у разных исследователей).

Хотя основной вывод делается субъектом исследования, существует иллюзия "объективности" такого рода исследования, и ради этой мнимой объективности практические психологи нередко загромождают свою работу разного рода "критериями", которые воспринимаются как основа их работы, тогда как главное в ней остается за скобками. Ядро психологического изучения личности обычно остается не презентированным; способ получения вывода психологически не анализируется; методология этой собственно психологической деятельности не разработана.

Ситуация объясняется тем, что деятельность практического психолога, направленная на целостную личность, в глазах академического психолога не имеет научного статуса. Понимание "научности" в психологии ориентировано на естественно-научную методологию, в которой человек рассматривается как объект исследования, а его субъект - исследователь - принимает всевозможные меры для устранения своего влияния на этот объект. В этой системе диагностика является особой процедурой, отделенной от последующей за ней коррекции.

Такое понимание научности в психологии, а точнее такая установка приписывать статус научности исследованиям естественного типа обусловлена, с одной стороны, еще сохранившимися традициями "марксистской" психологии, а с другой - господством позитивистской ориентации в науке. Необходимо осознать, что психология - это наука о душе человека, т. е. гуманитарная наука, и что помимо естественно-научной методологии существует методология гуманитарных наук.

Рассмотрим те критерии "научности", которые и по сей день служат основой оценки деятельности психолога.

Принцип детерминизма лежит в основе классического научного мышления. Причинно-следственная связь является краеугольным камнем экспериментальной психологии.

Суть этого принципа остается одной и той же при всех его переформулировках: "нелинейный детерминизм" современной науки, психологический детерминизм, "опосредованный внутренними условиями" и т.п. - всякий детерминизм противостоит непредсказуемости, основанной на свободе личностного выбора.

К. Роджерс, основываясь на своей терапевтической практике, а также на экспериментальных исследованиях, пришел к выводу, что чем дальше и успешнее идет процесс терапии, тем менее предсказуемо поведение. Предсказуемое поведение характерно для психически неполноценных людей в силу их ригидности. Это заставило К. Роджерса, остро переживавшего конфликт между приверженностью к точности научного метода в психологии и устремленностью к живой практике общения, высказаться против общепринятого утверждения о том, что целью психологии являются предсказание и контроль над человеческим поведением.³

Авторитет научного мышления, ориентированного прежде всего на физику, сегодня отвергается самими физиками, глубоко переосмысливающими роль своей науки в познании. Знаменательны мысли известного бельгийского физика И.Р. Пригожина, адресованные к представителям гуманитарных наук о том, что физика сегодня не является незыблевой системой законов, она становится "человеческой историей". Физика прошлого уже сыграла свою роль в развитии гуманитарных наук; она обнаруживает также в своей области ряд проблем, свойственных гуманитарным наукам и рассматривавшихся ранее как "ненаучные"⁴. Пригожий говорит о не-универсальности детерминизма: "Детерминизм, представлявшийся неизбежным следствием рационалистической модели динамики, сводится ныне к свойству, проявляющемуся лишь в отдельных случаях"⁵. Отрицание всеобщности, универсальности принципа детерминизма как критерия научности

познания распространяется и на его следствия: предсказуемость и управляемость изучаемых явлений, а также их воспроизводимость в эксперименте. Это универсальность количественного подхода к научным фактам.

Научно-исследовательская психология занимается изучением общих закономерностей психики "человека вообще". Согласно позитивистской методологии, "истинной реальностью для научной мысли обладает только род или вид, но не индивидуум". Даже такой глубокий психолог-клиницист как Г.С. Салливен, руководствуясь авторитетом "научности", принес ей в жертву неповторимую индивидуальность⁶.

Статистические методы в психологии "просеивают" то, что выходит за пределы "среднестатистического человека". Факторный подход к изучению личности, методы тестирования основаны на том же "среднестатистическом" подходе: так, человек высокой нравственности может оказаться "лжецом" согласно опроснику, включающему исполнение нравственных норм, потому что у "среднестатистического" человека "так не бывает".

Эта тенденция к обезличиванию научного знания, характерная для современной культуры в целом, относится и к другим гуманитарным наукам, начинающим ее критическое переосмысление.

Для современной науки характерен процесс "гуманизации" знания, одним из выражений которого служит появление исторического измерения в физике, открытие обратимости времени, изучение возникающих систем, пришедших на смену стабильным, вневременным системам.

Другим важным признаком этого процесса является осознание ведущей роли субъективного фактора в "объективном" познании и неадекватности объективистской установки в физике. После Юма и Канта физика осознает тот факт, что объекты существуют только для определенных субъектов, что частицы и волны - лишь способ описания возможных экспериментов, не вещи сами по себе; эксперимент выражает диалогическое отношение "Я - Оно". Этот субъективный фактор удваивается при осмысливании эксперимента физиком-теоретиком. Таким образом, физика представляет собой социальный феномен, выражает отношения людей друг к другу.

Здесь мы видим движение мысли от монологической модели науки к некоему подобию диалога человека с природой, отражающее тенденции гуманитарных наук.

Методологическим принципом современного естествознания, сближающим его с гуманитарными науками, является принцип симметрии и связанное с ним понимание красоты как критерия истинности теоретического построения. Красота является объективным свойством природы и служит путеводной нитью дляченого.

Как пишет А.Б. Мигдал, "сейчас стремление к единству стало главной тенденцией фундаментальной физики". В поисках "теории Всего" западные физики отваживаются на "безумные" идеи, но, по словам Мигдала, "пока на этом пути сделаны только первые шаги".

Но средствами физики эта задача принципиально неразрешима, поскольку Все немыслимо вне человека.

Целостность "наивной" науки прошлого, такой как наука античная, своими корнями была вплетена в мифологию. Мир для античного ученого и философа был не объектом, а субъектом познания, т.е. включал в себя духовное, нравственное, личное измерение. Так, пифагорейское число было не средством для счета и измерения, а живой индивидуальностью, символом, воплощением определенного смысла: не "Оно", а "Ты". Как видно, это не мешало развитию математической науки. Тот неопровергнутый факт, что древняя, античная, средневековая наука, давшая человечеству "объективные" знания о мире, является плодом обращения к нему как к живому Субъекту, заставляет задуматься над вопросом о познавательной значимости такой целостной установки, с одной стороны, и об ограниченности, ущербности "объектной" установки современной науки, с другой. К психологии это имеет сугубое отношение.

Характеризуя средневековое мышление, С.С. Аверинцев пишет о различных познавательных установках, сосуществующих в нем. Во-первых, каждая вещь может рассматриваться в логике причинно-следственных связей (на современном языке - с позиций детерминизма). Во-вторых, как замкнутая внутри себя структура и форма, феноменологически (аналог современного "системно-структурного подхода"). Наконец, и это наиболее существенная характеристика средневекового мировосприятия, "...она попросту есть.., на этом уровне наличие вещи есть само ее бытие"⁷. Первые две установки можно назвать разновидностями субъект-объектного познания; третья же является

субъект-субъектным отношением "Я - Ты". Эти три установки сознания являются общечеловеческими; культурные эпохи различаются лишь гегемонией одной из них.

Если рационалистическая наука нового времени характеризовалась доминированием причинно-следственной установки познания, довольно сильной и в наши дни, то из всего сказанного можно сделать следующий вывод. Тогда как гуманитарные науки "равняются" на физику в качестве эталона "научности", сама физика проявляет тенденцию к гуманитаризации своей методологии и отказу от детерминистской позиции. Иными словами, современная психология позитивистской ориентации стоит на позициях, отживающих свое время. Поэтому справедливо поставить вопрос о пересмотре системы ценностей в психологии и о принципиально иных критериях "научности", соответствующих не механической, а гуманитарной картине мира.

Все вышесказанное не означает, что объективные методы в психологии отрицаются как таковые. Негативные высказывания по поводу этих методов связаны с неадекватностью в познании и диагностике личности. Однако в человеке есть и "объектные" характеристики, и "механизмы" психики, в изучении которых психология достигла многое. Человеку полезно знать о своих индивидуальных особенностях, сильных и слабых свойствах психики, подобно тому, как не мешает знать и о возможностях своего организма, и о состоянии здоровья. Ко всем этим "объективным данным" он может относиться с той или иной степенью разумности и активности как к условиям своей жизни, которые могут быть им так или иначе изменены или использованы. Но ошибочно относиться к ним как к "гороскопу", претендующему на предсказуемость. Объективная психология может быть полезна и интересна, если она занимает свое место и не претендует на познание "глубин" человеческой души, недоступных и неподвластных ей (кстати, то же относится и к гороскопу).

М. М. Бахтин о проблеме текста как предмета в гуманитарных науках⁸

По мысли М.М. Бахтина, первичной данностью всякой гуманитарной науки является текст. Человек, в отличие от других существ, проявляет себя в высказывании. Его нельзя изучать как вещь, как явление природы; невозможно найти к нему иной подход, как только через "создаваемые им знаковые тексты". "Физическое действие человека должно быть понято как поступок, но нельзя понять поступка вне его возможного (воссоздаваемого нами) знакового выражения (мотивы, цели, стимулы, степени осознанности и т.п.). Мы как бы заставляем человека говорить (конструируем его важные показания, объяснения, исповеди, признания, доразвиваем возможную или действительную внутреннюю речь и т.п.). Повсюду действительный или возможный текст и его понимание. Исследование становится спрашиванием и беседой, то есть диалогом". Эти слова автора "Эстетики словесного творчества" как нельзя лучше характеризуют ситуацию практического психолога и ту реальность, с которой он имеет дело. "Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, это уже не гуманитарная наука (анатомия и физиология человека и др.)".

"Стенограмма гуманитарного мышления - это всегда стенограмма диалога особого вида: сложное взаимоотношение текста (предмет изучения и обдумывания) и создаваемого обрамляющего контекста (вопрошающего, возражающего и т.п.), в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого. Это встреча двух текстов - готового и создаваемого, реагирующего текста, следовательно, встреча двух субъектов, двух авторов".

Единицей анализа текста является "высказывание как смысловое целое". Оно предполагает "ответственность и, следовательно, оценку". Но помимо "второго" адресата, высказывание предполагает "нададресата" - третьего, "абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени".

"Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее безответности". "Услышанность как таковая является уже диалогическим отношением". Но существуют различные степени глубины понимания. Эту глубину понимания Бахтин считает одним из высших критериев в гуманитарном познании.

Подобно экспериментатору в науках экспериментальных, составляющему часть экспериментальной системы (микрофизика), исследователь в гуманитарных науках не является

изолированным от исследуемого. Происходит "диалогическая встреча двух сознаний" и "обрамление чужого высказывания диалогическим контекстом". Понимающий составляет часть понимаемого текста. Некоторые высказывания Бахтина полемически направлены в адрес "объективного" понимания диалога научной лингвистикой. Можно заметить параллелизм этой полемики с нашей критикой методов психологии. Это не случайно, ведь психология, как и лингвистика, - гуманитарная наука, и у нее те же методологические проблемы.

Возражая против упрощенного, одностороннего понимания диалога как противоречия, спора, борьбы и несогласия, Бахтин видит одну из важнейших его форм в согласии.

Все ссылки на фрагменты из текстов разных авторов играют роль не "цитат", а собеседников в диалоге. Выражая свои мысли словами других, автор отдает им предпочтение. Кроме того, согласие в мыслях доставляет радость диалога. Там, где говорится о несогласии с автором, его идеи обсуждаются не ради полемики, а ради большей определенности выражаемой идеи, ее обоснования "от противного".

Интерпретация текста в психологии консультирования

Для психолога-консультанта текстом является развертывающийся во времени процесс речевых и "неверbalных" высказываний собеседника в контексте его ответных реплик (как высказанных, так и невысказанных). Каждая ситуация консультирования может рассматриваться как такая единица текста-контекста. Можно говорить о разных уровнях этих текстов, подобно тому, как существуют различные уровни текстов художественных, философских и т.п. И так же, как оценка этих уровней не является собственно задачей писателя и поэта, а критика-исследователя, так и в практической психологии подобная задача должна стать темой специальных исследований и разработок, весьма полезных для практического психолога. Сам же он является своего рода "автором" в его отношении к "герою" (консультируемому). Подобно "автору" у Бахтина⁹, психолог не является "демиургом", производящим "героя" на свет, а всего лишь "повивальной бабкой" Сократа, помогающей раскрыться сокровенному в человеке. "Роды" могут состояться или не состояться. Когда творческий процесс диалога "разрешился", правомерно говорить о завершенном тексте. Такой текст может иметь достоинство научного факта, открывающего или подтверждающего определенный психологический принцип или закономерность. Существенно подчеркнуть, что "научность" здесь определяется не количеством вопроизведений одного и того же явления, а критерием глубины в диалогическом самораскрытии личности.

Единичный феномен может оказаться представителем определенного типа явлений; в нем могут быть найдены всеобщий принцип или закономерность.

Так, характеризуя особенности теоретического обобщения, В.В. Давыдов ссылается на описанный В.А. Крутецким факт обобщения математических объектов "с места" при анализе одной задачи определенного типа¹⁰. Отдельный эмпирический факт может стать определенной закономерностью. Так, упавшее яблоко стало символом закона всемирного тяготения, феномен "горькой конфеты" говорит психологу о пробуждающемся нравственном конфликте у ребенка. И это не просто привычные ассоциации. Метод теоретического обобщения (в отличие от эмпирического) принципиально требует минимального количества объектов для выведения сущностной закономерности, и таким минимумом является единичный феномен. Это - движение от конкретного, единичного к всеобщему.

При таком методе сохраняется внутренняя связь феномена с его осмысленной сущностью: тождество конкретного и абстрактного. Конкретность индивидуального не менее значима, чем общие закономерности. Когда же речь идет о консультировании, психолог нередко стоит перед проблемой уникальной закономерности.

Подобный принцип научного исследования высказывал Гете в своих научных и философских статьях¹¹. По его словам, "все фактическое есть уже теория". В отличие от эмпирических и научных феноменов, он выделил "proto-феномен" - простейший факт, очищенный от всего случайного и необязательного: закон явлен в нем наглядно; это - предметная истина, "умный опыт".

Чтобы помочь конкретному человеку, необходима установка на неповторимость той закономерности или принципа, которые могут лежать в основе его психических проблем. Может оказаться, что вся эта закономерность всеобща, но движение от всеобщего чревато не только недопустимой априорностью в понимании ситуации, но и невозможностью найти адекватный путь помочи, всегда неповторимо индивидуальный.

"Прото-феномен" Гете и есть символ. Это - не условный знак, а сама реальность. В символе снимаются противоположности "объективного" и "субъективного", "материального" и "идеального", явления и смысла.

Символы, в отличие от понятий, являются языком смыслов. Этот язык наиболее адекватен для практической психологии, поскольку в ее задачи входит понимание личностных смыслов.

"Если точные науки можно обозначить как монологическую форму знания (интеллект созерцает вещь и высказывается о ней), то истолкование символа есть существенным образом диалогическая форма знания: смысл символа реально существует только внутри человеческого общения, внутри ситуации диалога, вне которой можно наблюдать только пустую форму символа"¹². "Истолкование символов, или символология, как раз и составляет внутри гуманитарных наук элемент гуманитарного в собственном смысле слова, т.е. вопрошение о *humanum*, о человеческой сущности, не овеществляемой, но символически реализуемой в вещном; поэтому отличие симво-логии от точных наук носит принципиальный и содержательный характер - ей не просто недостает "точности", но она ставит себе иные задачи... Надо будет признать символ ологою не "ненаучной", а инонаучной формой знания, имеющей свои внутренние законы и критерии точности"¹³.

Символический язык говорит о едином, осмысленном мире - это язык целостного мироизречания. "...Содержание подлинного символа через опосредующие смысловые сцепления всякий раз соотнесено с "самым главным" - с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого "универсума". Уже то обстоятельство, что любой символ вообще имеет "смысл", само символизирует наличие "смысла" у мира и жизни"¹⁴.

Смысл мира не может быть до конца раскрыт и исчерпан в познании. То же можно сказать и о внутреннем мире личности. Поэтому психолог должен отказаться от иллюзии "всепонимания". Он может стремиться лишь к возможно большей правде и глубине диалога, в котором человек свободно открывает неведомую ему самому сокровенную глубину своей души¹⁵.

П.А. Флоренский о символической природе человека и его деятельности

П.А. Флоренский (1882-1943) был энциклопедически разносторонним ученым. Он работал в таких областях науки, как физика, математика, история, филология, искусствознание. Научная психология была предметом пристального внимания Флоренского, и в его трудах содержатся глубоко разработанные идеи, значимые для психологии наших дней. Научный метод П.А. Флоренского можно назвать "комплексным", если иметь в виду не суммирование разнородных научных данных, а органический синтез знаний о человеке. Например, статья П.А. Флоренского об обратной перспективе является одновременно историко-психологическим, психофизиологическим, семиотическим исследованием, не говоря о философском, культурологическом и других аспектах этой работы¹⁶.

П.А. Флоренскому был близок целостный способ мышления Гете, и свое мировоззрение он называл "символическим реализмом".

В современной отечественной психологии "символ" обычно отождествляется со "знаком". Это лишает понятие символа его смысловой глубины.

Идея опосредованности психики орудиями труда - знаками - разработана Л.С. Выготским. Она сопряжена с методологическим утверждением об общественной природе психики. С этим утверждением связано много разногласий и недоразумений, отразившихся в дискуссиях о соотношении "биологического" и "социального" в человеке: целостность человека распалась надвое. Этот дуализм биологического и социального существенно связан со стихийно сложившимся представлением об орудиях и знаках, опосредующих психику, как внешних, чужеродных природе человека. Вопрос о соотношении непосредственного и опосредующего не был предметом особого

внимания Выготского, а его эксперименты по формированию "искусственных понятий" дают повод к толкованию природы орудий-знаков как внешних, чужеродных природе человека¹⁷.

П.А. Флоренский в начале 20-х гг. посвятил этой теме главу своего труда "У водоразделов мысли" под названием "Органопроекция"¹⁸. Орудия труда рассматриваются в этой работе как продолжение тела человека, расширяющее область его деятельности и существования. Уже греческий язык отражает в себе такое понимание: и орудия-инструменты, и расчлененные части человеческого тела названы в нем одним словом: орган. В 1977 г. Э. Капп ввел термин "органопроекция" для выражения идеи подобия технических орудий естественным органам. Флоренский развивает этот подход к миру техники. Смысль этого подхода выражен словами Протагора: "Человек есть мера всех вещей". "Органопроекция" содержит в себе детальное обоснование этой идеи, опирающейся на достижения науки.

Орган нельзя мыслить вне его функции, и Флоренский, вслед за Э. Геккелем, говорит о действии-органе. Именно из единства функции следует сходство орудия с органом; то и другое - целесообразно, т.е. отражает образ цели. Так, потребность в пище порождает соответствующие ей приспособления, решающие ту же задачу, что орган, порожденный этой потребностью: "И техническое приспособление, и орган выдвигаются одною потребностью и строятся одною внутреннею деятельностью. Отсюда понятно их сходство, вытекающее не из поверхностных аналогий, но из тождества их функций. Между органом и орудием, функционально обслуживающим одну задачу, есть и должно быть морфологическое тождество"¹⁹.

XVII в. истолковывал этот факт механически и дуалистически, принимая за исходное механическое приспособление, а организм - за его подобие: "Мир хороший, - совсем как наши машины, - и потому сотворен Существом разумным". Нетрудно понять, что в этих самодовольных словах содержится самообожествление человеческого разума, образующее суть жизнепонимания Нового времени, завершенно раскрывшееся в кантианстве"²⁰. XIX в. открыл организм. Это привело к осознанию того, что механизм должно рассматривать как грубую схему, сколок с какой-либо из сторон бесконечно сложного организма. Основываясь именно на таком понимании, Флоренский приводит свою систему соответствий орудий труда с органами тела человека.

Итак, человек в своей сущности целостен и не распадается на "биологическое" и "социальное". Можно ли перенести идею органопроекции в сферу духовной деятельности и опо-средующих ее орудий? Ответ на этот вопрос содержится в лекции П.А. Флоренского "Культ, религия и культура", прочитанной им в 1918 г. в Москве.

П.А. Флоренский раскрывает культ как деятельность. С точки зрения эмпирической, "культ есть некоторая деятельность человека, именно вид культурной его деятельности, существующей наряду с другими"²¹. Отличие культа как деятельности от других видов культурной деятельности заключается в особенностях орудий этой деятельности: "ибо всякая деятельность осуществляется и проявляется через свои орудия и сама должна быть определена как деятельность орудиестроительная, сам же человек-деятель - ...как существо, строящее орудия... специфически ему принадлежит построение орудий, и в этой именно его деятельности построения орудий лежит его особенность сравнительно с другими животными существами"²².

П. А. Флоренский выделяет три вида орудий. Помимо материальных орудий технической культуры, условно названных "машинами" или "инструментами", существуют менее осязаемые, как бы "воздушные", но не менее реальные и мощные орудия - слова, в особенности понятия. "Слово, "воздушное ничто", есть, однако, орудие мысли, без коего мысль не раскрывается и не осуществляется. Не в переносном смысле, а в самом точном, слова суть орудия. Назовем этот вид орудий понятиями..."²³

Машины-инструменты - очевидны, существуют вполне наглядно, их существование несомненно; но их разумность непосредственно не видна, не очевидна, она выводится путем умозаключения. Понятия-термины, напротив, непосредственно воспринимаются как результат деятельности человеческого разума, но их реальность, воплощенность в материи непосредственно не усматривается. "...Творчество разума распадается на производство вещей, смысл коих не нагляден, и на производство смыслов, то есть чистых деятельности разума, реальность которых, вхождение которых в природу - не очевидна". Необходимо доказывать осмысленность вещей и овеществленность смыслов.

"Предметы культа суть осуществленное соединение временного и вечного, ценности и данности, нетленного и гибнущего. В этой антиномичности их - их существенное свойство"²⁴. Это противоречие человеческой деятельности вообще, но в орудиях культа оно выявлено предельно. "Человек - сам живое единство бесконечности и конечности, вечности и временности, безусловности и тленности, необходимости и случайности, узел мира идеального и мира реального, "связь миров" (Державин), и он не может творить иначе, как свои же подобия, то есть такие же противоречия горного и дальнего, каков сам он"²⁵.

Эти идеи П.А. Флоренского завершают наше обсуждение проблемы символа. В них символ предстает как синтез разумного, чувственно-образного и действенного. Это соответствует классическому триединству разума, чувства и воли, которое выражает гармонию человека и его деятельности.

"Органопроекция" П.А. Флоренского является примером символологического исследования человека и его орудийной деятельности.

Итак, практическая психология - это самостоятельная гуманитарная наука со своей методологией. Она не является производной от психологии "объективных исследований" - ни по происхождению, ни по содержанию. Следовательно, ее нельзя считать "прикладной" отраслью академической психологии. Корни ее уходят в глубокую древность, и одна из задач практической психологии - изучение своего духовного и исторического контекста. И здесь ведущим является диалогический принцип и метод "символологии".

Диалогическое отношение к культурным текстам предполагает проникновение в их символическую глубину. Лишь на этой глубине открывается то неистощимое богатство духовное, которое способно утолить душу человека.

Серьезной задачей практической психологии является приобщение личности к духовному опыту человечества, "вытесненному" интеллектуальной "цензурой" экстравертированной цивилизации.

¹ Аналогичные вопросы могут быть составлены и для других ориентации: психоанализа, аналитической психологии и др.

² М.М. Бахтин писал об аналогичной ситуации в лингвистике, где сквозь объективные методы "контрабандой" протаскивается основное - внелингвистическое содержание субъект-субъектного характера (См.: Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979.)

³ Polany M. Man and the science of man. - Columbus (Ohio), 1963.

⁴ Пригожий И.Р. Переоткрытие времени // Вопросы философии. № 8. - С. 5.

⁵ Там же. - С. 4.

⁶ Sullivan H.S. The illusion of personal individuality // Psychiatry. - 1950. -Vol. 13.

⁷ Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. - М., 1977.

⁸ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М., 1979. - С. 281-307.

⁹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. - М. , 1979.

¹⁰ Давыдов В. В. Проблемы развивающегося обучения. - М., 1986. - С. 152-153.

¹¹ Гете И. В. Избранные философские произведения. - М., 1970.

¹² Аверинцев С. С. Символ //Краткая литературная энциклопедия. 1971. - Т. 6. -С. 828.

¹³ Там же.

¹⁴ Аверинцев С. С. Символ //Краткая литературная энциклопедия. 1971. - Т. 6. - С. 826-827.

¹⁵ Флоренский Я. А. Особенное. - М., 1977. - С. 13.

¹⁶ Флоренский П. А. Особенное. - М., 1977. - С. 13.

¹⁷ Выготский Л. С. Собр. соч. в 6 т. - М., 1984. - Т. 2.

¹⁸ Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство СССР. - 1969. - № 12.

¹⁹ Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство СССР. - 1969. - № 12.

²⁰ Флоренский П. А. Органопроекция // Декоративное искусство СССР. - 1969. - № 12.

²¹ Флоренский П. А. Из богословского наследия // Богословские труды. 1977. - Т. XVII. - С. 101.

²² Там же. - С. 101-102.

²³ Флоренский П. А. Из богословского наследия // Богословские труды. 1977. - Т. XVII.- С. 102.

²⁴ Флоренский П.А. Из богословского наследия // Богословские труды. - М., 1977. - Т. XVII - С. 107.

²⁵ Там же.

ПСИХОЛОГИЯ КАТАРСИСА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ

Истинно, истинно говорю вам: если пшеничное зерно,
пав на землю, не умрет, то останется одно;
а если умрет, то принесет много плода.

Иоан. 12, 24

Оживотворение души

В религиях разных народов умерший бог воскресает. Этот универсальный закон возрождения жизни отражен и в весеннем оживании природы, и в возрождении колоса из захороненного в земле зерна, и в возрождении души человека. Разные грани этой вечной темы отражены в мифах.

Все знают миф об Орфее, певце Аполлона. Его искусство покоряло и людей, и природу; звучание его лиры приводило в движение скалы и деревья, усмиряло морские волны; лира Орфея умиротворяла и гнев человека. В музыкальном состязании с Сиренами во время похода Аргонавтов пение Орфея победило обольстительные голоса служительниц Титанов: прекрасное искусство спасло Аргонавтов от гибели, а злые Сирены бросились в море и исчезли навсегда.¹

Эвридики, супруга Орфея, умирает от укуса змеи, и певец отправляется за ней в Царство мертвых. И там лира его совершает чудеса: она усмирила чудовищ, умилостивила мстительниц-Эриний и покорила владыку Аида. Растроганная Персе-фона разрешила Орфею вернуть на землю Эвридику, но с условием, чтобы он не оглядывался на тень своей жены и не вступал с ней в беседу, пока не выйдет на свет дневной. Орфей, не выдержав, обернулся назад - и Эвридикиа исчезла в Царстве мертвых.

Трагичен конец самого Орфея. Его растерзали Менады, разгневанные отказом участвовать в их оргии (в другом варианте - за то, что он избегал женщин).

Вся природа оплакивала своего певца. Снова спускаясь в Аид, Орфей навсегда соединяется с Эвридикой. Не найдя счастья на земле, они поселяются на Олимпе, приобщившись к сонму богов.

В Орфее, спускающемся в Аид, христиане первых веков видели прообраз Спасителя. На стенах катакомб изображался прекрасный юноша, укрощающий диких зверей игрой на арфе.

Красота и гармония искусства спасительны для человека, они умиротворяют его душу и очищают от дурных наклонностей и страстей.

По свидетельству древних, Пифагор владел искусством гармонизировать, умиротворять душевые состояния, исправлять дурные наклонности посредством музыки: "Существовали те или иные мелодии, созданные против страстей души, против уныния и внутренних язв, которые (мелодии) он, очевидно, считал наиболее способными помочь. Другие, в свою очередь, против раздражения, против гнева, против всякой душевной нечистоты"².

Орфей спускается в Аид, чтобы вывести из него Эвридику (а не для того, чтобы остаться там). Так и искусство: оно призвано духовно возвышать человека, а не погружать его в низины темных страстей. Художник не должен идти за публикой и ее вкусами, оглядываясь на ее запросы и мнения. Спускаясь в ад человеческой души, он призван вывести ее из этого ада. И тут от него требуется духовное мужество идти вперед, к духовному свету, не оборачиваясь вспять³.

Только в духовном мире - на Олимпе - соединяется Орфей с Эвридикой. Так навеки сочетаются дух и душа.

Теоретические проблемы психологии катарсиса

В науке проблема катарсиса как "очищающего страдания" обсуждается со времен Аристотеля. Он употребил этот термин с связи с определением трагедии как жанра, совершающего "... путем сострадания и страха очищение подобных аффектов"⁴. Загадочность этого высказывания и неполнота дошедшего до нас текста породили множество интерпретаций. Комментарии к теории по поводу этого текста начались с XVI в. и продолжаются доныне.

Обходя вопрос о толковании текста Аристотеля, мы последуем за Л.С. Выготским: "...Несмотря на неопределенность его (понятия "катарсис". - Т. Ф.) содержания и несмотря на явный отказ от попытки уяснить себе его значение в аристотелевском тексте, мы все же полагаем, что никакой другой термин из употреблявшихся до сих пор в психологии не выражает с такой полнотой и ясностью того центрального для эстетической реакции факта, что мучительные и неприятные аффекты подвергаются некоторому разряду, уничтожению, превращаются в противоположные и что эстетическая реакция как таковая сводится к такому катарсису, то есть к сложному превращению чувств"⁵.

Однако эта проблема не сводится к психологии эстетической реакции. Эмоциональная трансформация - превращение отрицательных эмоций в положительные - важна для нас не как область психологии чувств, а в связи с целостным изменением личности, преодолением страданий и претворением их в радость.

Эту тему выразил А. Блок в поэме "Роза и Крест":

*Сердцу закон непреложный –
Радость-Страданье одно...*

Здесь катарсис - не просто "трансформация чувств", это - духовное преображение личности. Если человек способен переживать страдание и смерть как радость - значит, есть духовная жизнь, которая сильнее страдания и смерти.

* * *

В позитивистской науке понятие катарсиса утратило свой духовный смысл. С XIX в. господствующими становятся теории катарсиса как "разрядки напряжения"⁶. Катарсис редуцируется до физиологической реакции. Согласно наиболее популярной "медицинской теории" Я. Бернайса, катарсис всего лишь синоним греческого термина "куфисис", что означает телесное облегчение от аффектов вследствие их максимального возбуждения.

Импонируя позитивистскому мышлению, теория катарсиса как "разрядки" одновременно вдохновлялась философией Ницше, воспевшего дионасийское опьянение, с его выходом в сферу сверх-личного, безличного, уводящего от "ужасов жизни"⁷. Подобно этому, "дионасийская" теория Вяч. Иванова акцентирована на оргиастическом раскрепощении страстей, оставляя в тени аполлоновское начало греческой культуры с ее гармонией, мерой, разумностью⁸.

Эти идеи развивались в унисон с психоанализом Фрейда, основой которого является "отреагирование" вытесненных аморальных влечений, якобы изначально движущих поведением человека. Этот подход в современной психологии является преобладающим. Поэтому необходимо "реставрировать" идею катарсиса в ее первоначальном, духовном смысле, очистив ее от затемняющих поздних наслоений.

Обсудим вопрос о соотношении катарсического метода психоанализа и катарсиса в его историко-культурном смысле. Их центральным отличием является отношение к нравственным нормам и ограничениям.

Для Фрейда нравственные нормы и ограничения выступали как внешняя необходимость, приводящая в конечном счете к невротизации личности и общества в целом ("Будущность одной иллюзии", "Неудобство культуры"). Катарсис, по Фрейду, состоит из отреагирования вытесненных этими нормами и ограничениями биологических влечений, имеющих антиобщественный характер. Поэтому, как думал Фрейд, человек в глубине души враждебен культуре и ее ограничениям. Пытаясь

понять происхождение нравственных норм и ограничений, Фрейд обращается к первобытному тотемизму ("Тотем и табу")⁹.

Интересно в этой связи обратиться к самосознанию наших предков: как они рассматривали общественные запреты - табу?

Об этом пишет в своем семиотическом исследовании В.В. Иванов: "Регулирование человеческого поведения системой запретов рассматривалось самими древними как то, что отличает человека от животных". Об этом свидетельствует приведенный им текст древних кельтов: "1. У нас все в порядке, когда мы ограничиваем себя, участвуем в соблюдении табу... 2. Наши дети, вот из-за кого приходится соблюдать табу. Это не то, что приплод у животных... 4. Приплод тапира - это совсем не то (что наши дети), его возвращают без соблюдения табу. 5. Мы - это те, кто соблюдает табу, очевидно, именно потому, что мы люди. 6. Они же совсем не такие, очевидно, именно потому, что они именно подобные создания, потому, что они те, кто не соблюдают табу". Такова своего рода "теория антропогенеза" наших предков. В нем мы не видим ни тени "враждебности культуре". Человек ограничивает себя ради рода: "Наши дети, вот из-за кого приходится соблюдать табу" (а не ради собственной безопасности в обществе, как думал Фрейд).

Перейдем к вопросу об отношении древнего человека к нарушениям табу. В Философской энциклопедии этот вопрос освещает С. Токарев: "Нарушение табу влекло за собой магическую опасность - скверну, от которой необходимо очиститься, чтобы не навлечь опасность на себя и окружающих. С магией табу тесно связана очистительная (катарсическая) магия..."¹⁰

Такова же неизменная тема античной трагедии, генетически восходящей к очистительной магии - нарушение табу и связанные с ним страдания или гибель преступника (кровосмешение Эдипа навлекло моровую язву на его народ, и залогом избавления было обнаружение преступника и его наказание - изгнание из города). Очищение понимается как изгнание скверны в лице ее носителя.

Как в первобытной магии, так и в трагедии, вредными, "патогенными", являются не запреты влечений, а нарушения запретов. Сами же запреты и ограничения оцениваются как благотворные ("у нас все в порядке, когда мы ограничиваем себя, участвуем в соблюдении табу"). Такова существенная разница между катарсисом историко-культурным и психологической "разрядкой напряжения".

Необходимость самоограничения, полагания внутренних пределов входит и в понятие "самоопределение", корень которого - предел. Неопределенный человек - тот, в ком нет внутренней системы сознательных самоограничений.

Реализация духовного "Я" человека сопряжена с необходимостью сознательно принятых нравственных норм и ограничений. И сама эта необходимость осознается человеком в той мере, в какой он приобщается к своей духовной сущности.

Способность к самоограничению вплоть до самоотвержения является мерилом духовного развития человека.

Понимание катарсиса как исцеления через осознание было высказано Фрейдом вслед за Брейером, достигшим излечения пациентки от истерических симптомов путем воспоминаний о неотреагированных переживаниях в состоянии гипноза. Сам по себе этот замечательный феномен не вызывает сомнения: очевидно, в данном случае произошел синтез диссоциированных уровней личности.

Психологическая проблема, однако, заключается в том, как возможен синтез, реабилитация ранее неприемлемых для личности переживаний (вне гипноза). Это вопрос о примирении и интеграции непримиримых содержаний психики.

Понимание катарсиса как "отреагирования" вытесненных влечений означает ликвидацию напряжения влечений, энергетический разряд. Оно сопряжено с фрейдовской установкой на регressiveный характер всего живого, якобы стремящегося к первоначальному неорганическому состоянию, т.е. к смерти¹¹. Теория Фрейда сконцентрирована на освобождении энергии бессознательного, а его метод - на путях обхода "сопротивления" и расшифровке вытесненных переживаний пациента. Аналитическая изощренность Фрейда в этом процессе погружения в душевные низины не уравновешена синтезом личности, что адекватно отражено термином "психоанализ"¹². Понятие "сублимации" у Фрейда тоже носит энергетический характер: это переключение энергии влечений на более высокие цели. По существу сублимация лишь констатируется Фрейдом: в рамках его теории она необъяснима. Ведь для переключения энергии

влечений на более высокие цели необходимо энергетическое преобладание более высокой цели. Но оно невозможно, коль скоро энергетическим резервуаром является подсознательное "Оно" изначально аутичного субъекта. По этой логике освобожденные влечения, обладая более сильным энергетическим потенциалом, должны подчинить себе сознание, а не наоборот. В этом случае "катарическое" освобождение влечений могло бы лишь разрушить личность.

Фрейд прежде всего озабочен высвобождением энергии бессознательного. Но само высвобождение и дальнейшее направление этой энергии обусловлено содержанием сознания. Неразработанность этой содержательной стороны психоанализа Фрейда, очевидно, связана с проблемой мировоззрения.

Искусство, согласно Фрейду, также служит компенсации вытесненных влечений, поэтому произведения искусства анализируются им с точки зрения "разоблачения" влечений. Там, где человек и его психика ограничиваются "наличностью" и "подспудностью", такое понимание искусства и творчества неизбежно. Все выходящее за пределы сексуальной динамики, по Фрейду, несущественно: не существует как самостоятельная реальность. Духовность, художественность, прекрасное остаются за бортом психоанализа.

* * *

Теорию катарсиса как эмоциональной разрядки Л.С. Выготский развил, исходя из структуры художественного произведения.

Анализируя психологию эстетической реакции на материале басни, как "малой драмы", Выготский ищет "психологический механизм" катарсиса, исходя из формы басни. Он обращает внимание на два противоположно направленных плана: "... Всякая басня, и, следовательно, наша реакция на басню, развивается все время в двух планах, причем оба плана нарастают одновременно, разгораясь и повышаясь так, что в сущности оба они составляют одно и объединены в одном действии, оставаясь все время двойственными"¹³. Так, в "Вороне и Лисице" чем сильнее лесть, тем сильнее издевательство - в одной и той же фразе. В "Стрекозе и Муравье" - чем сильнее беззаботность, тем остree и ближе гибель. В басне - разрядка двойственности чувств, которая все время нарастала: "Поди же, попляши" означает и - "резвись", и - "погибни". Аффективное противоречие и его разрешение в коротком замыкании противоречивых чувств составляют истинную природу нашей психологической реакции на басню¹⁴. Это аналог трагического катарсиса: "В трагедии мы знаем, что два развивающихся в ней плана замыкаются в одной общей катастрофе, которая знаменует и вершину гибели, и вершину торжества героя. Трагическим обычно называли психологи и эстетики именно такое противоречивое впечатление, когда высшие минуты торжества нашего чувства падали на окончательные минуты гибели. То противоречие, которое выразил Шиллер в известных словах героя: "Ты возвышаешь мой дух, ниспровергая меня", применимо к нашей басне" ("Волк на псарне". - Т.Ф.)¹⁵. "...От басни до трагедии закон эстетической реакции один: он заключает в себе эффект, развивающийся в двух противоположных направлениях, который в завершительной точке, как бы в коротком замыкании, находит свое уничтожение". "В этом превращении эффектов, в их самосгорании, во взрывной реакции, приводящей к разряду тех эмоций, которые тут же были вызваны, и заключается катарсис эстетической реакции".

Вслед за Шиллером Выготский видит сущность эстетического катарсиса в "уничтожении содержания формой". "...Именно формой достигает художник того эффекта, что содержание уничтожается, как бы погашается"¹⁶. Так, печальная драма прощания Гектора умирает ритмом гекзаметра; мрачный сюжет рассказа Бунина об убийстве и страсти просветляется эпическим спокойствием авторской интонации, дающей "легкое дыхание".

Таковы основные идеи Л. С. Выготского о психологической природе катарсиса. Остаются, однако, вопросы: действительно ли искусство, говоря словами Выготского, является средством для "разрядов нервной энергии"? Если даже ограничиться энергетическим аспектом вопроса, то не служит ли искусство, напротив, средством, "заряжающим" нервную энергию? А может быть, все дело в том, что искусство призвано гармонизировать человека? Будем говорить пока об искусстве трагедии, которое относится к области высокого искусства, искусства возвышающего. Этим оно существенно отличается от комедии, басни и других жанров¹⁷. По-видимому, эта характеристика трагедии связана с тем, что ее задача - перевести состояние зрителя-соучастника на новый уровень переживания и осознания: возвысить его. Переживание трагического действия приводит не к "разрядке" нервной

энергии, не к "погашению" и "уничтожению" аффектов, а к их преобразованию: гармонизации. Зритель уходит не "разреженным", а "наполненным" и "воодушевленным".

Утверждение о противоположности формы и содержания в искусстве является лишь эмпирической констатацией. Само по себе оно не вскрывает сущности и психологической природы эстетической реакции, но содержит проблему, требующую разрешения. Ведь форма в искусстве - это форма своего содержания, средство именно его выражения. Если же форма противоречит содержанию, значит, оно не выражает это содержание. Иначе - это не искусство. Противоречие фабулы и формы действительно существует, и примеры, приведенные Л.С. Выготским, могут быть умножены.

Но какое же содержание отражается формой, если этим содержанием не является фабула? Очевидно, форма отражает содержание художественного произведения на уровне его духовного смысла. Форма ведет зрителя от внешнего хода событий к раскрытию его внутренней, сокровенной сущности. И только тогда, когда противоречие внешних событий и смысла происходящего предельно выявляется и "снимается" в трагической кульминации, происходит тот переход на иной - духовный - уровень осознания, который объединяет трагического героя и зрителя в возвышенном переживании катарсиса¹⁸.

Далее следует психологическая проблема: почему противоречие разнонаправленных тенденций в искусстве приводит к их примирению? Ведь обычно такое противоречие вызывает внутристихий конфликт, а не разрядку напряжения. Едва ли можно ответить на этот вопрос на основе лишь формально-энергетической характеристики эмоциональной динамики катарсиса.

И наконец, почему отрицательные эмоции превращаются в положительные? Ведь речь идет не просто об избавлении от напряжения и чувстве облегчения. Переживание катарсиса - это духовная радость, чувство открытия вечного смысла бытия. Страдает эгоистическое наличное "Я"; радуется человек встрече с духовным "Я".

Осуждение и жертва

Сторонники теории катарсиса как разрядки напряжения для подтверждения и обоснования своей точки зрения обращаются к древним празднествам и обрядам очистительного характера.

Историческому анализу катарсиса посвящено исследование О.Р. Арановской "О фольклорных истоках понятия "катарсис". "Происхождение драмы связано с праздниками карнавального типа или праздниками обновления (новогодние обряды, масленицы, римские сатурналии, греческие дионасии, медвежьи праздники и др.). Все эти праздники имеют очистительные обряды. "Очистительные ритуалы всего мира включают перенесение скверны на иной объект и изгнание нечистой силы, так называемый экзорхизм"¹⁹.

Арановская говорит о связи катарсических празднеств с генезисом драмы. Греческая трагедия - "трагедия суда": все ее действие - в узнавании виновников события; финал - исход или изгнание трагической жертвы; ее герой без вины виновный, "нечаянный" преступник. "Таким образом мы приходим к выводу, что катарсис есть общая единая функция трагедии и обряда, магический смысл ее - симуляция процесса, которого требуется избежать"²⁰.

Можно увидеть структурные сходства первобытных культов с греческой трагедией и даже с христианской религией, но смысл их несопоставим.

Апостол Павел пишет: "Язычники, принося жертвы, приносят бесам, а не Богу" (Кор. 10, 20-22).

Искупительная Жертва Господня - воплощение на земле Сына Божия, взявшего на Себя грехи всего человечества, чтобы Крестными страданиями на Голгофе искупить мир.

Насильственное принесение в жертву человека²¹ в языческих ритуальных праздниках - зло, "бесовская жертва". Пока в мире действует зло, в жертву приносятся лучшие сыны человечества. Но зло не может торжествовать окончательно: духовные заветы тех, кто шел на жертву ради Истины, остаются жить, приводя к раскаянию их гонителей. Накануне Своих Крестных страданий Христос сказал ученикам: "Если меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше" (Иоан. 15, 20).

* * *

Стремление к осуждению, изгнанию и уничтожению того, кто духовно выше "массового сознания", имеет и свои психологические корни. А.А. Ухтомский видит в этом проявление "доминанты на себя" и порождаемого ею Двойника: "... Везде, где человек осуждает других, он исходит из своего Двойника, и осуждение есть, вместе с тем, и тайное, очень тонкое, тем более ядовитое самооправдание, т.е. успокоение на себе и на своих точках зрения! Самооправдание же и успокоение на себе и на своих точках зрения (доминанта на Двойника) застилает глаза на реальность, и тогда наступает трагедия: люди не узнают Сократа, объявлуют его вредным чудаком, заставляют его поскорее умереть!"²²

Люди не узнают Сократа потому, что он слишком "другой" - и другого они не способны увидеть. Все другое, отличное воспринимается как странное, чуждое - и изгоняется. Изгнав свою духовную сущность, человек изгоняет тех, кто является ее носителями.

Сократ - не просто другой. Он призывает сограждан к личной ответственности, пробуждает их совесть как главный критерий справедливости; он нарушает сложившиеся устои их жизни - и поэтому его осуждают². Но идеи Сократа уже вошли в их жизнь, стали жить после его смерти - и Сократ был оправдан, приведя к раскаянию своих обвинителей. Так история осуждения и оправдания Сократа воспроизводит архетип осуждения и жертвы. Его содержание и смысл не подтверждают теории катарсиса как "разрядки напряжения".

Катарсис греческой трагедии

Греческая трагедия учит человека и воспитывает его нравственно. В каждой трагедии отражен всеобщий закон "преступления и наказания" - закон справедливости. Нарушение закона карается Зевсом, и кара эта неотвратима. Бог учит людей страданиями:

*Через муки, через боль
Зевс ведет людей к уму,
К разумению ведет...*

Эсхил

Страдание очищает человека, сокрушая его гордыню, самоуверенность, высокомерие, научая его, как говорит Эсхил, "поневоле":

*Неотступно память о страданье
По ночам, во сне щемит сердца,
Поневоле мудрости уча...*

Главным действующим лицом греческой трагедии является Рок, судьба. В сознании древних греков, как и других народов древности, господствовала вера в неотвратимость рока. Человек чувствовал себя подвластным судьбе, предопределяющей его поступки и течение жизни. Это чувство бессилия перед роком лишало человека возможности осознать свой главный дар - свободу и связанную с ней ответственность. В самосознании древнего грека сам грех воспринимался как следствие рока, судьбы. Понять рок как следствие поступков самого человека, закономерно влекущих одно злодеяние за другим и в конце концов ведущих к гибели, могли лишь духовно озаренные гении эллинской культуры. Среди них - создатели древнегреческой трагедии.

Искусство трагедии, своими корнями уходящее в религиозные мистерии и мифы, является средством очищения, катарсиса. Греки считали, что недостатки людей исправляются путем очищения; от физического уродства очищает гимнастика, от болезней - медицина, от нравственных же недостатков - культура. Красота почтаслась эллинами как божественное проявление. Творцы прекрасного вдохновлялись богом Аполлоном и Музами. Поэтому красота исцеляет душу человека.

Искусство трагедии, очищая от страстей, открывает путь к осознанию духовных законов справедливости и добра, а также наказания за содеянное зло. Сопереживая герою трагедии, человек соотносил свою жизнь с его судьбой.

Слово "герой" родилось в Элладе. Герои трагедий - это не святые; они, как и все люди, наделены пороками, совершают роковые ошибки. Но все герои мужественны; это качество было отличительной чертой греческого народа. Оно проявляется в борьбе героев трагедии со злом в окружающей жизни и в своей душе. Герои своим мужеством прокладывали человечеству путь к освобождению от зла и, что особенно важно для греческой культуры, освобождению от рока.

"Отец трагедии" Эсхил посвятил свою трагедию "Орестея" борьбе человека с беспощадным роком. В этой трагедии показана цепь злодеяний преступных царей. Одно зло влечет за собой другое. В первой части трилогии царица Клитемнестра убивает своего мужа Агамемнона; во второй части сын Агамемнона Орест убивает мать, чтобы отомстить за отца, и навлекает на себя кару богов. В третьей части Ореста преследуют Эринии, богини мщения.

АгамемNON несет на себе бремя преступлений своего рода. Его отец Атрей, пригласив своего брата на трапезу примирения, подал мясо его детей, зарезанных им же. Эти и другие страшные преступления определяют судьбу Агамемнона. Эсхил показывает в этой трагедии, что все люди связаны между собой, никто не отвечает только за себя, но и за свой род, свою страну, за все мироздание. Так преступления отцов падают на детей, и это создает то, что греки называли роком. Но со злом можно и необходимо бороться; в этой борьбе человек может разорвать цепь злодеяний, создающих рок, и вырваться из его власти - освободиться от рока.

Эсхил показывает в "Орестее", что человеку дается возможность выбора. Так, АгамемNON был поставлен перед выбором между любовью к дочери и победой в войне: по предсказаниям оракула, флот Агамемнона не мог плыть к цели, если он не прольет кровь своей дочери, и царь совершил это убийство.

*Умыслив зло, смертный смел: одержим
Недужный дух жестокая ярость.
Вот семя греха и кар!
Дочь обрекает на казнь отец,
Братнего ложа мститель, -
Ради войны с врагами!*

За этим преступлением следуют еще более тяжкие: пролив кровь дочери, царь проливает еще много крови своего народа в напрасной войне. Смысл предсказания оракула мог быть понят так: "Остановись, не проливай кровь!"

Самому убийству Агамемнона его супругой предшествовало испытание, открывающее возможность выбора. Клитемнестра, зная о могуществе богов, готовит западню мужу: она приказывает слугам расстелить пурпурный ковер, на который не смеет ступить нога даже победителя Трои; эта честь воздается только богам, когда изображения их несут во время шествий. АгамемNON поддается соблазну, ступив на ковер богов. Дерзнув сравняться с богами, он попадает во власть рока. Честолюбие, движущее им в убийстве дочери и в кровопролитной войне, подвигло царя на этот самоубийственный шаг.

Орест становится орудием возмездия. Но убийство матери - хотя и преступной - влечет за собой кару. Эринии, богини мщения, требуют на суде смерти Ореста: в ответ за пролитую кровь должна быть пролита кровь виновного²⁴.

Человек своими силами не может прекратить цепь преступлений; это возможно лишь благодаря помощи свыше. Защитником Орестея становится Аполлон - бог солнца и света, он просит оправдания Ореста. Голоса судей разделились поровну. Лишь благодаря божественному милосердию Орест спасен. Афина, сама божественная премудрость, присоединила свой голос к тем, кто оправдывал Ореста. Рок побежден божественным милосердием.

Трагедия человечества и путь преодоления греха раскрыты в образе царя Эдипа великим Софоклом. Путь Эдипа - это путь духовного преображения каждого человека. Преступление Эдипа - отцеубийство и кровосмешение с матерью - предсказаны оракулом. Но он не знает, что убитый в

драке человек - его отец, а жена Иокаста - мать ему. В мучительных поисках преступника, грех которого навел моровую язву на подвластный ему народ, Эдип вдруг осознает, что преступник - он сам. Боги назначили ему изгнание наказанием. Но Эдип сам определяет меру своего наказания: выкалывает себе глаза. Это - поступок свободного человека.

Самоослепление Эдипа говорит о духовной слепоте человека, ничтожности его разума, направленного на внешнее знание, "оче-видность" как видимость телесных очей²⁵. Этим Эдип приводит в соответствие свое состояние человека, обманутого внешней мудростью и зрячстью, с истинным положением вещей: он наглядно выражает свою духовную слепоту, ослепленность знанием, славой и властью. Такова сила раскаяния Эдипа²⁶. Но сам этот поступок является выражением внутреннего прозрения и залогом мудрости и прозорливости Эдипа в Колоне. Не случайно вещие мудрецы Эллады были слепцами: таковы Гомер, Тиресий, Демодох. Знаменательно, что слепота была дана Тиресию одновременно с пророческим даром.

Жертва Эдипа является искупительной не только для него. Его преступление, совершенное бессознательно, оказывается роковым следствием цепи злодеяний, начатой другими, но он сознательно решается исправить это зло, взять вину на себя. Искупительная жертва Эдипа становится подвигом самоотвержения во имя избавления людей от зла.

После своей смерти Эдип приобщился к сонму героев, покровительствующих Афинам и Греции, он снискивает славу праведника и становится благодетелем своего народа, чутящего его память.

Если в трагедии Эсхила "Орестея" спасение героя, его очищение от зла совершалось благодаря божественному милосердию Аполлона и Афины, то катарсис Эдипа - путь покаяния человека.

Специалист по древнегреческой культуре может упрекнуть меня в не-историчности такой интерпретации трагедий Эсхила и Софокла и будет по-своему прав. Но моя задача была не в том, чтобы показать, как осознавался смысл этих трагедий самими зрителями античного театра - это тема для исторической психологии. Гениальное произведение искусства создается не только для его современников, оно живет в веках именно потому, что говорит о вечном и общечеловеческом. Символика мифов и трагедий воспринимается и истолковывается различно²⁷. И каждая культура способна увидеть новую грань в ее осмыслении. Это и есть диалог культур. Благодаря ему наследие прошлого не просто остается, но продолжает жить в общении с новыми поколениями.

"Милосердие" и "покаяние" - это, конечно же, слова, говорящие о христианском пути очищения души. Но в том и состоит неувядывающая мудрость мифов и гениальность создателей трагедий, что в них сказано о вечном в образах своего времени.

Историческим свидетельством вечности смысла, который несет в себе миф и трагедия об Эдипе, является древнерусская повесть о житии христианского святого преподобного Андрея Критского²⁸.

Его судьба необычайно сходна с судьбой Эдипа: и он убил нечаянно отца и по неведению женился на своей матери, и ему ангел предсказал будущие тягчайшие преступления, когда он родился.

Узнав о своем невольном преступлении, Андрей не отчаялся и не ослепил себя. После прихода Сына Божия на землю человечество стало зрячим и получило способность благодатного исцеления. Андрей пришел в монастырь, исповедал свой грех, и настоятель повелел направить великого грешника в ров, чтобы Господь Сам решил, может ли он быть прощен. Долгое время провел Андрей в покаянных слезах. И когда настоятель повелел узнать, что стало с тем великим грешником, ему сообщили, что Андрей чудесным образом сохранен и даже поет покаянные песнопения и псалмы. Слезами и покаянием Андрей искупил свой невольный грех. Это покаяние родило величайший памятник песнотворчества кающегося человечества - Великий покаянный канон преподобного Андрея Критского, который читается и поется в православных храмах на первой неделе Великого поста. Так Андрей стал преподобным Андреем, святым Церкви Христовой. И не случайно он жил в Греции, ибо его судьба явилась завершением и исполнением чаяний Эллады, открытым для всего человечества.

Очищающая жертва как основа культа

Жертвоприношение - очистительная жертва - лежит в основе религиозных культов. Именно в этом исследователи видят сущность греческой трагедии, смысл гибели ее героев.

Здесь нередко возникает характерная для научного интеллекта тенденция объяснять исторические факты с позиций "детерминизма" и редуцировать их к архаическим примитивным формам. Эта тенденция логически вытекает из "плоскостного" понимания истории вне вечного, духовного измерения. Такова и методология "научного атеизма". Религиозный культ и священные тексты толкуются согласно логике: у примитивных народов это уже было, следовательно, это невежество, "пережиток прошлого". При этом марксисты забывают о вполне справедливом методологическом высказывании своего "классика", согласно которому "анатомия человека - ключ к анатомии обезьяны".

В логике научного детерминизма невозможно ни понять, ни объяснить тексты Священного писания; в них - иная логика: не из прошлого, а из вечности. "Превечный совет" постепенно разворачивается и осуществляется во временном бытии. Обратимся к Библии. Ветхий и Новый Заветы соотнесены в ней особой, смысловой логикой. Это не детерминизм, не преемственность. Рассудком не понять слова Спасителя в Нагорной проповеди: "Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков: не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все". Иисус Христос открывает иной смысл ветхозаветных заповедей: "не убивай", "не прелюбодействуй", "не преступай клятвы".

Суду подлежит не только убивающий тело, но и "гневающийся на брата своего напрасно". Прелюбодействует всякий, кто "смотрит на женщину с вожделением". Заповедь "не преступай клятвы" Господь выражает словами "не клянись вовсе"... Совсем по-иному раскрывается заповедь об отношении к врагам: "Вы слышали, что сказано: око за око, зуб за зуб. А я говорю вам: не противься злому". "Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благоворите ненавидящим вас и молитесь за обидающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посыпает дождь на праведных и неправедных (Мф. 5, 17-46).

С точки зрения буквы закона, формально-логически, проповедь Христа не является выполнением ветхозаветных заповедей. Как же понять слова Спасителя о том, что "ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все"? Господь говорит не о выполнении предписаний Ветхого Завета, но об исполнении - полноте реализации того вечного содержания, которое лишь частично, предварительно было раскрыто пророками в меру возраста ветхозаветного человечества. Бог открывает человеку путь богосыновства: "Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный" (Мф. 5, 48).

Таково призвание, предназначение человека, путь к которому в древности лежит через выполнение ветхозаветных заповедей.

Подобным же образом следует понимать соотношение ветхозаветного и новозаветного культов. П.А. Флоренский дал потрясающий образ ветхозаветного Иерусалимского Храма и его жертвенника: "Вечный огонь горел на нем: это был не очаг, а целый пожар, в который непрестанно подкидывался материал горючий. Представьте себе треск, свист, шипение огня на таком жертвеннике. Представьте себе почти циклон, образующийся над храмом. По преданию, он никогда не гас от дождя. Но это было необходимо: что же тут удивляться - ведь тут сжигали целых быков, не говоря о множестве козлов, баранов и так далее". "Все это страшно, ибо страшна Высшая Реальность. Однако все это, весь культ, есть "тень будущего, а тело - во Христе" ("я же суть сень грядущих, тело же Христово") (Кол. 2, 17) - тело, то есть реальности подлинное бытие, противополагаемое тени..."²⁹ Итак, если страшна тень реальности, то сколь страшнее сама реальность. Количество величественность культа ветхозаветного как бы сжимается в качественную напряженность

культта новозаветного (выделено мною. - Т. Ф.). Не быки, козлы и агнцы, но Сам Господь, Сам Он принес Себя в Жертву: "единою Себе принесе".

Культурно-историческое освещение психологии катарсиса свидетельствует о единстве законов душевной жизни человека при всем различии их конкретно-исторического воплощения. Так катарсис античной трагедии прообразует христианское покаяние. И в наше время действует закон очищения души. Об этом свидетельствует опыт психологического консультирования, обращенного к совести человека.

¹ В наше время битва Орфея с Сиренами не завершена: идет борьба сил добра и зла в искусстве, особенно в музыке, за души людей.

² Лосев А. Ф., Шестаков В. П. История эстетических категорий. - М., 1965. - С. 86.

³ Аналогичен образ ветхозаветного Лота, жена которого превратилась в соляной столб, обратившись вспять (Быт. 19, 36).

⁴ Вендрова О. Е. Молодежный телефон доверия в СССР // Социологические исследования. - 1992. - № 2.

⁵ Выготский Л.С. Психология искусства. - М., 1968. - С. 271.

⁶ Теория катарсиса как "разрядки напряжения" развивалась также А. Дерин-гом, Г. Ленертом, В. Эгжером и другими авторами. (См.: АникстА. Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. - М., 1976.) Подобного рода идеи, высказанные еще в XVI в. Минтурно и Джакомини, не получили такого резонанса, как в XIX в. "медицинская теория" Бернайса.

⁷ Ницше Ф. Собр. соч. - М., 1902. - Т. 8.

⁸ Иванов Вяч. Дионис и прадионийство. - Баку, 1923.

⁹ Фрейд З. Тотем и табу. - М. - Pg., 1923.

¹⁰ Токарев С. Магия // Философская энциклопедия. - М., 1964. - Т. 3.

¹¹ Фрейд З. Толкование сновидений. - М., 1913.

¹² А. Ассаджиоли, основатель "психосинтеза", также рассматривает катарсис как разрядку напряжений.

¹³ Выготский Л. С. Психология искусства. - М., 1968. - С. 183.

¹⁴ Там же. - С. 186.

¹⁵ Там же. - С. 184.

¹⁶ "Итак, настоящая тайна искусства мастера заключается в том, чтобы формою уничтожить содержание; и тем больше торжество искусства, отодвигающего содержание и господствующего над ним, чем величественнее, притязательнее и соблазнительнее содержание само по себе, чем более оно со своим действием выдвигается на первый план или же чем более зритель склонен поддаться содержанию" (Шиллер Ф. Собр. соч. - М., 1957. - Т. 6. - С. 326.)

¹⁷ Выготский Л. С. Психология искусства. - М., 1968. - С. 273. Сюда же можно отнести шутки, остроты, анекдоты: реакции на них могут быть объяснены "взрывом", "разрядкой" нервной энергии.

¹⁸ Пузырей А. А. пишет: "Выготский работал "в контексте задачи духовного освобождения человека, радикального его психического и духовного перерождения и развития" (См.: Пузырей А. А. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского и современная психология. - М., 1986. - С. 46.) На мой взгляд, это можно сказать скорее, действительно, о "контексте", чем о тексте трудов Выготского. Книга А. А. Пузырея интересна как диалог с Выготским и переосмысление его текстов.

¹⁹ Арановская О. Р. О фольклорных истоках понятия "катарсис" // Фольклор и этнография. - М., 1974. - С. 62.

²⁰ Арановская О. Р. О фольклорных истоках понятия "катарсис" // Фольклор и этнография. - М., 1974. - С. 62.

²¹ Иной смысл имеет ветхозаветное жертвоприношение животных: человек жертвует своим имуществом.

²² Ухтомский А. А. Письма // Пути в незнаное. - М., 1973. - Сб. 10. - С. 389-390.

²³ Платон. Соч. в 3-х т. - М., 1970. - Т. 1-2.

²⁴ Ветхозаветное человечество руководствовалось этой максимой: "Око за око, зуб за зуб" (Библия. Исход. 21; 24).

- 25 Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // О современной буржуазной эстетике. - М., 1972.
- 26 Слово "раскаяние" в переводе с греческого цетолюх означает "изменение сознания".
- 27 Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. - М., 1976.
- 28 Воловикова М., Трофимов А. Возвращение к себе. Психология. Символ. "Культура. - М., 1995. - С. 59-60.
- 29 Флоренский П.А. Из богословского наследия // Богословские труды. - М., 1977. - Т. XVII. - С. 97-98.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКУ

Встреча с совестью

В консультацию для разводящихся пришла женщина, но пришла она не по случаю развода: она попросила выслушать ее, потому что не может поделиться своей трудностью ни с кем из знакомых, а я - "человек посторонний".

М. (так назовем нашу собеседницу) - молодая женщина, мать, она любима мужем. Работает М. в канцелярии.

Моя собеседница начала с жалоб на то, что ей "все надоело". Ей не хочется жить, и все чаще приходят мысли о самоубийстве. Разговорившись, она возмущалась постоянной нехваткой денег, неустройством жизни, с озлоблением бичевала современных "буржуев", которым все достается даром, а ей приходится за гроши просиживать на скучной работе, а потом бежать в магазин, а потом возиться на кухне... А на кухне соседка - "вредная старуха", у них постоянные скандалы. Соседка больна раком, и когда М. переезжала в эту квартиру, ей сказали, что "старуха долго не протянет". Но вот уже второй год они живут в общей квартире. "Почему я и мои дети должны страдать из-за нее?!" Один незнакомый посетитель канцелярии, которому она (тоже как "постороннему человеку") рассказала о своей квартирной проблеме, не то в шутку, не то всерьез посоветовал: "А вы подсыпьте ей в кастрюлю..." М. - "не такой человек...", но эта мысль навязчиво преследует ее. Отношения с соседкой накалились до предела. Раньше М. жила со своей матерью. Это была совсем другая жизнь; мать, которую она очень любила, скончалась. И с соседкой, когда та только переехала, были нормальные отношения: она присматривала за детьми, помогала по хозяйству. А теперь - "живься нет: высыпала в мое помойное ведро свой мусор! Это уже невыносимо" .УМ. чувство отчаяния и безысходности. Свою злобу и раздражение она вымещает на муже, на детях, даже на посетителях канцелярии. Радости в жизни - никакой. У нее была цель - приобрести мебельный гарнитур, и она своего добилась: муж купил в долг именно то, что она хотела. Она живет от одной цели к другой. Теперь ее главная цель - жить в отдельной квартире: они "поставлены на очередь", но скоро ли она подойдет? Если бы умерла соседка, они остались бы в этой квартире. Но у М. уже нет терпения ждать. Ей "все опротивело" . Таков краткий протокол (по памяти) рассказа М. о себе. Моя собеседница, не ведая того, оказалась в нравственной коллизии Родиона Раскольникова. Она не дошла до сознательного решения избавиться от "старухи" и не могла сочинить статью о том, что цель оправдывает средства. Но ее "Почему я и мои дети должны страдать из-за нее?!" выражает тот же протест и то же оправдание своего поведения. При всей своей архе-типовидности это конкретное живое событие, глубинная сущность которого раскрывалась в нашем диалоге с М. Описывая и анализируя этот случай, я буду говорить не только о М., но и о своих переживаниях и состояниях. Такой "субъективный отчет" психолога является необходимой составляющей анализа ситуации диалогического общения.

Начало нашей встречи с М. было по внешней форме ее монологом: она объяснила свой приход желанием быть выслушанной; это не просто потребность выговориться, разрядиться, но еще и быть услышанной другим человеком. Существенно и то, что она предпочла "постороннего" человека (как в случае со своим "недобрым советчиком", так и в психологической консультации) своим близким знакомым. По-видимому, выговориться "постороннему" лучше для того, чтобы увидеть себя со стороны, т.е. более объективно, чем глазами близких и знакомых, которые могут быть пристрастны.

Кроме того, постороннему человеку можно сказать то, что стыдно сказать знакомому. За этим стоит неспокойная совесть и потребность исповедаться в надежде услышать оправдание себе. В беседе с М., притом что говорила в основном она, диалог начался сразу. С моей стороны общение с ней началось в форме внимания.

Начало диалога с М. можно назвать - "от внимания к слову".

Состояние внимания выражалось в сочетании двух разнонаправленных усилий и состояний. Одно из них - включенность в наличные переживания собеседника ("эмпатическое слушание") с максимальной отрешенностью от себя и т.п. "Не набрасывать свою тень на другого", быть "прозрачным" для него - такова "сверхзадача" внимания.

Внимание означает принятие в себя другого человека через его слова, поведение, эмоции. Это значит - разделять то, чем живет человек, быть ему сопричастным. Это объединяет двух людей таким образом, что становится легко высказывать личное, сокровенное, возникает осознание того, что прежде не было осознано. Такое внимание рождает правдивое слово как у говорящего, так и у слушающего. Эта ситуация объективации в слове своих порой скрытых состояний и переживаний сама по себе дает облегчение человеку, доставляет удовлетворение. Чувство сопричастности и принятия другим, как известно, отвечает глубинной сущности человека, являясь важным психотерапевтическим условием, снимающим тревожность и "защитные механизмы".

Но с этим связано такое "погружение" в собеседника, которое может оказаться чрезвычайно трудным и непосильным для психолога. Можно "заболеть" болезнью консультируемого, не оказав ему помощи. Необходимо и другое проявление внимания: отстраненность от наличного состояния собеседника, взгляд со стороны, невключенность в него - "вненаходимость".

"Вненаходимость" содержит в себе эстетическую установку на выявление в человеке его Лица (духовного "Я"), скрытого за "маской" наличного "Я", что служит одним из критериев успешности диалога.

В начале нашей беседы с М. лицо ее было искажено тревогой, маскируемой неестественной веселостью. Внутренняя напряженность превращала ее миловидное лицо в искаженную маску. В процессе беседы оно становилось спокойнее, естественнее, стало освещаться радостью и воодушевлением, искренним раскаянием. Уже в конце первой беседы проявилась красота ее лица.

Обе стороны внимания, противоположные по своей направленности, внутренне неразрывно связаны и предполагают друг друга (хотя достижение этого единства нелегко и может быть понято лишь опытным путем). Сопереживание человеку помогает проявиться его подлинному лицу, а это открывает иной уровень общения, основанный на вере в человека. Эта вера возникает вопреки очевидности, которая может быть удручающей. Именно она создает атмосферу доброжелательности и принятия человека при неприятии его наличного состояния. Так, сопереживание способствует вненаходимости, которая, в свою очередь, помогает сопереживанию, "обезвреживая" его и переводя на духовный уровень.

Эта двойственная установка внимания: на слияние с собеседником и вненаходимость - является условием внутреннего равновесия психолога. Она позволяет не поддаваться стремлению собеседника втянуть консультанта в свое состояние и добиться подтверждения правильности своей позиции, помогает избежать разного рода обвинений (типа "вам легко говорить") и т.п. Эта установка позволяет быть объективным, не отождествляться с наличным "Я" собеседника и в то же время, сочувствуя человеку, не терять с ним внутренней связи.

Сочувствие к М. у меня возникло не по поводу ее наличных нужд, связанных с желанием смерти соседке. Это было сострадание к человеку, который не живет, а мучается: ведь убивая своим поведением тяжко больного человека, она убивает жизнь в самой себе. "Приняв" М. такой, какая она есть, - в ее наличном "Я", можно лишь утвердить правомерность ее поведения, закрепить безысходность состояния.

Отношение к другому как к самому себе - норма диалога. Но в ситуации с М. наши позиции не равны: я осознаю то, что закрыто пока для ее сознания, и могу помочь ей изменить понимание жизненной ситуации. Но сделать свой нравственный выбор может лишь сама М.

Первый этап нашего диалога с М. был не просто ее "выговариванием" и моим вниманием: это был процесс установления отношений. К концу ее рассказа эти отношения достигли такой интенсивности, что их трудно было бы прервать какими-либо внешними помехами или важными

сообщениями. По ходу рассказа М. ее состояние менялось от напряженно-раздраженного до радостно-приподнятого. Между нами уже совершался диалог: я не просто молчала, а высказывала свое отношение к тому, что слышала, выражением сочувствия, огорчения, озабоченности, сострадания к бедственному состоянию души, мятущейся в неосознаваемом нравственном конфликте. Мои реплики были обращены поверх ее наличного "Я" к духовному "Я". И вопреки удручающей очевидности, этот контакт с подлинным "Я" давал нам обеим радость общения. И хотя сама М. не осознавала этого, она переживала душевный подъем, близкий к радости (а ведь радоваться, казалось бы, ей нечему), хотела продолжать беседу, робко надеялась на возможность выхода из своего жизненного тупика. Я тоже испытывала радость общения (хотя, казалось бы, мне радоваться нечему), симпатию к М. (вопреки антипатии к ее поведению), веру в то, что она выйдет из душевного кризиса. Во время этого внешне одностороннего диалога мы достигли состояния внутреннего контакта.

Затем последовали вопросы М. и мои ответы. На "крик души": "Ну скажите, что мне делать?" - я после долгой паузы: сказала, что она сама знает, что нужно делать... В ответ я услышала возмущенно-протестующее: "Но это же невозможно! Я же не могу!.." "Не хочу..." - поправила я. Мы вполне понимали друг друга, хотя постороннему слушателю было бы непонятно, что речь идет о том, чтобы изменить отношение М. к своей соседке. Протест постепенно сменился желанием слушать и понять.

Диалогичность общения связана с внутренним диалогом собеседника. Эта связь диалогов внутреннего и внешнего раскрыта М.М. Бахтиным в его работе о творчестве Ф.М. Достоевского. Так, во внутреннем диалоге Ивана Карамазова звучат противоположные голоса Алеша и Смердякова; осуждающий голос Гани и оправдывающий - Мышкина противоборствуют в душе Настасьи Филипповны; Порфирий говорит Раскольнику голосом его совести, не обличая его явно.

В нашем диалоге с М. я явно старалась помочь ей осознать нравственный конфликт, в котором она находится: только осознав его, она может совершить нравственный выбор. Моя задача - выразить и подтвердить голос совести. Он заглушен собственнической, потребительской доминантой, на стороне которой - голос случайного посетителя, посоветовавшего отправить соседку. Этот голос поддерживает враждебное отношение М. к ней. Голос этот навязчив, вопреки сознательному неприятию его, он отвечает насущной потребности, вступая в конфликт с совестью. Внутренняя раздвоенность М. (здесь полная аналогия "расколотости" Раскольникова) - источник ее душевных мучений, чувства безнадежности, безысходности. Желание смерти соседке ради перспективы жизни в отдельной квартире сопряжено с мыслями о самоубийстве. И в сущности, жизнь М. является таким самоубийством: отравляя жизнь другому человеку, она отравляет жизнь себе и своим близким. Она не живет настоящим, а лишь стремится к будущему, и ее вещные цели не могут дать радости и полноты жизни. Мебель, квартира, деньги из средств жизни превратились для нее в цель, которая побуждает идти на любые средства достижения и подтверждает их правомерность.

С такой интерпретацией нравственного конфликта я беседовала с М. Поскольку я видела свою задачу не в том, чтобы убедить М. в неправильности ее жизненной позиции и поведения, а в том, чтобы помочь ей осознать причину ее состояния, я и в беседе придерживалась принципа "вненаходимости" - эмоциональной нейтральности, тона спокойного разъяснения с намеками-подсказками, безразличия к ее эмоциональным "взрывам" и "нажимам". "Смотрите сами" - такова была тональность моих слов. Но эта позиция вненаходимости существовала с уже установившимся глубоким контактом с М. В результате нашей беседы М. осознала: ее мучает совесть оттого, что она желает смерти своей соседке. Но она по-прежнему не верила в возможность изменить свое отношение к ней.

Желание М. продолжить наше общение было велико, но встретиться мы смогли лишь по прошествии двух месяцев. Это было время принятия ею самостоятельного решения.

При новой встрече первыми словами М. были: "Я и не думала, что так может быть!" Вопреки сомнениям, у нее установились мирные отношения с соседкой, скандалы прекратились. М. чувствует себя совсем иначе: мысли о самоубийстве оставили ее. В их семейной жизни произошли изменения: по выходным дням они стали выезжать за город, и это дает много сил и радости. Теперь М. больше не говорит о трудностях в воспитании детей, о дефектах своего характера, о том, как нелегко с ней ее любящему мужу. У М. появились новые интересы - она посещает лекции по психологии семейных отношений, занимается изучением характеров своих родных и знакомых и со страстностью неофита

вовлекает мужа в круг своих новых интересов. Она не только изучает психологию, но и стремится помогать другим в их душевных трудностях.

Преувеличеннaя оценка моих возможностей, выражаящаяся в стремлении чаще встречаться, преодолевается путем раскрытия достоинств самой М. и ее осознания, что изменения происходят не благодаря мне, а благодаря нашему диалогу.

Внутренняя борьба в душе М. продолжается. Но это уже борьба с известным противником. Диалог с совестью становится осознанным. По характеру отношения М. ко мне можно судить о том, на стороне какого голоса она находится в момент нашей очередной встречи (и каковы ее отношения с соседкой). Так как я - на стороне ее совести, то временное отступление от новой линии поведения М. проявляется в некоторой отчужденности, закрытости, беспринципных обидах на меня. Позиция "вненаходимости" помогает довести до сознания М. причину такого настроения. Наш диалог продолжается.

Описанный случай служит примером осознания и преодоления духовно-нравственного конфликта в диалогическом общении.

Конфликт, в отличие от сознательного внутримышечного противоречия, характеризуется неосознаваемостью, "вытесненностью" одной из противоположных сторон. Этим объясняется его иррациональность, бессилие человека овладеть своим поведением.

М. считает причиной своего тяжкого душевного состояния материальные трудности и отрицательные качества своей соседки - она не осознает истинных его причин. Что же "вытеснено" в этом случае? Очевидно, что это не сексуальные влечения, с которыми привычно связывается понятие "вытесненные". В случае с М. конфликт носит сугубо нравственный характер. Желание смерти соседке не является для нее бессознательным: она не хочет признаваться себе и другим в желании убить ее, хотя это желание находится на поверхности, близко к осознанию. Ему соответствует совет незнакомого посетителя, выражающий внутренний голос самой М., которому противостоит другой голос - нравственного долженствования: "нельзя". В этом противоречии двух внутренних голосов "хочу" сильнее, чем "нельзя", так как прагматизм, вещная ориентация - доминанта ее жизни. Реально М. уже травит соседку своим поведением. Этика вещизма предрасполагает к преступности, так как другой человек превращается либо в средство, либо в помеху к достижению. Такой помехой для М. была ее соседка. И если бы М. жила только этой логикой вещизма, желание устранить эту "помеху" не было бы для нее источником страданий и мыслей о самоубийстве. Нечто властно мешает ей осуществить преступное желание. Именно этой реально противодействующей силы и не осознает М., не зная о реальности ее существования. В противоборстве своих осознаваемых аморальных потребностей и неосознаваемых духовно-нравственных стремлений и находится М.

Как видим, эта ситуация противоположна фрейдовской ситуации "вытеснения" влечений, несовместимых с сознательными моральными нормами. Скрытыми, "глубинными" здесь оказываются не "запретные" сексуальные влечения, а, напротив, позитивные духовные силы личности, тогда как аморальные желания открыты сознанию. Это свидетельство о несводимости личности к сексуальным, агрессивным и другим биологическим влечениям. Глубина личности - это не бездна низости¹.

К сожалению, моральные принципы М., внешне усвоенные ею, не помогли ей справиться с конфликтом, они оказались "отчужденными" от духовного "Я", а потому - бессильными, а голос совести (голос духовного "Я") она не осознавала.

Знаменательно, что совесть как реальность внутренней жизни была осознана М. именно в ситуации диалогового общения. Голос собеседника, обращенный к духовному "Я", слился с внутренним, ранее не осознавшимся голосом совести, стал явным в ее сознательном внутреннем диалоге. Именно это помогло М. сделать сознательный нравственный выбор и начать преодоление своих дурных побуждений.

Так вышло, что на мучительный вопрос: "Ну скажите, что мне делать?!" - я ответила долгой паузой. Ретроспективно можно оценить эту паузу как приглашение к раздумью и собственному ответу. В критический момент у человека могут пробуждаться скрытые духовные возможности, и мои последующие слова о том, что она сама знает, что нужно делать, имели смысл обращения к духовному "Я" собеседницы. Реакция была поразительной по своей яркости и убедительности - она показала, что М. действительно знает, что нужно ей делать. Ее наличное "Я" возмущается и протестует: "Но это же

невозможно! Я же не могу!.." Это был диалог уже не со мной, а со своим духовным "Я": ведь мною ничего не было сказано. Встреча двух "Я" состоялась, их диалог начался.

После взрыва протеста и возмущения наступил момент выбора. М. захотела слушать меня, значит, захотела прислушаться к голосу своей совести, и в результате мы (точнее она со своей совестью) достигли согласия. Радость было обоюдной.

Это - радость возвращения "блудного сына" в отчий дом, о которой повествуется в притче о Блудном сыне. Расточив свое богатство и впав в крайнюю нищету, он, наконец, вернулся к отцу, брошенному и забытому в распутной жизни, и был встречен с любовью и радостью.

Случай с М. - прототип катарсического преображения личности благодаря встрече наличного "Я" и духовного "Я". Проанализируем этот случай в свете психологии катарсиса.

Понятие катарсиса, как мы уже говорили, связано с искусством трагедии², генетически восходящей к мистериям, древним народным праздникам и обрядам "очищательного" характера. Поэтому строение и смысловая логика трагедии имеют определенную направленность.

Лейтмотив древнегреческой трагедии - преступление и наказание. Преступник должен быть найден и изгнан во избежание гибели всего народа. "Царь Эдип" - трагедия осознания вины, раскаяния и добровольно принятого наказания.

Царь Эдип ищет преступника вовне, будучи сам этим преступником. Это психологически закономерное явление: человек проецирует свои отрицательные свойства на других, обвиняет, осуждает, негодует, не видя их в себе (закон Двойника). В беседе с М. это свойство проявилось в полной мере. Она видела причину своих душевных страданий в "несправедливости". С одной стороны, социальная несправедливость: "новые буржуи" живут за счет народа, за ее счет, у них - дачи с бассейнами, а она - в коммунальной квартире. С другой стороны, соседка, занимающая, как ей кажется, ее жилплощадь, отравляет ей жизнь. Негодяя на соседку, она выявляет силу своих же собственных инстинктов. В сущности, она отличается от обличаемых ею "новых буржуев" лишь отсутствием их достижений. Преступление совершается ею, а она ищет виновника вовне.

Эдип упорно не желает признать свою вину. Обличения мудрого Тиресия вызывают взрыв возмущения: "Эдип (бешено): - Невыносима клевета такая! Сгинь, дерзкий волхв! Скорей уйди отсюда к себе обратно и оставь мой дом". Это звучит как изгнание голоса совести. В практике консультирования такая картина общеизвестна: взрывоопасная ситуация возникает, когда подходишь к существу проблемы. К этому надо быть готовым, если решаешься "вскрыть нарыв". Драматургия диалога с М. не была спланирована и не повторяла уже отработанные алгоритмы. Как всегда в диалоге, это экспромт. Но диалог происходил и переживался как реальная трагедия. М. была ее "героем", а я - одновременно и зрителем, и соучастником. Я сопереживаю как зритель в театре, который чувствует себя соучастником преступления, потому что страсти героя общечеловеческие. Чувства гнева, раздражения, озлобления - вся гамма переживаний М. понятна мне не теоретически, а опытно. Это значит, что они присущи и мне; степень их проявленности может быть разной, но в своем пределе они ведут к убийству и гибели. Я это осознаю и переживаю ужас за судьбу М. как за свою собственную. Такое сопереживание есть то, что называется "разделить" беду собеседника. Оно связывает воедино: теперь ее поражение или победа касаются меня лично. Эта критическая ситуация мобилизует все душевые силы и их бессознательные резервы; находятся нужные слова, интонации и паузы для кульминации драматического действия. Я - тот зритель-соучастник, который, в отличие от героя, знает преступника и может подсказать выход. Важно, чтобы это произошло в нужный момент, когда он готов принять правду. Но взрыв "самозащиты" неизбежен. Не предрешен и выбор между голосом совести и голосом Двойника.

У читателя может сложиться впечатление, что диалогический подход в психологической практике недоступен большинству людей и является уделом лишь немногих исключительных личностей. Действительно, этот путь непрост, он требует от человека внутреннего усилия, внимания, обращенного одновременно и на каждого человека, и на свое душевное и духовное состояние. Но, по существу, он открыт каждому и является призванием любого человека, стремящегося к глубокому творческому общению: ведь духовное "Я" потенциально есть в каждом человеке, осознает он его или нет.

Конечно, ближайший успех диалога в воспитании, обучении, психологическом консультировании, а также в повседневном общении зависит от духовного опыта. Необходимо самому опытно знать, что такое диалог с духовным "Я", каковы трудности и перипетии внутренней борьбы с Двойником. Успех консультирования зависит не столько от книжной образованности, сколько от практики созидания, образования своего внутреннего мира. Этот опыт накапливается одновременно с диалогическим обращением, одно невозможно без другого. Способность различать голоса во внутреннем мире собеседника зависит от опыта своего внутреннего диалога: чем глубже общение со своим духовным "Я", тем легче услышать его голос во внутреннем диалоге собеседника и помочь ему в осознании духовного "Я". Опытное знание трудностей духовного становления учит терпимости в общении с другими. Но как быть тем, у кого этот опыт минимален или вовсе отсутствует?

На первых порах не знание, а вера в духовное изменение человека создает установку на расположение и уважение каждого. Нужно не впадать в уныние и от своих срывов, и падений, веря в то, что любой человек не сводится только к наличному состоянию.

Признание потенциального и непознаваемого духовного "Я" учит бережности и осторожности в оказании психологической помощи: недопустимо внедрять себя, свои установки и оценки в душу другого. Человек призван осуществить свою неповторимую индивидуальность, идти своим единственным путем. Чужое "Я" может стать помехой на этом пути. Особенно явно это выступает в творческом становлении личности.

Стремление найти свой идеал, наставника, любимого свойственно большинству людей, ищущих психологической помощи. Поэтому, оберегая человека, нужно учиться вненаходимости и избегать позы учителя. Необходимо сдерживать свое личное рвение "продвинуть вперед" человека, стараться откликаться лишь на его вопросы и усилия. Нужно воспитывать в себе эмоциональнуюдержанность и спокойствие.

В опыте такого общения развивается чуткость как к собеседнику, так и к своей интуиции, вера в свое духовное "Я" и духовное "Я" другого. Как в любом творческом процессе, чувство "эврика!" подсказывает, что искомое найдено. Здесь голос творческой интуиции сливается с голосом совести; она дает знать, что хорошо и что плохо. Это совершается и в душе консультанта, и в душе консультируемого. Наиболее очевидно это в том случае, когда человек с радостью осознает и принимает то, что мучительно трудно и болезненно для его самолюбивого наличного "Я"; когда он решается преодолеть, "победить себя" (когда ему не подсказано решение, а он сам пришел к нему). Это уже опытное доказательство силы духовного "Я".

Если такой творческий процесс совершается в душе консультируемого, в чем же роль консультанта? Чтобы состоялся внутренний диалог, человеку бывает необходим диалог с собеседником вовне - с человеком, верящим в него, в его духовные возможности; тогда он начинает верить в себя и открывает в себе эти возможности.

Понимание, что ты не Учитель, а всего лишь пособник в диалоге, приводит к скромности, помогает ценить общение с каждым человеком и учиться у каждого.

Постепенное осознание своего духовного "Я" все глубже раскрывает собственные изъяны и трудности их преодоления; это научает не осуждать людей, а сочувствовать, помогать им без неприязни.

Все это формирует доминанту на Собеседнике, помогает преодолевать свой эгоцентризм, чувство превосходства или, наоборот, неполноценности.

Я тебя слушаю... (О молодежном телефоне доверия)

Вопреки распространенному мнению о подростковом негативизме, обостренном чувстве взрослости и независимости, наши собеседники-подростки обращаются по телефону доверия с такими вопросами: "Что мне делать?", "Посоветуйте...", "Как?", "Зачем?"... Они явно хотят, чтобы их учили жить, и рады, когда взрослый человек делится с ними своим жизненным опытом. Беседы с подростками и юношами по телефону доверия - это, в сущности, педагогический диалог; общение по

телефону создает наиболее благоприятные условия для педагогики доверия. На примерах таких бесед постараемся раскрыть особенности педагогического диалога³.

Почему подросток, избегающий общения со взрослыми дома и в школе, может долго и серьезно говорить по телефону доверия? О чем это говорит? Прежде всего о его потребности в таком общении и его "дефиците". Это общение не принудительно, оно свободно: подросток волен вступить в него и прекратить разговор по своему желанию. Важно для подростка то, что беседы эти анонимны: со стороны взрослых ему ничто не угрожает. Его не отчитывают, не читают мораль, а помогают разобраться в его жизненных трудностях и проблемах.

В числе этих трудностей далеко не последнее место занимают взаимоотношения с родителями, конфликты в семье. Иногда звонят и родители с жалобами на своих детей, отбившихся от рук.

Характерная для родителей и учителей дидактическая навязчивость затрудняет их общение с подростком. Показательно то, что в нашем опыте не было случая, чтобы подросток "бросил трубку" в знак возмущения, недовольства, протesta. Такие реакции в повседневном общении характерны для подростков. По телефону доверия среднее время беседы - минут сорок, а то и больше.

Принципы диалогического консультирования перекликаются с идеями "гуманистической психологии", но заметно отличаются от них. Обсудим это сходство и различие на примере.

...Ф. начал разговор крайне возмущенным тоном: "Когда кончится этот кошмар?! Ждать - или сразу в петлю?.." Он обрушил на консультанта всю свою агрессию: ненависть к правительству, желание перестрелять, потопить в крови, резать и жечь...

Дать собеседнику выговориться, разрядить аффект - норма психологической помощи. Консультант проявляет сочувствие к человеку, впавшему в отчаяние. В гуманистической психологии этому соответствуют принцип эмпатического слушания и принцип безусловного принятия собеседника. Но как быть консультанту, если он вовсе не сочувствует злобным чувствам собеседника? Чтобы это отрицательное отношение к состоянию говорящего не перешло на оценку его личности, консультант должен сохранять позицию вненаходимости, о которой мы уже говорили. Она в данном случае выражается в отстраненности от наличного состояния Ф. Для этого консультанту необходимо оставаться самим собой, иметь свою позицию и не поддаваться напору эмоций собеседника. В ответ на кровавые планы Ф. консультант спокойно высказывает свою точку зрения: кровопролитием делу не поможешь, "взявшись меч от меча и погибнет". Встретив сопротивление, поток агрессии не прекратился, но Ф. проявил интерес к точке зрения собеседника. На его прямой вопрос: "Что же делать?" - консультант не дал ответа, чувствуя, что он вызвал бы лишь негативную реакцию и усилил агрессивность Ф., но дал понять, что ответ есть: "Серьезные люди занимаются делом". В конце почти получасовой беседы речь Ф. была уже не агрессивной, а шутливо-иронической: "Что же, гречку сеять?"

Для гуманистической психологии характерно стремление не давать советов и оценок собеседнику. Мы же даем оценку агрессивным намерениям собеседника: "Взявшись меч от меча и погибнет". Даем ее и в других случаях. Ориентиром в таких оценках является не личное мнение, а общечеловеческие духовно-нравственные ценности. Чтобы не нарушить гиппократовскую заповедь "Не навреди!", консультант, говоря словами психолога Л.С. Выготского, должен стоять на незыблемой "скале" нравственных ценностей. Что же касается собеседника, он свободен в выборе, но прежде, чем его сделать, ему следует осознать нравственную альтернативу, перед которой он оказался.

Следующий пример иллюстрирует другой принцип диалогического консультирования: умение слышать внутренний диалог собеседника.

...Л. 17 лет. Он позвонил, жалуясь на одиночество: нет друга, девушки. Потом заговорил о трудностях жизни - "все злыe".

Консультант высказал свое мнение о том, что это от бездуховности, на что Л. ответил жалобами: над ним все смеются, издеваются за то, что он не такой, как все, - не пьет, не курит, не соблазняет девушек. Консультант сказал ему "о здоровой овце в больном стаде". "А вы с мужем счастливы и считаете, что все вокруг - больные?" - в этой реплике Л. консультант признала свою ошибку (осуждение людей, находящихся в бедственном состоянии); в ней прозвучала и явная заинтересованность Л. личной жизнью собеседницы; его вообще волновали проблемы любви и семьи. Признав свою оплошность, консультант сказала, что и у нее есть свои трудности. Ее слова побудили Л. на откровенность, он признался, что тайком от родителей разглядывает "Плейбой" и ему это приятно...

У юноши явная сексуальная озабоченность. Но разглядывание порнографического журнала, видимо, тяготит его, и он рассказывает об этом, чтобы облегчить совесть. В его душе идет борьба между стремлением к любви, семье и грубым сексом. Консультант на стороне его высшего голоса: подтверждая его, она говорит о том, что без любви секс не может удовлетворить человека, что в Америке на смену "сексуальной революции" пришел культ романтической любви и многодетной семьи. Последними словами Л. были: "Спасибо. Вы укрепили мою веру. Теперь мне легче будет с этим жить".

На протяжении почти всей беседы Л. выговаривал то, что его мучило, смущало, чего он стыдился в себе. Из его слов можно было сделать вывод, что он "не такой, как все" лишь потому, что над ним довлеют родители, запреты которых он боится нарушать. А из последних слов явствовало, что слова консультанта укрепили его сокровенную веру в любовь. Характерно то, что он не устыдился много говорить о сексе, но об этой вере в любовь сказал только в конце. Современные подростки и юноши стыдятся говорить о высоком: эта тема у них запретна. В подсознание вытеснены не постыдные сексуальные влечения, как о том писал З. Фрейд, а, напротив, высокие стремления духовного "Я".

В душе Л. различаются голоса наличного "Я", озабоченного сексуальными проблемами, и духовного "Я", стремящегося к высокой любви. Важно слышать эти голоса именно так, как они звучат в душе собеседника, чтобы найти именно те слова, которые открывают вход во внутренний диалог собеседника. Тогда голос консультанта сливаются с внутренним голосом собеседника, подтверждает, выявляет, укрепляет его.

Признаком того, что это - голос духовного "Я", служат общечеловеческие духовно-нравственные ценности, когда они звучат не в поверхностно-морализующей тональности, а как бы рождаются в сознании человека, нередко пробиваясь сквозь сопротивление наличного "Я" с его привычными мнениями и оценками.

...Девушка взволнованно рассказала о своей личной трагедии: друг, с которым она связывала свое будущее, бросил ее в крайне опасной для нее ситуации, испугавшись за свою жизнь. Все знакомые, да и он сам, считают, что ему нет прощения. И она не может его простить, но мучительно страдает от этого. Консультант, глубоко сопереживая собеседнице, поначалу и сама склоняется к мысли, что такое невозможно простить, и долго пытается ее утешить, но безрезультатно. Ситуация заходит в тупик. Консультант чувствует невысказанную потребность девушки простить вопреки всему, что она говорит. На помощь приходят слова апостола Павла: "Любовь долго терпит". Беседа принимает совсем иной характер: отчаяние и безнадежность сменяются оживлением и надеждой. Девушка находит объяснение паническому бегству своего друга, впервые за все это время вспомнив, что он сам пережил глубокую душевную и физическую травму в подобной же ситуации. Она принимает случившееся как испытание их любви.

После долгого поиска голос духовного "Я" собеседницы был услышен, выявлен и подтвержден консультантом, и именно это принесло разрешение душевного конфликта и успокоило, утешило ее.

Другим признаком того, что услышен голос духовного "Я", служит именно это умиротворение души собеседника. Оно приходит потому, что человек находит согласие с самим собой, своим высшим духовным "Я". Важно то, что это чувство мира, внутреннего спокойствия и удовлетворения беседой возникает вопреки тому, что принятое им осознание жизненной ситуации и решение изменить поведение идет наперекор наличному "Я" с его самолюбием, эгоизмом, амбициями и даже благополучием.

...Девушка в отчаянии: ее преследует психически больной сосед, требуя выйти за него замуж. Он терроризирует ее и всю семью. Обращения в милицию и в психдиспансер не помогают: его периодически кладут в больницу и снова выписывают. Как избавиться от соседа? "За что такая судьба?"

Проявив искреннее сочувствие собеседнице, консультант убеждается, что изменить внешнюю ситуацию нет возможности. Рассказывает девушке еще более трудную ситуацию, аналогичную этой. Острота переживания постепенно убывает, и тогда начинается диалог о возможности иного отношения к жизненным испытаниям. "За что такая судьба?" - нам не дано знать. Но жизнь не случайно ставит нас в те или иные обстоятельства; у каждого своя логика жизни, ее называют "судьбой". Но если человек способен устоять духовно в жизненных трудностях и испытаниях, они служат ему школой духовного возрастиания. Духовно человек свободен и неподвластен судьбе и року,

как считали древние греки: судьба преодолевается и изменяется духовным усилием человека, его мужеством и терпением в жизненных трудностях. Во время беседы консультант чувствует глубокий контакт с собеседницей. Вопреки своим словам, что она "неверующая", девушка искренне принимает слова о духовных возможностях человека: "Я только сейчас поняла, что к этому можно относиться как к испытанию. Спасибо". Голос ее звучит спокойно и серьезно.

Признаком успешного диалога является это переживание глубокого внутреннего контакта с собеседником и чувство спокойного удовлетворения, звучащего в голосе консультируемого и переживаемого самим консультантом. Между ними наступает согласие. У них нередко возникает совпадение мыслей. Консультант не телепат. Это совпадение мыслей объясняется просто: собеседники заговорили о вечном, общечеловеческом, живущем в глубине души каждого из них.

Типичные проблемы, с которыми обращаются подростки и юноши за советом, - трудности взаимоотношений, возникающие вследствие чрезмерной привязанности к возлюбленному и его охлаждения, вызванного повышенной требовательностью, ревностью, упреками и т.п. Стремясь к большей близости, девушки забывают о своем достоинстве, становятся навязчивыми, надоедливыми и в результате теряют свою прежнюю притягательность. Давление, притязания на собственность, неуважение к свободе любимого человека ведут к отчуждению. Парадокс взаимоотношений состоит в том, что настоящая близость возникает при условии правильно найденной дистанции - "вненаходимости". Эти довольно непривычные и нелегкие для подростков и юношей мысли, высказанные на доступном им языке, и вызывают у них реакцию радостного согласия. Нелегко предоставить другому свободу: можно и потерять его; нелегко согласиться с тем, что ты надоела, потеряла привлекательность и т.п.: это должно огорчать и расстраивать. Но радость осознания смысла случившегося перевешивает отрицательные переживания. Существенно то, что "в глубине души" они это знали, но это знание, очевидно, затемнялось непосредственными желаниями и побуждениями. Психолог сыграл роль "повивальной бабки", вызвав это знание из глубины души и подтвердив его правильность. Если бы это знание было не собственным, а внешним, оно вызвало бы у подростка и юноши протест и негативные реакции. Только внутреннее знание может быть действенным и преобразующим человека.

Это лишь одна из типичных ситуаций, для объяснения которой следует признать, что духовное знание потенциально живет в душе каждого. Обращаясь к человеку как духовной личности, можно вызвать к жизни это скрытое потенциальное знание.

На первый взгляд может показаться, что для успешного диалога достаточно иметь общительный, мягкий и доброжелательный характер - и все пойдет само собой. Но наш опыт говорит о том, что этого недостаточно. Сочувствие людям, желание скорее помочь нередко обрачиваются повышенной активностью консультанта в общении, тогда как от него требуется сдержанность и взвешенность в словах: он дает преждевременные поверхностные советы и рекомендации вместо того, чтобы терпеливо помогать собеседнику самому осознать смысл своих трудностей и найти путь их преодоления.

Типичными ошибками в диалоге являются перенос своего личного опыта на ситуацию другого человека, а также на оценку личности собеседника и отношение к нему. Например, если человек рассказывает о своей беспричинной ревности к жене, сопровождающейся мыслями об убийстве соперника, консультант-женщина, у которой есть свой личный опыт немотивированной, необоснованной ревности мужа, невольно испытывает чувство антипатии к собеседнику, и пристрастное, необъективное отношение к ситуации консультируемого может привести к ложным оценкам и выводам. Диалог не состоится: вместо умиротворения собеседника консультант сама вступит в конфликт с ним и усугубит его личные трудности. Симпатии и антипатии к собеседникам возникают помимо воли, пока нет доминанты на собеседнике и вненаходимости, о которых мы уже говорили. Распространенной ошибкой в диалоге является стремление скорее успокоить консультируемого, не разобравшись в существе его проблемы, не вникнув во внутренний диалог собеседника. Но часто оказывается, что его душевная боль вызвана муками совести, и тогда благие желания консультанта не приносят глубокого примирения человеку с самим собой. Принцип гуманистической психологии "не оценивай", распространенный и среди наших отечественных психологов, не позволяет высказать свою оценку нравственной ситуации, и тогда консультант

утрачивает свой голос, пассивно следя за собеседником. Вместо диалога выходит монолог консультируемого.

Сочувствуя человеку, можно легко увязнуть в его отрицательных переживаниях и вместо того, чтобы умиротворить его, самому прийти в душевное расстройство. Другая опасность - увязнуть в личных взаимоотношениях с консультируемым, стать виной новых трудностей и неразрешимых душевных проблем. Сочувствуя одиноким, инвалидам, жаждущим общения, консультант может утратить ту душевную ясность и трезвость, которая дается вненаходимостью.

...Юноша-инвалид обращается к консультанту уже не в первый раз: ему нравится говорить с добрым, приятным человеком. Беседа длится более часа и заканчивается приглашением собеседницы к себе в гости. Консультант не может принять это приглашение и вынуждена отделываться неопределенными уклончивыми фразами. Добрые намерения консультанта могут обернуться для этого юноши душевной болью: обнадежив его личным участием, приятельским тоном, она вынуждена отказать в личных отношениях, которых ждет от нее одинокий человек.

Характерной ошибкой неискусного в диалоге консультанта является стремление скорее "продвинуть" собеседника в духовном плане. Это оказывается безрезультатным.

...Девушка жалуется на одиночество, пустоту и бессмысленность своей жизни. В ответ на это консультант с воодушевлением говорит о развитии личности, о духовности... Собеседница вежливо выслушивает, поддакивает, но консультант чувствует, что контакта нет, беседа идет вхолостую. Последняя фраза девушки: "Да, но мне нужен друг" - выражает суть ее обращения, мимо которой прошла консультант, поторопившись наставить ее на путь истины.

Первичным для консультанта должно быть внимание к непосредственным мотивам обращения собеседника, его вопросу, каким бы маловажным он ни выглядел в его глазах. Это внимание способствует непосредственному контакту. Когда он установлен, собеседник сам охотно раскрывает свои глубинные личностные проблемы и в такой доверительной беседе сам же и осознает их. Тогда самые обыденные и "легкомысленные" вопросы типа: "Где можно подработать?" или "Как попасть в клуб поклонников Майкла Джексона?" - могут стать началом серьезного диалога, дающего толчок духовному развитию подростка и юноши.

Наши собеседники сами сравнительно редко обращаются с вопросами духовно-нравственного характера. В психологии было принято считать, что старший подростковый и юношеский возраст - время личностного самоопределения, поиска смысла жизни, выработки мировоззрения. Но по опыту работы на телефоне доверия этого сказать нельзя. Может быть, в этом сказывается негативизм в отношении ко всякого рода "идеологии", а может быть, духовно-нравственная деградация общества?

Ясно, что у современного подростка проблемы духовно-нравственного характера "не в моде". Опыт диалогического общения говорит о том, что они "вытеснены" в область бессознательного. В сознании же преобладают темы, считавшиеся во времена классического психоанализа постыдными и неприемлемыми для нравственной личности. Психоаналитику требовалось много времени и усилий для извлечения из глубин "подсознательного" этих постыдных влечений, дабы "раскрепостить" их. Сегодня этого уже не требуется. В "закрепощенном", "вытесненном" состоянии оказывается духовное "Я" подростка.

О том, как значимы эти вытесненные духовно-нравственные проблемы, говорят беседы с подростками и юношами, стоящими на грани самоубийства. Они жалуются на бессмысленность своей жизни: "Так жить нельзя". Все такие обращения переходят в беседы духовного плана. Только на уровне духовного "Я" можно обрести основание и опору для преодоления жизненных трагедий и разочарований.

Для наличного "Я" трудности и страдания не имеют смысла. Человек, привыкший считать, что он "живет для счастья, как птица для полета", протестует против них. И одной из форм такого протesta является самоубийство. Только духовно можно осмыслить и принять жизненные страдания как неизбежное условие духовного роста, как школу возмужания и испытания на прочность.

От того, как относится психолог-консультант к реальности духовного "Я", зависит характер его общения с теми, кто стоит на грани самоубийства, а значит, и выбор самих этих людей.

Возникновение службы доверия связано с трагедией самоубийства девочки-подростка. Священник англиканской церкви Чэд Вара, потрясенный этим самоубийством, основал общество "Сamarитянин" для неотложной психологической помощи по телефону. Основание таких служб в

разных странах способствует заметному снижению числа самоубийств. В подготовке работников этих служб участвуют священники. Люди, веряшие в бессмертие души, конечно, скорее смогут помочь отчаявшемуся в жизни, чем атеисты, для которых смерть физического тела означает конец существования человека. Какой смысл переносить невыносимые трудности и страдания, терпеть непрерывные жизненные невзгоды, если с этим можно покончить?

Для христианина несение своего жизненного креста является путем, открывающим ему вечную жизнь; только добровольное несение трудностей и страданий соединяет со Христом, принял на себя страдания всего человеческого рода. Такое страдание радостно: оно открывает в душе человека диалог с Богом.

Прикосновение к таинственной глубине духовной жизни человека обнаруживает скучность и неполноценность психологического языка. В абстрактной системе рассуждений слова "истина", "дух", "вечность" отвечают на вопрос "что?", а не "кто?" - вспомним снова вопрос Пилата: "Что есть истина?" - перед лицом живого бога.

Психологу, независимо от его взглядов, следует признать преимущество языка религии перед языком науки. Бог, Слово, Дух, Истина - живые лица, с которыми человек может вступить в диалог. Только такой диалог открывает полноту духовной жизни. В нем она обретает сознание, словесное выражение. В религиозном культе обретается культура духовной жизни, путь к осознанию своего духовного "Я" как сопричастного Христу. Интеллигент, пренебрежительно, свысока относящийся к конкретной жизни Церкви, лишает себя языка духовной жизни, остается духовно бессловесным существом, поскольку жизнь духовная недоступна языку абстрактных логических понятий. Обряды и таинства Церкви совершаются на языке символов, в которых слиты воедино образ и смысл, горнее и дальнее, временное и вечное; это язык, на котором человек вступает в диалог с Богом. Пока он не освоен (а как всякий язык, он нуждается в изучении и освоении), духовная жизнь остается неосознанной и невыраженной, духовное "Я" лишь смутно предчувствуется, а не осознается как реальность.

Признание преимущества языка религии над понятийным языком само по себе не делает человека религиозным: перестройка мировоззрения зависит не только от сознания. Но психологу-консультанту и педагогу необходимо избавиться от комплекса превосходства над религиозными людьми, порожденного десятилетиями атеистического невежества. Подобная установка исключает возможность диалога с людьми религиозными. Общаясь диалогически, человек учится входению в способ мировоззрения собеседника; само продвижение в диалогическом общении способствует духовному развитию психолога и педагога.

Необходимо понимать разные языки и уметь ими пользоваться. По опыту консультирования можно сказать, что выбор того или другого языка, тональности, стиля общения происходит непроизвольно. Диалогом руководит не рассудок, а духовное "Я" посредством интуиции. Важно доверять этому своему творческому началу. Диалог - творческое духовное общение, и слово в нем не планируется, а рождается.

В таком диалоге девушка, позвонившая в состоянии отчаяния и желания покончить с "бессмысленным существованием" по примеру своей подруги, приняла слова консультанта, несовместимые с ее атеистическим сознанием. Она поверила, что путем самоубийства ей от страданий не уйти: они пойдут за ней, только в другой форме жизни, и там она уже ничего не сможет исправить. Пока это возможно, ей нужно здесь сделать свое существование осмысленным. Слова, чуждые ее наличному "Я", отзывались в скрытой глубине ее души. Звонок ее был не последним.

Мировоззрение, отрицающее вечную духовную жизнь человека, служит обоснованием и оправданием произвола распоряжаться самим существованием своей жизни, а значит, и жизни другого. Если вечной жизни не существует, человеку "все дозволено". Но память о вечном живет в душе каждого и пробуждается вопреки искалеченному сознанию.

На жизненном пути человека наступает момент острого кризиса: его можно назвать кризисом мировоззрения. Для наших дней эта ситуация весьма характерна. Люди, отказавшись от прежних развенчанных ценностей, нередко впадают в цинизм (вариант "подросткового негативизма"). Но иные переживают мучительную потребность понять истинный смысл жизни и свое назначение. Духовное пробуждение человека выражается в осознании ложности тех взглядов, которые он прежде отстаивал, и раскаянии в содеянном. Пока человек доволен собой, он спокойно почивает в колыбели своего

наличного "Я". Его так называемая у нас "духовная жизнь" заключается в "удовлетворении своих духовных потребностей". Эта потребительская установка прямо противоположна сущности духовной жизни - отказу от эгоистического "Я" с его самодостаточностью и самоутверждением. На пути духовного становления человеку предстоит преодоление внешнего и внутреннего сопротивления: инерции, привычек, ожиданий окружающих, может быть, отказ от привязанностей и жизненных благ.

Вершина этого пути - готовность к самопожертвованию, вплоть до принесения в жертву своей жизни. Только на таком пути прежнее наличное "Я" преобразуется силами духовного "Я". Говоря словами Ухтомского, "Двойник умирает, чтобы дать место Собеседнику".

Принципы работы консультанта

1. Вступая в диалог с собеседником, консультант признает в нем потенциальное духовное "Я".
2. Из этого признания следует, что он не может воздействовать на собеседника и управлять им, не нарушая гиппократовский принцип "Не навреди!" Глубина личности является тайной для него.
3. Личность собеседника в той или иной степени сама может раскрываться благодаря диалогическому контакту с консультантом.
4. Диалогический контакт возникает по мере принятия личности собеседника; принятие личности каждого основывается на убеждении в духовном достоинстве человека, независимо от его наличного состояния.
5. Другим условием диалогического контакта является сопереживание человеку в его наличных жизненных ситуациях - горестях и радостях: это контакт с наличным "Я" собеседника.
6. Если принятие личности на основе его духовного "Я" безусловно, то принятие наличного "Я" обусловлено оценкой его проявлений (консультант может не принимать такие проявления, как жестокость, лживость, преступность и т.д.). Эта оценка определяется универсальными общечеловеческими духовно-нравственными ценностями.
7. Консультант может высказать в той или иной форме свою оценку или подвести собеседника к самостоятельной оценке своего наличного "Я" и его проявлений. Действенность такой оценки зависит от наличия диалогического контакта.
8. Тактическими условиями диалога являются эмпатическое внимание к собеседнику, говорящему о своих трудностях и проблемах, помочь в преодолении и снятии деструктивных переживаний (гнева, обиды, ревности, отчаяния и т.п.), предоставление возможности собеседнику "выговориться", разделить его трудность и облегчить сочувствием и утешением.
9. Эмпатическое внимание способствует проникновению во внутренний диалог собеседника - диалог наличного "Я" и духовного "Я": их противоречие, борьбу, конфликт или стремление к согласию.
10. Достижение внутреннего мира, целостности личности собеседника возможно лишь благодаря примирению со своим духовным "Я", поэтому консультант в своих суждениях и оценках подтверждает голос духовного "Я", его правоту.
11. Занимая позицию духовного "Я" собеседника, психолог помогает ему осознать причину отрицательных переживаний, связанных с угрызениями совести: не успокаивает, а способствует более полному раскаянию.
12. Эмпатический контакт помогает говорить на языке собеседника, учитывая уровень его культурного и личностного развития, убеждения, мировоззрения и т.п.
13. Консультант должен исходить из конкретного запроса собеседника и, прозревая скрытые за ним мотивы, выявлять глубинные истоки этого обращения: духовные ценности не могут быть

усвоены извне, но будучи общечеловеческими, могут пробудиться, актуализироваться в значимой для человека ситуации.

14. В проблемах духовно-нравственного характера консультант стремится помочь осознанию противоречия между духовным "Я" и наличным "Я", оставляя за консультируемым свободу выбора.
15. Сохраняя свою ролевую позицию, консультанту не следует вступать с собеседником в отношения личного контакта и равноправия - это разрушает творческий конструктивный диалог, создает и усугубляет проблемы "переноса". Необходимо вырабатывать позицию "вненаходимости" - отстраненности от пристрастного личностного отношения ради объективности и полноты восприятия собеседника и его ситуации.
16. "Вненаходимость" помогает консультанту "не увязнуть" в наличном "Я" собеседника, а помочь ему приблизиться к духовному "Я".

"Встреча" может совершаться на трех уровнях: эмоциональном, сознательном и духовном. Последний уровень содержит оба предшествующих и является вершиной диалога- "встречи".

Вот основные признаки состоявшегося диалога- "встречи".

1. Собеседники переживают чувство душевного контакта, радость общения, душевный подъем; вместо усталости - "второе дыхание".
2. Между консультантом и консультируемым возникает глубокое взаимопонимание, они находят "общий язык", понимают друг друга с полуслова.
3. Собеседники совместными усилиями находят разрешение проблемы; консультируемый принимает мысль консультанта как свою собственную.
4. В результате диалога с консультантом у собеседника пробуждается осознание своего духовного "Я": происходит "встреча" наличного "Я" и духовного "Я".

Слово в диалоге

Одной из загадок психологического опыта является "нечаянное" обретение нужного слова, тональности, интонации.

Многими испытано влияние аудитории на характер речевых высказываний; чем более лектор склонен к импровизации, тем явственнее и многограннее проявляется зависимость его от слушателей: одна и та же тема раскрывается в различном словесном, интоационном, ритмическом, стилевом и т.д. оформлениях. Аудитория оказывается молчаливым собеседником в диалоге и нередко способствует рождению новых слов, мыслей, примеров, аргументов. Объяснить это сознательной настроенностью лектора на данную аудиторию возможно лишь до некоторой степени и далеко не всегда: нередки случаи, когда причина того или иного настроя выясняется лишь постфактум.

Читая лекцию о воспитании детей в нескольких аудиториях, я заметила в одной из них, что говорю в непривычном для себя замедленном темпе, каким-то убаюкивающе-успокоительным тоном. Лекция казалась мне скучной и вялой. Но, к моему удивлению, слушали ее с глубоким вниманием и по окончании дружно благодарили за то, что лекция эта их "успокоила", "сняла тяжесть с души". Оказалось, что в этот день пришло известие о трагической гибели их заведующей. К своему стыду, я не заметила перед началом лекции тяжелого душевного состояния людей. Сонастроенность произошла помимо моего сознания. Но сонастроенность эта удивительна тем, что она не отражает состояния аудитории, а способствует преодолению отрицательного состояния, гармонизирует души людей.

Консультируя разводящихся в ЗАГСе, я заметила, что, не успевая переключиться, без каких-либо сознательных усилий меняю характер, стиль, интонацию и содержание беседы с каждым приходящим собеседником, хотя многие ситуации на первый взгляд идентичны: "не сошлись

характерами". Наиболее удивительным был случай, запомнившийся мне с "доперестроечных" времен; он поставил передо мной проблему: как возможно, не зная человека, "с ходу" говорить с ним на его специфическом языке? В консультацию для разводящихся прибыли двое: солидный, уверенный в себе мужчина средних лет и бледная, скромно одетая, понуряя женщина. Мужчина сразу же выступил в роли обвинителя. Выслушав его, я вдруг заговорила с ним в бюрократическом "выговорном" тоне секретаря партбюро: "Вы разрушаете советскую семью"... "Семья - ячейка общества" ... и т.д. "Отчитывая" таким образом представительного мужчину, обвинявшего во всех своих бедах молчаливую, бледную женщину, я удивлялась своей способности так естественно и легко произносить столь чуждый мне монолог. Но, закончив его, я увидела, что обвинитель явно усовестился. По окончании беседы из журнала анкетных данных я узнала, что он работает директором автобазы и является членом КПСС. Не зная того, я говорила на языке собеседника таким образом, чтобы достучаться до его совести. И в этом случае отметим, что характер моей речи не был результатом сопереживания и сочувствия собеседнику. Он не был также выражением эмоций: я была внутренне спокойна, а говорила в обличительном тоне. Были сказаны именно те слова, которые соответствовали мировоззрению собеседника и получили отклик в его душе.

В психологическом консультировании нередко решающую роль играет слово (или высказывание), выражющее способ разрешения критической ситуации собеседника. Назовем его ключевым словом-высказыванием.

...Женщину в течение нескольких лет глубоко тяготят сложные отношения с человеком, ставшим ее наставником в искусстве. В молодости она относилась к нему как к Учителю, человеку высокодуховному и безупречному; он был идеалом, образцом для подражания и много сделал для ее духовного и творческого развития. Теперь, уже в преклонном возрасте, она все еще относится к нему как к Учителю, но чувствует в глубине души протест и стремление порвать с ним отношения; эти чувства оценивает как постыдные, жестокие, неблагодарные; стремясь "порвать отношения", она не в силах этого сделать. В диалоге выясняется, что чувство протesta связано с чрезмерно авторитарным, подражательным отношением собеседницы к Учителю, тормозящему раскрытие ее творческой индивидуальности, в чем повинна она сама, перенеся на него свои неосознанные личностные ожидания, не получившие удовлетворений. Ей нужно освободиться от иллюзий, стать собой в жизни и творчестве - "отпочковаться". Это слово оказалось ключевым для осознания и разрешения внутреннего конфликта, оно открыло возможность стать собой, не порывая отношений с "крестным отцом", любящим и любимым. Внутренняя свобода, обретение себя, определенная дистанция в отношениях сделают их здоровыми, более глубокими и творческими. С появлением этого слова наступило состояние разрешенности конфликта, радости осознания и взаимного согласия. Существенным моментом в этой ситуации оказалось временное совпадение рождения ключевого слова с осознанием и разрешением конфликта.

Особо отметим чувство радостного согласия, возникающего у собеседников при нахождении ключевого слова-высказывания. Само оно обретается в ходе обоюдных встречных усилий. Создается впечатление, что ключевое слово-высказывание рождается не в сфере "Я" психолога, а в сфере "Мы".

Является ли обретение ключевого слова-высказывания способностью экстраординарного характера? Подлежит ли оно научному объяснению?

Следует заметить, что не во всяком общении происходит речевое "попадание в цель": при поверхностном, формальном, деловом, закрытом манипулятивном и т.п. видах общения этого не наблюдается. Когда собеседник является "объектом воздействия", выступает средством для осуществления каких-либо целей, слово-высказывание не рождается, а вспоминается и употребляется. Рождение слова происходит лишь в субъект-субъектном общении, где собеседник становится центром внимания как неповторимая индивидуальность.

Психологу необходимо высказать и понять индивидуально неповторимое слово, и, как свидетельствует опыт, это возможно в диалоге. Но как это возможно - для науки является проблемой. Идея М.М. Бахтина о двухголосом слове выражает лишь констатацию этого опыта, но не объяснение его.

Проблема понимания была сформулирована в языкоznании Вильгельмом Гумбольдтом: "...Всякое разумение между разговаривающими в то же время есть и недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах - в то же время и разногласие".

Мы в разговоре стремимся выразить свою мысль в ее индивидуальной неповторимости и хотим быть понятыми на глубине высказанного смысла, но именно в этом остаемся непонятыми: ведь свое высказывается словами общезначимыми. Не следует ли из этого, что "мысль изреченная есть ложь"?

По мысли Гумбольдта, язык - не система условных знаков-слов: он "может принадлежать только существу, одаренному самосознанием и свободой, и происходит в нем из глубины его индивидуальности, для него самого неисследимой, и из деятельности дарованных ему сил... человек, без участия своего самосознания, дает движение всей своей "духовной индивидуальности".

Великий мыслитель говорит о том, что высказанное слово является творческим актом, порожденным духовной индивидуальностью; процесс этот не поддается сознательному управлению и рефлексии.

Пониманию духовной индивидуальности созвучно наше понятие духовного "Я", также не поддающееся сознательному управлению и рефлексии, "неисследимое" для человека, но реально действующее и проявляющее себя в творческой индивидуальности. Так мы приходим к мысли о рождении слова на глубине духовного "Я". Оно присуще каждому человеку, следовательно, потенциально каждый обладает даром слова, отвечающего уникальности собеседника. Таков ответ на поставленный нами вопрос о норме ключевого слова-высказывания. Но это не статистическая норма-преобладание: напротив, описанные нами явления не столь обычны, скорее исключительны в опыте общения. Тем не менее в них проявляется закономерность - не эмпирическая, а сущностная: ключевое слово-высказывание рождается на глубине духовного "Я" двух собеседников. Оно является двуголосым, потому что рождается в той центральной точке круга, где сходятся оси индивидуальностей (вспомним "модель" аввы Дорофея). Понимание уникального смысла высказывания принципиально возможно, но не как данное, а как заданное человеку.

П.А. Флоренский, развивая идеи Гумбольдта, писал о таком понимании: "Мы верим и признаем, что не от разговора мы понимаем друг друга, а силою внутреннего общения, и что слова способствуют обострению сознания, сознанию уже происшедшего духовного обмена, но не сами по себе производят этот объем. Мы признаем взаимное понимание из тончайших, часто вполне неожиданных отрогов смысла: но это понимание устанавливается на общем фоне уже происходящего духовного соприкосновения".

Из всего сказанного следует, что проблема понимания разрешима, но ее разрешение возможно лишь при постулировании первичности духовного единства людей. В этом духовном единстве рождается живое слово.

П.А. Флоренский в своем лингвистическом исследовании пишет о слове как живом субъекте, индивидууме. Строение слова подобно строению человека: "Внешняя форма есть тот неизменный, общеобязательный, твердый состав, которым держатся все слова; ее можно уподобить телу организма... Внутреннюю форму естественно сравнить с душою этого тела... Эта душа слова - его внутренняя форма - происходит от акта духовной жизни". "Чувственность, рассудок и разум" соединены в слове наподобие тела, души и духа. "Усвоение читаемого и слышащего происходит одновременно на трех различных этапах: и как звук, вместе с соответствующим образом, и как понятие, и, наконец, как трепетная идея..."

Преобразующая сила звучащего слова видна из описания фонемы: "Вникнуть в нее - значит рассмотреть, во-первых, то чувство усилия, которым организуются голосовые органы, и шире - все тело, ибо, в сущности, говорим мы не гортанью и языком, но всем телом". Звуки фонемы психофизиологически связаны с соответствующими состояниями и эмоциями: так, слово "улыбка" заставляет улыбаться, слово "гром" раскатисто громыхает. Исследование фонем при помощи специальной аппаратуры и нотная запись их звучания показывают, что фонема - сложная система звуков, целое музыкальное произведение. "...Весь организм, раз он воспринимает, вибрирует сообразно слушаемому... Эта иррациональность действенности слова, хочется сказать, понятна, т.е. понятна как аналогичная действенность чистой музыки... Чем тоньше "совесть ушей", тем более значительным и потому и ответственным сознается слово как явление звука". Рассмотрение же смысловой наполненности слова не оставляет сомнения в том, что понятие "индивидуум" по отношению к нему не является метафорой и слово действительно является живым субъектом, иначе невозможно и живое понимание в диалоге.

В этом бытийственном понимании слова П.А. Флоренский выступает против "духовного позитивизма", позитivistской "научности", в которых слово - лишь условный знак, лишенный подлинной жизни. Позитивизм лишает познание конкретности, в нем индивидуум лишается своей неповторимости - "этости": "Научное мышление все построено на именах нарицательных, оно равнодушно к самой реальности, мало того - видит помеху своему схематостроительству. Научное мышление "ищет своего". "Так ведет себя познающий, когда познаваемое - не любовь его, а польза". Исследуя полезные для себя свойства и зависимости, позитивист утрачивает цельность индивидуальности. Для психологии этот путь является тупиковым.

Исследование П.А. Флоренского о строении слова приводит нас к выводу о принципиальной неразводимости понятий "вербальное" и "невербальное" общение. Звучание, интонации, ритм, мимика, жест, несущие значение и смысл, являются, по существу, словесными выражениями, поскольку само слово - не только значащее понятие, но и выразительный жест, "музыкальное произведение", поэтому и другие виды искусства являются словесными, логосными.

В интонации, жесте, мимике могут выражаться отроги смысла, его составляющие или дополняющие моменты, но в них же может быть выражена вся его полнота и глубина. Таково и "понимание с полуслова". "Понимание без слов" выступает в нашем контексте не как "невербальное", но как вершина диалога.

Понимание без слов возможно лишь при глубочайшей духовной близости людей. Им открыт внутренний опыт наполненности молчания. Такой опыт отличен от молчаливого взаимопонимания людей, достаточно хорошо знающих друг друга и ситуацию, чтобы без слов понимать происходящее и его последствия. Молчание отличается особым состоянием внутренней тишины, гармонии, наполненности. Это состояние может быть выражено словами "Ты есть"; такова вершина субъект-субъектного общения - вершина диалога. Полнота общения возможна благодаря доминанте на другом, когда у собеседников замолкает их наличное "Я".

В психотерапевтическом диалоге молчанию предшествует внимание, выслушивание собеседника, вслушивание в его внутренний диалог. Внимание изменяет состояние не только психолога, но и его собеседника: негативные эмоции постепенно умиротворяются, переходят в положительные и сменяются радостью общения. Такая смена состояний собеседника может быть понята как следствие освобождения от доминанты наличного "Я" и открывшегося контакта с духовным "Я". Иначе трудно объяснить, почему в результате выслушивания он меняет свои прежние негативные решения ("Я ей отомщу! Она меня будет помнить!" и т.п.) на диаметрально противоположные, идущие от совести; ведь совесть, как мы говорили, является голосом духовного "Я".

Доминанта психолога на собеседнике способствует духовному контакту, благодаря которому собеседник без слов и наставлений способен принять молчаливый совет консультанта, выражающий не его личные, но универсальные ценности, общие им обоим. Таков безмолвный диалог об общем нравственном императиве.

Слово рождается в молчании и уходит в молчание. Заметим, что в словах "молвить" и "молчать" общий корень. Опыт молчания трудно передаваем, он не поддается "объективному описанию" и тем более - доказательству. Можно апеллировать лишь к личному внутреннему опыту читателя или к предчувствию этого состояния, которое возможно благодаря близости к своему духовному "Я": оно существует в той центральной точке, где многоцветие индивидуальностей сливаются в единый Свет. Внутренний опыт молчания говорит о реальности Источника, из Которого рождается слово: "В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог" (Иоанн, 1; 1).

Диалог человека с природой

Вся жизнь построена на Жертве.

Наша пища - это жертва природы. Едим ли мы убитые тела животных, собранные овощи и фрукты - мы принимаем жертву. Жить, не осознавая этого, принимать жертву, не отдавая себя, - значит, еще не стать сознанием природы, не выполнять свое призвание.

Усилия цивилизованных обществ сохранить природу для своего благополучия и потребления не дадут плода, пока человек не вступит в диалог с природой не в переносном, а буквальном смысле.

Мы говорим о диалоге как субъект-субъектном общении. Из этого следует, что общение с природой - это не "подышать воздухом", "насладиться покоем", "забыться в глухи лесной"... Такое - далеко не худшее - отношение к природе все-таки превращает ее в средство и фон для человека, в нем нет полноты общения, нет диалога. Пожалуй, больше реального общения в трудовом отношении к природе, когда мы вскапываем участок земли для посадки или ухаживаем за деревьями сада: мы взаимодействуем с природой, помогаем ее плодоношению, относимся к ней как рождающей, а значит - живой. Даже потребительское ожидание урожая заставляет прислушиваться, приглядываться к природе, узнавать ее нрав - ведь урожай зависит от погоды, солнца и дождя, удобренности земли.

Наши предки-язычники обращались к Матери-земле, прося об урожае, благодарили ее песнями, плясками и хороводами за щедрые дары. Праздники христианской Церкви тесно связаны с жизнью природы, ее циклами. Христиане молятся Царице Небесной и святым, совершают молебны об урожае, ниспослании дождя и благоприятной погоды, о сохранении скота.

В житиях святых рассказывается о людях, посвятивших себя служению Богу, людям и всему существу во Вселенной. Победив зло в собственной душе, очищая свою природу, они изливают любовь не только на людей, но и на всякое живое существо. Эта любовь влечет к себе и диких зверей; таков образ преподобного Серафима: он жил в лесной глухи, и в гости к нему приходил медведь за лаской и угощением.

Духовная высота человека и нравственная чистота открывают ему таинственный язык природы и приводят к общению с ней. Ведь природа живет в согласии с законами бытия, не нарушая их. Только у человека есть свободная воля, которую он может использовать как для добра, так и для зла, греха⁴, нарушающего закономерный строй, гармонию бытия. Зло отражается на жизни природы; она страдает от жестокости, неразумности и своеволия человека. Страдает и природа самого человека, униженная и оскверненная.

Живя вопреки своему духовному призванию, подчиняясь неочеловеченным, не преображенным телесным влечениям, поддавшись массовому облазну "раскрепощения" инстинктов, современный человек вредит природе как окружающей его, так и своей собственной. Призвание человека - быть сознанием природы. Сознание должно быть господином тела.

Власть человека над природой - это господство любви и разума. Вспомним, как рассказано в Библии об изначальном назначении человека: "Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных, и привел /их/ к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей" (Быт. 2, 19). Обратим внимание на то, что не "название, а "имя" давал человек в Едеме "всякой душе живой". Название можно дать безликой вещи, а имя дается только лицу, субъекту, с которым вступают в диалог. Более того, имя выражает сокровенную суть его носителя, его неповторимую индивидуальность. Значит, человеку до грехопадения было даровано постигать сущность, уникальность всех живых существ; такое познание возможно лишь в диалогическом обращении к каждому как к лицу, субъекту общения. Таково призвание человека согласно Библии.

О взаимоотношениях человека с природой говорят памятники культуры всех времен и народов. Трудно вспомнить народную сказку, в которой не участвуют природные существа: они помогают добрым, мешают злым персонажам, совершают работу, непосильную самому герою сказки. В содружестве с силами природы человек творит чудеса.

Но велико различие между дохристианским, "языческим" и библейским отношением к природе. Поклонение могущественным силам природы, обожествление природных стихий и животных - не отвечает назначению, месту человека во Вселенной. Собеседник в диалоге не может быть кумиром. В Библии говорится об иной иерархии отношений: человек не раб природы, он - возделыватель и хранитель сада Едемского (Быт. 2, 15). Это господство служения. Но служение это - Творцу и Его творению. Служение невозможно без послушания. Знаменательно, что грехопадение Адама и Евы произошло в нарушении их отношения с Богом через своевластный поступок, связанный с древом познания. Своевольное, непослушное Богу отношение к природе становится гибельным для человека.

Мы живем уже на краю гибели, именуемой "экологической катастрофой". Языческое идолопоклонство силам природы сменилось жестоким насилием, паразитическим потребительством цивилизованного человека, утратившего живую связь с природой, разучившегося понимать ее. Природа превратилась в безликий объект. Сама жизнь у вопрошающего о ней ученого стала отвечать не на вопрос "кто?", а на вопрос "что?" Омертвление мысли о жизни стало смертоносной силой науки, порождающей оружие уничтожения жизни, создающей блага цивилизации, обернувшиеся бедствиями Чернобыля.

После того как гром уже не однажды грянул, интеллект человека устремился к спасению природы как "среды выживания". Но эти усилия исправить содеянное идут в той же логике, которая привела человека к злодеяниям: природой управляют, манипулируют как неодушевленной вещью. К природе не обращаются, не спрашивают, что ей надо.

Красная книга. Список жертв природы. Уходящие с лица Земли прекрасные творения Жизни: цветы, птицы, животные... Глядя на эти жертвы - итог легкомысленного и жестокого потребительства, человек наконец осознает свою вину перед природой, взаставшей его. Любовь к природе пробуждается подобно тому, как потребительское отношение к матери сменяется чувством раскаяния, заботы и ответственности, когда она изнемогает от болезни. Только бы не опоздать...

Среди европейских мыслителей нашего века большой известностью пользуется учение "благовения перед жизнью" Альберта Швейцера, жизнь которого - служение людям и природе. Он непосредственно переживал волю к жизни каждого существа как свою собственную: "Одна жизнь утверждает себя за счет другой, одна разрушает другую... Во мне же воля к жизни приобрела знание о другой воле к жизни. В ней воплотилось стремление слиться воедино с самой собой и стать универсальной". В этом переживании единения со всем сущим он обретал духовную радость, которая хранит "от прозябания в пустоте жизни", поднимает над жизненными невзгодами и страданиями. Но это требует от человека духовной активности, борьбы со злом в себе, за "свободу от самого себя": "Я испытываю страх перед тем, что из-за неверности по отношению к самому себе могу ранить отравленным копьем мою волю к жизни".

Такое мироощущение неизбежно противоречиво. Переживая волю к жизни каждого существа как свою, человек не может существовать, не принимая жертвы природы: не поглощая воду и воздух, не пользуясь теплом и светом, не питаясь существами природы. Таково устроение жизни: более организованные существа живут, питаясь низшими. Это - закон иерархии. Учение А. Швейцера о воле к жизни необходимо дополнить волей к жертвенности. Жертва - в основе нашей жизни, она ее закон. Вслед за осознанием, что природа - живое существо, приходит осознание того, что, питаясь телом природы, мы вправе принимать эту жертву, если сами жертвуем собой, отаем себя служению Богу и людям. Только такая жизнь делает человека гражданином Вселенной, приобщает к Вечности. Развивая мысли Швейцера, хочется добавить, что чем сильнее чувство благовения перед жизнью, тем острее и глубже должно быть переживание вины и покаяние. С этим нужно жить, чтобы быть в единстве и согласии со всем сущим.

Духовная высота и нравственная чистота человека открывают ему таинственный язык природы. Найти с природой общий язык - особая задача человека. С себе подобными вступить в диалог легче. Ведь природа говорит иным языком, и постигают его немногие, но призван к этому каждый.

В "Слове о полку Игореве" природа является действующим лицом. Вот как пишет об этом Д.С. Лихачев: "Она сочувствует русским, стремится предупредить их об опасности, помогает Игорю в его бегстве из плена; у нее ищет сочувствия и помощи Ярославна. Когда Игорь двинулся в свой несчастный поход, свет солнца померк; ночь, "стонущая грозою", стремится остановить Игоря на его гибельном пути. Даже степные звери и птицы предчувствуют поражение русских. Вместе с половцами надвигаются от моря на войско Игоря синие тучи. Битва с половцами переносится и в природу, приобретая черты борьбы силы зла с силой добра во всей природе. Трава и деревья отзываются на поражение русских: трава никнет, деревья от горя преклоняются до земли или роняют листву". В этом соучастии природы силам добра знаменательна предсказующая роль природы: она дает "знамения", знаки, говорящие человеку о том, что его ожидает. Природа говорит человеку своим языком образов-символов. И эти указания сбываются. Велика печаль природы о поражении Игоря, не послушавшего ее голоса.

В наше время "Слово о полку Игореве" звучит как предупреждение всему человечеству об угрозе его поражения в борьбе с силами зла, если не обратится оно к своей матери-природе, не прислушается к ее голосу.

Не предупреждают ли нас стихийные бедствия - землетрясения, наводнения, засухи, неурожай - о последствиях духовного бесплодия, вражды и кровопролитий? Не отражает ли природа состояние человека?

Во время засухи и неурожая русские люди издавна молились пророку Божию Илии, каясь в оскудении веры, ожесточении сердца нечистотой мыслей и чувств. В молитве пророку Илии во время бездождя есть удивительные слова, выражющие глубину понимания связи природы с состоянием души человека: "Исповедуем, яко и мы, якоже древний Израиль, отступих от Господа Бога нашего, аще не верою, то безза-коными нашими, и аще не поклоняемся Ваалу и другим мерзким идолом, но раболепствуем страстем и похотем нашим, служаще идолу чревоугодия и сластолюбия, идолу гордости и тщеславия, и вслед ходим богопротивным иноплеменным обычаем и погибельному духу времене. Исповедуем, яко сего ради заключися небо и сотворися яко медяно, яко заключися сердце наше от милосердия истинных любви ко ближнему; сего ради отверде земля и соделася бесплодна, яко не приносим Господу нашему плодов добрых дел; сего ради несть дождя и росы, яко не имамы слез умиления и животворные росы Бого-мыслия; сего ради увяде злак и трава сельная, яко изсше в нас всякое благое чувство; сего ради омрачися воздух, яко ум наш омрачися помышленьями и сердце наше осквернися беззаконными похотенями".

Пророк Илия жил в IX в. до Рождества Христова. Он гневно обличал израильского царя Ахава за отступление от веры в истинного Бога и поклонение идолу Ваалу, возвестив ему, что за это в наказание его и всего его царства три с половиной года не будет в стране дождя и наступит великий голод. По его молитве так и было. Он явил израильскому народу знамения и чудеса, показавшие бессилие идолопоклонников-жрецов перед истинной верой: по молитве пророка Божия огонь сошел с неба и воспламенил принесенную им жертву, троекратно политую водой. Идольская же жертва не возгорелась. Люди поверили пророку Илии, проповедовавшему им Единого Бога, и раскаялись в своем заблуждении. И тогда по молитве пророка Божия животворный дождь оросил землю. Святому покоряются стихии - и огонь, и вода, и воздух: он "свирепые волны морские и страшные бури утишает, громами и молниями по воле Божией управляет", "тлетворные ветры и смертоносные язвы, поражающие людей и скот, укрощает".

Пророка Илию в молитвах величают "предтечей второго пришествия Христова", ожидая его явления на земле в конце времен для утверждения людей в вере в Бога и обличения Антихриста.

Иконописцы изображают пророка Илию возносящимся на небо на огненной колеснице. Пламенная вера в Бога возвращает человека в его первоначальное достоинство: до грехопадения Адам был бессмертен.

Святые земли нашей скорбят и молятся за народ и землю русскую, подобно тому, как скорбел за народ свой пророк Илия: "Зело скорбел еси, пророче, яко оставил завет Его сынове Израилевы, алтари Его раскопаша и пророки избиша. Господь же во утешение Свое возвести тебя, яко не весь Израиль отступи от Него, но имать седмь тысячи сокровенных рабов Своих, иже не преклониша колена своя Ваалу". Разрушены храмы, осквернены алтари, замучены праведники на земле русской. И не миновать нам стихийных бедствий и тяжких испытаний, пока народ наш не перестанет поклоняться "мерзким идолам", "раболепствуя страстям и похотям", служа идолу "чревоугодия и сластолюбия", "идолу гордости и тщеславия", подражая "богопротивным иноплеменным обычаям и погибельному духу времени". Но не весь народ отступил от Бога, и пока есть на земле нашей праведники, будет жить отчество наше, общий наш дом.

¹ Если символом психоаналитического понимания "глубинности" человека является айсберг, открывающий взору лишь свою вершину, то в предполагаемом подходе человек символизируется горой, вершина которой недосягаема для физического зрения.

² Диалогическое общение происходит на смысловом уровне. Следовательно, оно выражается языком и логикой смыслов. Таким языком может быть лишь язык символов, язык искусства, в котором возможно единство образа и смысла.

³ Работа в этом направлении велась мною совместно с консультантом О.Е. Панасюк.

⁴ П.А. Флоренский раскрывает смысл слова "грех" как "огрех", "ошибка", подобно тому как слово "блуд" связано с "заблуждением". (См.: Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной традиции. - М., 1914.)

Заключение

В бедствиях, постигших нашу страну, мы, подобно героям греческой трагедии, ищем виновников не в себе, а вовне: в культе личности, в коммунистической идеологии... Но каждый из нас неотделим от своей страны и ее истории и ответствен за нее, в каком бы стане он ни находился.

Идеалы братства, общины, соборности издавна были близки русскому народу. Общинный образ жизни культивировался в монастырях на протяжении всей уже более чем тысячелетней истории христианства на Руси. Но всеобщее братство возможно лишь там, где есть любовь к Богу как Отцу всех. Вот как сказано о жизни первых христиан в "Деяниях святых Апостолов": "У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее" (Деян. 4, 32). Свобода от личной собственности - это духовный подвиг "бессребреничества", высоко почитавшийся на Руси. Но этот идеал духовной жизни не был принудительным требованием.

После Октябрьской революции человек был насильственно лишен и свободы совести, и свободы собственности. У народа были отняты церкви, монастыри и свобода вероисповедания. Религия была подменена суррогатом коммунистической идеологии, долгое время паразитировавшей на жертвенности и терпении народа, его вере в добро и справедливость. Духовная жизнь не прекратилась; история советского государства, особенно в годы Великой Отечественной войны, богата подвигами людей, достойных вечной памяти. В условиях репрессий героически служили правде и красоте творцы науки и искусства. Но сегодня мы ощущаем упадок творческих сил.

Бездуховный материализм обернулся материальной нищетой, в которой мы оказались. Но как бы нам снова не впасть в новую разновидность того же материализма - уже не прикрытого. Правда, откровенное накопительство имеет преимущество: не прикрываясь высокими мотивами, оно ставит человека перед ясным выбором. Это о нем сказал Иисус Христос в Нагорной проповеди: "Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом не радеть. Не можете служить Богу и маммоне" (Мф. 6, 25). Выбор необходим, так как господствовать и душе человека может лишь один хозяин: об этом говорит и закон доминанты. Средства существования, превратившись в самоцель, рано или поздно приводят к краху; в иерархии ценностей средства должны занимать свое, подобающее им подчиненное место, не подменяя собой цель и смысл жизни человека и общества. Когда этот порядок нарушается, человеку грозит непорядочность, а общественной системе - распад.

У каждого человека свой неповторимый жизненный путь. Подражать в жизни и творчестве другому, пусть очень хорошему и преуспевающему человеку, - значит изменить своему призванию и стать неудачником. То же относится к жизни государства. И в его развитии, помимо наличного, есть невидимый духовный план: Промысел. В него следует взглянуться, чтобы не впасть в социальный произвол, а следовать логике своего исторического пути.

Сегодня мы переживаем времена трудных испытаний, и от духовного состояния человека зависит то, как мы их выдержим.

Приложение

Краткое содержание факультативного курса "Диалог и духовное становление личности" для студентов психологических факультетов университетов и педагогических институтов

Тема 1. Психология, ориентированная на духовное становление личности

Возможности и ограничения объективной психологии в исследовании личности. Исключение позитивистской методологии из сферы научного исследования неповторимой индивидуальности. "Типологическое" и "уникальное" в личности; проблема методов, ориентированных на объект исследования. Проблема субъект-субъектной методологии психологического знания.

Возможности объективной психологии в исследовании общих и типологических свойств и закономерностей психики. целесообразность их изучения для познания и самопознания личностью своего психического "материала"; свобода личности в освоении, преобразовании, совершенствовании и компенсации этого материала. Несводимость личности к ее наличным психическим характеристикам. Проблема воссоздания целостной личности из совокупности исследовательских данных. Роль субъектных характеристик исследователя в этом процессе "объективного" исследования. Неразработанность этой темы в рамках традиционной психологии.

Психология личности как гуманитарная наука, ориентированная на субъект познания. Возможность объективности субъект-субъектного познания; ее зависимость от личностных качеств познающего, его психологического опыта, адекватности, глубины, дифференцированности, отрефлексированности, составляющих задачу психологического образования как образования личности психолога.

М.М. Бахтин, С.С. Аверинцев и А.А. Ухтомский о методологии гуманитарных наук и ее диалогическом характере. Диалоговедение Бахтина и его значение для психологии личности. Понятие "доминанта на Собеседнике" Ухтомского в системе его идей о познании неповторимого "лица" человека. Связь этого понятия с принципом "вненаходимости" Бахтина: их противоположность и смысловое единство, образующее систему психологических характеристик диалога как метода познания личностной индивидуальности.

Тема 2. Диалог как духовно развивающее общение

Слово в диалоге: проблема понимания уникального смысла слова; В. фон Гумбольдт и проблема взаимопонимания. П.А. Флоренский о строении слова и духовной основе взаимопонимания.

Понятия наличного "Я" и духовного "Я". Необходимость постулирования духовного "Я" в психологии личности. Проблема доминанты на каждом другом (Ухтомский). Необходимость признания духовного плана общения. Открытие уникальности "лица" как духовный акт. Совесть как проявление духовного "Я"; проявление духовного "Я" и его уникальности в творчестве. Диалогическое и конфликтное соотношение духовного "Я" и наличного "Я". "Вытеснение духовного "Я" как источник душевного неблагополучия и психических аномалий личности.

Взаимозависимость внутреннего и внешнего диалога, сопряженность их развития. Диалог наличного "Я" и духовного "Я" как условие сознательного духовного становления личности.

Творческий характер нравственного отбора как духовного акта. Различие понятий "мораль" и "нравственность" и их соотношение. Различие добра и зла на пути духовного становления личности.

Духовная традиция "невидимой брани" - борьбы со злом в душе человека. Катарсис и покаяние как изменение сознания. Преодоление сопротивления наличного "Я" и осознание императива духовного "Я". Исцеление личности как восстановление ее целостности: диалога наличного "Я" с духовным "Я".

Ответственность и принятие на себя трудностей и страданий как проявление зрелой духовной жизни. Диалектика радости-страдания.

Возможность диалога "верующих" и "неверующих" и необходимость диалогической установки для психолога. Понимание символического языка религиозного культа.

Символический язык личностных смыслов и духовного опыта. П.А. Флоренский, С.С. Аверинцев, М.М. Бахтин и др. о языке символов. Различие понятий "знак", "символ", "аллегория". Способность понимания языка символов как показатель духовного развития личности. Рассудок, разум и мудрость. Рассудочность как преграда духовного развития. Единство разума, чувства и воли как характеристика мудрости.

Тема 3. Диалогичность отношений и духовное развитие личности в семье

Любовь как основа духовной жизни человека. Различие понятий "любовь", "влюблённость", " страсть", "влечение" на основе принципов диалога: доминанта на Собеседнике и вненаходимость.

Идеал и идеализация в отношениях любви и влюблённости. Любовь как способность познания неповторимой индивидуальности другого.

Диалогические принципы супружеских взаимоотношений и отрицательные последствия монологизма.

Расхождение идеала и наличного состояния супруга как неизбежность и источник трудностей, противоречий и конфликтов. Необходимость веры в реальность идеала, т.е. духовного "Я", и терпения несовершенств наличного "Я" супруга.

Духовное развитие супружества как условие жизнеспособности и прочности их отношений.

Мужчина и женщина в семье: противоположность и взаимодополняемость их ролей как условие диалогичности взаимоотношений. Материнство как природное и духовное призвание женщины. Материнство и отцовство как духовный подвиг в современном мире. Преодоление трудностей и лишений в семейной жизни как условие духовного укрепления личности.